

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ-1981

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1981

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ, Р. М. БИРЮКОВИЧ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕРФЕКТА В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ

Изучение истории перфекта в различных языках мира обнаруживает его поразительную устойчивость по сравнению с другими прошедшими временами. Так, например, как известно, древнерусский язык был достаточно богат прошедшими временами, их было в нем четыре: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект.

Аорист	
<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
1. несехъ 'я принес' и т. д.	1. несохомъ 'мы принесли' и т. д.
2. несе	2. несосте
3. несе	3. несоша
Имперфект	
<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
1. бьрахъ 'я брал' и т. д.	1. бьрахомъ 'мы брали' и т. д.
2. бьраше	2. бьрасте
3. бьраше (-ть)	3. бьрахоу (-ть)
Перфект	
<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
1. пришьль іэсмь 'я пришел' и т. д.	1. пришьли іэсмь 'мы пришли' и т. д.
2. пришьль іэси	2. пришьли іэсте
3. пришьль іэсть	3. пришьли соуть
Плюсквамперфект	
<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
1. поставиль бонхъ 'я поставил раньше' и т. д.	1. поставили бонхом 'мы поставили раньше' и т. д.
2. поставиль бонще	2. поставили бонсть
3. » »	3. поставили бонхоу

Существовала еще вторая форма плюсквамперфекта типа іэсмь 'был ходилъ'; 'я ходил раньше' и т. д.

«Формы аориста и имперфекта рано вышли из употребления. О разрушении простых форм прошедшего времени свидетельствует ошибочное употребление их уже в памятниках XII—XIII вв. Неправильное использование аориста и имперфекта с течением времени все больше усиливалось...»¹.

¹ Н. Г. Самсонов. Древнерусский язык. М., 1973, стр. 126.

«Исходя из показаний памятников, можно подумать, что аориста не было в разговорной речи уже в XIV в. Имперфект исчез еще раньше, в XII в., как предполагают некоторые исследователи»². «Функции утраченных простых форм прошедшего времени стал выполнять перфект, получивший возможность передавать те оттенки действия, которые прежде выражались аористом и имперфектом»³.

«До тех пор пока перфект имел свое специфическое значение, сохранялись аорист и имперфект. Но перфект рано утрачивает свое особое значение, и его все чаще и чаще начинают употреблять в том же значении, какое имели аорист и имперфект. Объясняется это следующим: причастие на -л-, входившее в состав перфекта, могло быть образовано как от глагола совершенного вида, так и от глагола несовершенного, что способствовало в дальнейшем более интенсивному развитию категории вида. А это делает возможным выражение посредством перфекта любого действия в прошлом, как законченного, так и незаконченного и повторяемого. Перфект от глаголов совершенного вида совпал по значению с аористом, а перфект от глаголов несовершенного вида — с имперфектом. В связи с этим аорист и имперфект исчезают. Перфект, таким образом, получил способность передавать самые разнообразные оттенки значения прошедшего времени. В результате в русском языке единственной формой прошедшего времени стал перфект, но формы его подверглись существенной перестройке»⁴. Вспомогательный глагол утратился.

Таким образом, в современном русском языке функционирует только одна форма прошедшего времени, восходящая к перфекту, например: «сказал», «пришел», «сделал».

В сербохорватском языке отмечают несколько прошедших времен: аорист, перфект, плюсквамперфект и имперфект. Однако имперфект, плюсквамперфект и аорист малоупотребительны⁵. В речи практически используется только перфект. Это можно объяснить тем, что формы аориста и имперфекта функционировали в языке как формы противопоставленные по виду. Имперфект выражал незавершенное действие, а аорист — завершенное. В современном сербохорватском языке существует морфологический способ выражения завершенности, заключающийся в использовании приставок к глагольной форме. Поэтому формы аориста и имперфекта становятся избыточными, а форма перфекта, покрывающая их значения⁶, остается единственной в сфере прошедшего времени.

Например: ја сам писао 'Я писал'
ја сам написао 'Я написал'.

Та же тенденция к сохранению старого перфекта наблюдается в чешском и польском языках. В чешском языке старый перфект является единственным прошедшим временем, ср. *nesl jsem* 'я нес', *nesl jsi* 'ты нес', *nesl* 'он нес' и т. д.⁷

Аналогичную картину можно наблюдать и в польском языке. И здесь старый, несколько видоизмененный перфект является единственным прошедшим временем в польском языке, ср. *stałem* 'я стал', *stałeś* 'ты стал', *stal* 'он стал' и т. д.⁸

² Н. Г. Самсонов. Указ. раб., стр. 126.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 131—132.

⁵ П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. Сербохорватский язык. Л., 1975, стр. 77—79.

⁶ Там же, стр. 72.

⁷ Rudolf Fischer. Tschechische Grammatik. Leipzig, 1972, стр. 72.

⁸ Roman Laskowski. Polnische Grammatik. Warszawa, 1972, стр. 138.

В истории японского языка древний перфект также оказался в конечном счете победителем среди прошедших времен, однако условия его развития были иными. В старояпонском языке функционировало довольно много прошедших времен: прошедшее на *-ri*, прошедшее на *-ki*, прошедшее на *-tari*, прошедшее на *-tariki*, прошедшее на *-nu*, прошедшее на *-su*, прошедшее на *-keri*⁹.

Сфера употребления большинства этих времен не была широкой. Так, например, прошедшее на *-keri* было давнопрошедшим временем¹⁰ и употреблялось не особенно часто. Прошедшее на *-tari* имело значение перфекта состояния. Прошедшее на *-su* и прошедшее на *-nu* имели значение прошедшего совершенного¹¹. В этом отношении они могли в известной степени конкурировать с прошедшим временем на *-tari*. Е. М. Колпакчи указывает, что суффикс прошедшего совершенного времени *-su* никогда не используется там, где подлжжким выступает неодушевленное имя существительное¹². Прошедшее на *-tariki* было редким¹³. Прошедшее на *-ri* образовалось только от основ на *-u* и *-su*¹⁴. Перфект на *-tari* имел очень слабых конкурентов и оказался исторически наиболее устойчивым временем. От перфекта на *-tari* произошло современное японское время на *-ta*, являющееся единственным прошедшим временем в современном японском разговорном языке, ср., например, *jonda* 'прочел', *totta* 'взял', *kaita* 'написал' и т. д.

«В древневенгерском языке было два прошедших времени: 1) претерит на *-a*, *-e*, *-á*, *-é*, употреблявшийся в текстах повествовательного характера, и 2) перфект на *-t*, *-tt*, означавший законченное действие. В более позднее время перфект на *-t*, *-tt* начал употребляться также в значении прошедшего повествовательного, вследствие чего прошедшее на *-a*, *-e*, *-á*, *-é* стало исчезать. В настоящее время оно полностью исчезло в литературном венгерском языке, а также в большинстве венгерских диалектов»¹⁵.

В древнеиндийском языке перфект обозначал действие, в данный момент законченное. Впоследствии он стал употребляться в том же значении, что и имперфект¹⁶.

Основной особенностью формообразования глагола в южнонемецких и в значительной (южной) части западносреднемецких диалектов является утрата простого прошедшего с заменой его сложным (так называемым перфектом), образованным с помощью вспомогательных глаголов *haben* и *sein*¹⁷. В ряде случаев формы имперфекта в связи с фонетическими изменениями совпали с формами настоящего времени. Формы перфекта были более четкими, и носители языка начали отдавать им предпочтение.

В языке идиш единственным прошедшим временем является перфект.

В языке африканс все прошедшие времена исчезли, кроме перфекта. Форма *ek het gelees* соответствует немецкому *ich las* 'я читал' и *ich hatte gelesen* 'я читал раньше'¹⁸.

⁹ Е. М. Колпакчи. Очерки по истории японского языка. М.—Л., 1956, стр. 111.

¹⁰ Там же, стр. 126.

¹¹ Там же, стр. 114.

¹² Там же, стр. 125.

¹³ W. P. Lehman and Lloyd Faust. A Grammar of formal written Japanese. Cambridge, Massachusetts, 1951, стр. 54.

¹⁴ Там же.

¹⁵ V. Tauli. Structura! Tendensies in Uralic Languages. The Hague, 1966, стр. 186.

¹⁶ У. И. Калынов. Средства выражения прошедшего времени в эпическом санскрите. — «Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук», № 98, вып. 1. Л., 1946.

¹⁷ В. М. Жириунский. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, стр. 452.

¹⁸ Marcel R. Breune. Lehrbuch des Afrikaans. München, 1954, стр. 69—70.

Почти во всех тюркских языках частотность перфекта увеличилась в связи с приобретением им модального значения неочевидности действия. Перфект в тюркских языках часто употребляется в тех случаях, когда говорящий или пишущий не был очевидцем действия. Он сообщает о действии со слов других или делает вывод о его наличии в прошлом на основании каких-либо признаков, ср. в татарском: *Шушы коридорлар буйлап кайчандыр китап, дәфтәр тотып Ленин йөргән, шул бинада Толстой укыган. Шунда укырга дип яшь Горький хыял корган*¹⁹ 'По этим коридорам когда-то с книгами и тетрадами ходил Ленин, в этом здании учился Толстой. Здесь мечтал учиться молодой Горький'.

Совершенно очевидно, что глагольные формы *йөргән* 'ходил', *укыган* 'учился' и *хыял корган* 'мечтал' сами по себе совершенно лишены значения результативности. Автор употребил эти формы лишь с той целью, чтобы показать, что сам он не является очевидцем этих действий. О том, как по коридорам Казанского университета с книгами и тетрадями ходил В. И. Ленин, о том, что в этом университете учился Л. Н. Толстой и мечтал учиться А. М. Горький, он читал в книгах.

Перфект на *-мыш* в тюркских языках огузской группы также способен выражать неочевидное действие, ср. азерб. *Ассуррија Шимали Суријада вә Финикијада муһарибә апармыш* 'Ассирия вела войны в Северной Сирии и Финикии' (из «Азербайджанской Советской Энциклопедии»). Форма *апармыш* здесь не имеет перфектного значения. Использование перфекта с модальным значением неочевидности примечательно тем, что формы перфекта здесь совершенно утрачивают перфектное значение и по способности передавать прошлое действие они ничем не отличаются от форм прошедшего на *-ды*, в чем можно легко убедиться при анализе приводимого ниже татарского текста:

*Гали абзый Бөгелмәнең тарихи турында сөйли башлады. Бөгелмә СССР-ның, Европа өлешендә иң биек урынды урнашкан шәһәрләрнең берсе... Моннан ике йөз еллар элек Бөгелмә дала уртасына ташланган кечене бер авыл булган. Аны дөньяның кырые дип йөрткәннәр. Патшага, алпавытларга каршы күтәрелгән кешеләр бирегә сөргәнгә жиберелгән. Бөгелмәгә Ялачич, Шкапский дигән алпавытлар, миллионер Хакимовлар хужа булганнар. Бөгелмәнең барлык халкы, тирә-як авыллар — барысы да аларга эшләгән. Заводлар, тегермәннәр, трактирлар, кибетләр аларныкы булган. Фәхешханаларне дә алар тотканнар*²⁰ 'Гали абзый принялся рассказывать историю Бугульмы. Бугульма — один из наиболее высоко расположенных городов Европейской части СССР. Лет двести тому назад Бугульма была заброшенной в степи деревушкой. Ее считали краем света. Сюда отправляли в ссылку людей, восставших против царя и помещиков. В Бугульме хозяйничали помещики Ялачич и Шкапский, миллионеры Хакимовы. Почти все население Бугульмы и окрестных деревень работало на них. В их руках были заводы, мельницы, трактиры, магазины. Содержали они и публичные дома'.

Э. А. Грунина совершенно справедливо замечает: «Для форм перфекта в разных тюркских языках имеет значение источник информации о событии: первичный (личное знание) и вторичный (неличное знание). В последнем значении перфект *-miş* функционально тяготеет к особой системе форм (категория пересказывательного наднаклонения), куда он входит как претерит, нейтрализуя значения перфекта и плюсквамперфекта»²¹.

¹⁹ Г. Кутуй. Сайланма эсәрләр. Казан, 1947, стр. 31.

²⁰ Г. Әпсәләмов. Газинур. Казан, 1955, стр. 18.

²¹ Э. А. Грунина. К истории семантического развития перфекта на *-miş*. — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 17.

Под влиянием турецкого способность перфекта выражать неочевидное действие возникла в некоторых индоевропейских языках Европы, например, в болгарском и албанском. Под влиянием узбекского языка она возникла и в таджикском. Наличие модального значения неочевидности действия у перфекта существует также в пермских языках и в марийском. Отмечено употребление перфекта в модальном значении в финском и эстонском языках²².

Десемантизация перфекта в случаях его модального употребления, по-видимому, послужила причиной того, что в некоторых тюркских языках круг значений перфекта заметно расширился.

В современном чувашском языке перфект может иметь три основных значения: 1) выражение результата действия, 2) выражение неочевидного действия и 3) выражение длительного действия.

Когда чувашский перфект выражает длительное действие, то само действие может быть вполне очевидным для говорящего. Примеры: — *Кредитлӑ юлташлӑх айӑплӑ... Миҫе хут каланӑ еҫ* (Шкетан, 84) — Кредитное товарищество виновато... Я сколько раз говорил об этом'. *Хам ёҫленӗ, туртгарса килнӗ — мӗнех вара, ман илме сӑлтавӗе те пур, — терӗ ӑна ашше* (Шкетан, 15) 'Сам трудился, привез, мне и причитается, — сказал ему отец'²³.

Расширение значений перфекта отмечено также в мишарском диалекте татарского языка. Характеризуя обычные значения прошедшего-настоящего или результативного на *-ган*, Л. Т. Махмутова отмечает: «Обозначает действие, являвшееся в прошлом обычным, постоянным, характерным для определенного круга лиц. Глагол стоит в 3-м лице единственного числа. В этом значении рассматриваемая форма синонимична прошедшему незаконченному на *-а иде*. *Эшлӑгӑн туйгынчык, аннан ашаган-эчкӑн дӑ йыклаган* 'Обычно работали, бывало, до усталости, потом ели-пили и спали'. *Бӑбӑклӑрне катырып утыргӑн тугып* 'Сидели, бывало, ткали до изнеможения' (букв.: до затвердения глаз — о женщинах в старину).

Обозначая действие достоверное, происходившее в неопределенном или далеком прошлом при участии или в присутствии говорящего, употребляется в значении прошедшего категорического времени. *Без инде кӑп йерлӑрдӑ булганбыз, кӑпне курганбез* 'Мы уж во многих местах побывали, многое видели'.

В указанном значении форма прошедшего-настоящего времени I широко распространена во всех мишарских говорах, но наиболее активно — в дрожжановском и частично в чистопольском. Очень активна эта форма в говоре татар северо-восточной Башкирии²⁴.

В мишарском диалекте есть еще другой перфект, образуемый путем непосредственного присоединения аффикса *-ып* к основе глагола. Этот перфект также может употребляться в значении прошедшего категорического времени на *-ды/-де*: *Безнең кардәш белән берге укыпсыңмы?* 'Ты вместе с нашим братом училась?' *Мин аны ашапмын инде* 'Я уже съела его'²⁵.

Нетрудно заметить, что все эти значения перфекта в мишарском диалекте татарского языка в известной мере напоминают одно из значений перфекта в чувашском языке в тех случаях, когда он выражает длительное время.

²² Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, стр. 206—209.

²³ М. Шкетан. Эренгер. Шулпашкар, 1957.

²⁴ Л. Т. Махмутова. Формы прошедшего времени в мишарском диалекте татарского языка. — «Советская тюркология», 1976, № 3, стр. 20.

²⁵ Там же, стр. 21.

Есть некоторые основания предполагать, что в разговорном азербайджанском языке перфект на *-мыш* также может употребляться в значении прошедшего категорического времени. Вот некоторые примеры:

- *Көрмүшсәнми ону?* — Видел ли ты его?
- *Бәли көрмүшәм* — Да, видел²⁶.
- *Университетдәми охумушсунуз?*
- *Хейр, мән Москвада технолокия институтуну гуртармышам.*
- *Мән ки Бакыда ишләмишәм.*
- Вы учились в университете?
- Нет, я окончил технологический институт в Москве.
- А я работал в Баку²⁷.

В вышеприведенном примере только форма *гуртармышам* имеет перфектное значение. Все другие формы означают длительное действие.

На эти факты обратила внимание также Э. А. Грунина. «В турецком, — замечает Э. А. Грунина, — невозможно свободное употребление азерб. *-мыш* типа: *Сүлеймань елэ бу сасг Јеревана јола салдым. Беши мин манат да пул вермишәм* (М. Ибраһимов) 'Вот только что проводил Сулеймана в Ереван. И пять тысяч рублей дал ему'. Свободное употребление перфекта в значении изолированного факта стирает парадигматическое различие между *-di* и *-miş*»²⁸.

В плане вытеснения перфектной формой временных форм в сфере прошедшего времени очень показателен чулымско-тюркский язык. А. П. Дульзон выделил в чулымско-тюркском языке следующие формы прошедшего времени: 1) определенное (форма на *-ды*); 2) неопределенное (форма на *-ған*); 3) обычное (на *-диган*); 4) заглазное (на *-т'и*); 5) несовершенное (на *-ғалак*); 6) совершенное [*-п + ыс/ыв* (по диалектам) + *ған*]; 7) данного момента; 8) прошедшее на *-чаң* (для среднечулымского диалекта)²⁹.

Перейдем непосредственно к рассмотрению нижнечулымских форм. Формы на *-ғалак* (несовершившееся действие) и форма на *-т'и* (заглазность действия) требуют специфического контекста, поэтому употребляются редко. Материалы полевых записей свидетельствуют о том, что форма на *-диган* употребляется чрезвычайно редко. То же следует сказать и о форме на *-ды*. Из 205 случаев употребления форм прошедшего времени всего 5 случаев приходится на форму определенного времени (на *-ды*), остальные 200 — на форму неопределенного прошедшего времени (на *-ған*)³⁰. Встречаемость формы на *-ды* в нижнечулымском диалекте можно объяснить влиянием татарских диалектов. Из указанных выше 205 случаев употребления форм прошедшего времени в 170 случаях в параллельных примерах в зуштинском говоре томского диалекта употреблена форма на *-ды*³¹. Это говорит о широкой употребляемости данной формы в соседнем (с нижнечулымским) диалекте сибирских татар. Такая частотность употребления (200 случаев из 205) формы на *-ған* свидетельствует в пользу широкого использования данной формы в речи носителей нижнечулымского диалекта. Форма на *-ған* распрост-

²⁶ *Мир Чалал*. Садэ некайэлэр. Бақы, 1955, стр. 119.

²⁷ *Там же*, стр. 133.

²⁸ Э. А. Грунина. Указ. раб., стр. 17.

²⁹ А. П. Дульзон. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола. — «Ученые записки ХакНИИЯЛИ», вып. VIII, 1960, стр. 111—112.

³⁰ См.: А. П. Дульзон. Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири. — «Ученые записки ХакНИИЯЛИ», вып. XVIII, 1973, стр. 188—207; *его же*. Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири. — «Вопросы хакасской филологии». Абакан, 1977, стр. 151—178.

³¹ А. П. Дульзон. Материалы..., 1973, стр. 188—207; *его же*. Материалы..., 1977, стр. 151—178.

раняется и на сферу прошедшего заглазного времени (на -т'и)³². Формы же под пунктами 6 и 7, как показали дальнейшие исследования, выражают способы глагольного действия³³.

В среднечулымском диалекте поле прошедшего времени представлено единственной формой на -ган, если при этом учесть, что имеющаяся форма на -галак требует специфического контекста. Что же касается формы на -чаң, то она, по данным полевых записей одного из авторов настоящей статьи, в среднечулымском диалекте отсутствует. Редкие случаи употребления этой формы в мелетском говоре, контактирующем с кызыльским диалектом хакасского языка, являются результатом интерферирующего влияния хакасского языка. Единичные случаи употребления данной формы вызывали у А. П. Дульзона сомнение в отношении формы на -чаң, в связи с чем он указывал на необходимость уточнения ее значения и распространения³⁴.

Все это свидетельствует о том, что в чулымско-тюркском языке перфектная форма на -ган имеет чрезвычайно широкую сферу употребления. Эта форма выражает:

1) Действие, имевшее место в прошлом (просто в плане констатации факта или обычно совершавшегося действия). *Валә, мән се:не пайа айтқам посуда чунарға, сән әмдә дә о:лурубулсуң* 'Валя, я тебе давно сказала вымыть посуду, ты все еще сидишь'. *Ҙачан мән че:гит полғам, көп иштәнге:м, мән пағам ағач арәзынға, мәшке чи:гам, қарағат чи:ға:м, анзын чо:ре:м, и:рге о:лурға:быс чомақ исха:быс, ырла:быс* 'Когда я была молодая, я много работала. Я ходила в лес, собирала грибы, смородину собирала, ходила охотилась. Вечером (вечерами) сидели сказки рассказывали, пели'. *Ме:ң қызым Лида ү:рәнгән турада ол көп иштәнгән ү:реп әртерса:n иштебескен* 'Моя дочь Лида училась в городе. Много работала. Выучившись, начала работать'. *Арғедә мән күштүғ поғам, парче:зен ешке:м, әмдә күшүм чо:ғул* 'Раньше я сильный был. Все делал, теперь сил нет'. *Түн зай мән көрге:м қортустуғ түс, қорғуп на:рып оскунғам* 'Каждую ночь видел страшный сон, испугавшись, просыпался'.

2) Действие, развивавшееся в процессе (до момента речи или определяется моментом другого прошедшего действия): *Кәшә мән турғам алты часта, инәк саға:м, сүдүм а:n паға:м маслопромга, огланнарның, күне:ген күнүбелә чунға:м, азонда пыжырга:м мүн, мән қайнатқа:м әт күнүбелә, ке:r инәктиң е:де полған* 'Я вчера встала в шесть часов, корову подоила, молоко отнесла в маслопромхоз, днем стирала рубашки детей. Затем варила. Я варила (кипятила) мясо целый день; мясо было старой коровы'. *Ол сата:n қайнар чурта:n, пис а:ны тыңна:быс үч час* 'Он рассказывал, как они жили, мы его слушали три часа'. *Пис күннәп на:лық тутха:быс, тут сағабыс пер педрә* 'Мы целый день ловили рыбу. Наловили одно ведро'. *Пү:n күннәп суғ жаған, чәл түскән* 'Сегодня целый день лил дождь, дул ветер'. *Мән кәлгемдә, ол сана:n қат* 'Когда я пришел, он читал письмо'. *Мән на:лық ақта:м, қайда ол кәлгән* 'Я рыбу чистила, когда он пришел'. *Қыс чунған пол тәтә:зи киргәндә* 'Девочка мыла полы, когда вошел (её) отец'.

3) Действие, очевидцем которого: а) говорящий не был, или б) очевидцем которого говорящий был (то есть форма на -ган не дифференцирует этих значений). Примеры: а) *Олар ырлышқаннар пистә әмәс, ос әпте:рендә* 'Они пели не у нас, у себя дома'. *Ме:ң қаранды:жым чақшы*.

³² А. П. Дульзон. Материалы..., 1974, стр. 169 (предложения № 528, 532).

³³ Р. М. Бирюкович. Семантика и формы выражения способов глагольного действия. — «Советская тюркология», 1980, № 2.

³⁴ А. П. Дульзон. Лично-временные формы..., стр. 122.

чомаҗызыптыр. Ол кәчә пер и:р ыскан пейезенда 'Мой брат хорошо сказки рассказывает. Он вчера весь вечер рассказывал у своей старшей сестры'. Мән ежитке:м қайнар сән сыкта:н аранда 'Я слышал, как ты плакал во дворе'; б) Мән чурта:м көп чыл пу ылда. Кәчә мән чөре:м оғланға, ма: тоғашқан өс аргыжым, са:ташқа:м, олар айтқан и:ре кәлликебес. И:рге кәлгәннәр, нис пағла:быс пирге пү, пөгүнге:бес чедетта қайнар тайга чө:ре:бес, тайгала:быс ти:ң, козан, тұлғү 'Я жила много лет в этой деревне. Вчера я ходила к детям, встретила своих подруг, поговорила, они сказали к вечеру придут. К вечеру пришли, мы вязали вместе сеть, вспоминали, как в молодости в тайгу ходили, охотились за белками, зайцами, лисами'.

4) Перфектное значение, выражающее совершившееся действие в прошлом и имеющее результат в настоящем, например: Ме:ң е:рем чаң әп қондурған. ол ур әткән. мән аяған сырлап салғам 'Мой муж новый дом построил. Он долго делал. Я, побелив, покрасила'. Е:рем па:лың тутқан. мән а:ны шәрли:м чағбыла әттирә та:длығ '(Мой) муж рыбу поймал. Я ее буду жарить в масле. Очень вкусно'. Қачан кәлге:ң? 'Когда пришел?'. — Мән шағалак кәлге:м 'Я сейчас (только) пришел'. Ол силәрдә бә қалған қонарға? 'Он у вас остался ночевать?' — Пистә, киргил, шағалак та пистә о:лурған 'У нас, заходи, и сейчас у нас сидит'. Оғланнар чи:п са:п ташшын шығвағаннар. Надә өзәлә о:лурған. ол кынады сани:га 'Дети, поев, вышли на улицу. Надя одна сидит. Она любит читать'. В последнем примере выражается только результат, абстрагируемый от временного плана прошедшего. Этим и объясняется перевод (формой настоящего времени).

Таким образом, в чулымско-тюркском языке форма на -ған является фактически единственной в поле прошедшего времени.

Причину такого положения следует искать в форме существования чулымско-тюркского языка. Будучи бесписьменным, чулымско-тюркский язык существует в форме устной разговорной речи. Специфика устной речи, по-видимому, такова, что антиципирует результат действия, так как в акте коммуникации для говорящих очень важен компонент завершенности, результативности. Целевая установка речи на этот признак делает форму на -ған в чулымско-тюркском языке универсальной.

Типологически (закрепленность перфекта в чулымско-тюркском языке только за устной разговорной речью) находит параллель в немецком языке, где перфект также закреплен только за сферой диалогической речи.

Таким образом, чулымско-тюркский язык является единственным тюркским языком, в котором перфект проделал тот же путь развития, какой он проделал в русском и некоторых других славянских языках, то есть он стал единственным прошедшим временем.

Создается впечатление, что перфект обладает вообще какой-то «чудодейственной» способностью вытеснять другие прошедшие времена.

Однако здесь требуется определенное разъяснение. У перфекта есть очень серьезный конкурент. Это обычное прошедшее время. Нередко наблюдаются такие случаи, когда в языках, имеющих во временной системе перфект, вместо последнего употребляется простое прошедшее время, ср., например, в татарском: Уф ардым, — диде ул, елмаеп, һәм сәке кырыена утырды. — Коточкыч хезмәт икән (Г. Әпсәләмов «Газинур») 'Ох, устала, — сказала она улыбаясь, и села на край саке. — Адский труд, оказывается'.

Нетрудно заметить, что ардым в вышеприведенном примере означает результат какого-то действия.

Употребление первого прошедшего времени в роли второго прошедшего, по всей видимости, зависит от установки говорящего. Иногда говорящий считает достаточным отметить только факт совершения действия, но не его результат. В этих случаях он может употребить прошедшее время на *-ды* вместо перфекта. Чаще всего это происходит в повествовательной речи.

Обычно утверждают, что прошедшее на *-ды* в тюркских языках обозначает очевидное действие. Действительно, если говорящий сам является очевидцем совершившегося в прошлом действия, то он обычно употребляет прошедшее на *-ды*. Однако это правило не носит характера безусловного закона. В этом нетрудно убедиться при анализе приводимых ниже примеров.

Өч юлдаш. Бер көннәрдә өч кеше юлдаш булып юлга чыкты, берәве мулла икән, берәве чичән икән, берәве мылтыкчы-мәргән икән. Юлда мылтыкчы бер каз атты. Юлда бер ергә туктап, ут ягып, казны йолкып, пешерделә³⁵

‘Три попутчика. Однажды три человека, оказавшись попутчиками, отправились в путь. Один из них был муллой, другой — краснобаем, третий — метким стрелком. По дороге стрелок убил гуся. Затем они остановились на одной поляне, разожгли огонь, ощипали гуся и зажарили его’.

Этот отрывок взят из татарской сказки. Для человека, рассказывающего эту сказку, все описываемые здесь действия являются неочевидными. Но в целях приданию рассказу большей живости, он абстрагируется от этого факта и вместо перфекта употребляет прошедшее на *-ды*.

Перфект обычно вытесняет другие прошедшие времена только в том случае, если его конкуренты по каким-либо причинам становятся неудобными для употребления с лингвотехнической точки зрения.

Аорист и имперфект исчезли в русском, польском, чешском языках и почти исчезли в сербском по той причине, что их формы частично были похожи друг на друга, ср. в древнерусском формы аориста — *хвалихъ* ‘я похвалил’, *хвалихомъ* ‘мы похвалили’ и формы имперфекта — *бьрахъ* ‘я брал’ и *бьрахомъ* ‘мы брали’. Кроме того, сформировавшаяся позднее система видов превращала имперфект и аорист в совершенно излишнее и избыточное средство выражения видовых значений.

Прошедшее время в некоторых диалектах немецкого языка исчезло по той причине, что вследствие фонетических изменений отдельные формы прошедшего времени стали похожи на формы настоящего.

Перфект на *-t, -tt* в венгерском языке имел более выразительный показатель по сравнению с показателями претерита *-a, -e, -á, -é*.

Прошедшее на *-ды* в тюркских языках является исторически чрезвычайной устойчивым временем. Как же оно могло уступить место перфекту на *-ган* в чулымско-тюркском языке?

Причину данного явления можно видеть в особенностях разговорной речи, ссылаясь для подтверждения этого предположения на то, что перфект в немецком языке также употребляется главным образом в разговорной речи (подробнее об этом см. выше).

Однако возможно и другое объяснение: прошедшее на *-ды* в чулымско-тюркском языке стало коммуникативно неудобным в связи с тем, что оно почти полностью совпадает с настоящим временем, в чем легко убедиться сравнивая парадигмы этих двух времен.

³⁵ «Татар халык әкиәтләре». Икенче китап. Казан, 1956, стр. 335.

Настоящее время

1. аладым 'я беру'
2. аладың 'ты берешь'
3. алады 'он берет'

Прошедшее время

1. алдым 'я взял'
2. алдың 'ты взял'
3. алды 'он взял'.

Чулымско-тюркский язык, в связи с этим, естественно, стремился избавиться от прошедшего времени на *-ды*. По этой причине перфект на *-ган* в этом языке превратился в единственное прошедшее время.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Ш. К. МАРДАНОВ

О СЕМАНТИЧЕСКИХ СДВИГАХ РУССКИХ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В УЗБЕКСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Обогащение и развитие любого языка тесно связаны с процессом его взаимодействия с другими языками. «Общественный характер человеческой речи, — пишет Н. М. Шанский, — исторические факты, определяющие развитие общества (соответственно, конечно, и его языка. — Ш. М.), неизбежно влекут за собой явления заимствования одним языком элементов другого, влияния одного языка на другой» (3, 87).

По мнению В. В. Виноградова, после победы Великого Октября принципиально иным становится влияние русского языка на другие языки народов СССР: «Сходства и соответствия в языках Страны Советов, обусловленные воздействием русского языка, проявляются: 1) в расширении сферы влияния русских, особенно новых, советских выражений, в калькировании их; 2) в стремительном распространении советизмов, в их движении из одного языка в другой; 3) в освоении основного фонда интернациональной лексики через посредство русского языка; 4) вообще в усилившейся тенденции к языковой интернационализации» (2, 165—166).

Исторические условия развития социально-экономических, культурных, этнических связей между русским и узбекским народами определили односторонний характер языкового взаимодействия: заимствование происходит в основном из русского языка в узбекский. Огромное количество русизмов, связанных с реалиями советской эпохи, проникло в узбекский литературный язык, как, впрочем, и в языки других народов СССР.

Как известно, на словарный состав любого языка оказывают большое влияние экстралингвистические факторы. Многие русские заимствования вошли в узбекский язык, например, вместе с новыми понятиями. Если при заимствовании через письменный язык большое значение имеют переводы политической, художественной и научно-технической литературы с русского на узбекский язык, то при устном заимствовании особенно велика роль непосредственных контактов носителей двух языков, а также средств массовой информации (радио, телевидение, кино).

Следует отметить, что русские заимствования в узбекском языке претерпевают не только фонетические, но и соответствующие морфологические и семантические изменения. Так, русские слова, имевшие родовые признаки, в узбекском языке, в котором нет категории рода, их утрачивают.

Общественная жизнь, как известно, непосредственно отражается на лексике языка. Коренные изменения в жизни узбекского народа после революции оказали большое влияние на семантические изменения многих слов, в том числе и заимствований. «Лексику языка, таким образом, — отмечает Н. А. Баскаков, — необходимо рассматривать в процессе ее постепенного изменения в соответствии со сдвигами и изменениями в истории народа, носителя данного языка, следовательно, в этом плане приобретает особое значение правильно построенная периодизация истории развития лексики каждого конкретного языка» (1, 28).

Семантические сдвиги в заимствованиях, обретение исконными словами новых значений — важные источники обогащения словарного фонда языка. Изменение значения слова обычно становится исходной точкой, ведущей к дальнейшим изменениям: повышению частотности употребления слова, появлению новых устойчивых словосочетаний, созданию новых, производных слов с измененным значением и т. п.

Анализ русизмов в узбекском языке позволяет говорить о семантических сдвигах в этом пласте лексики, происходящих под непосредственным влиянием русского литературного языка, к которому приобщается растущее с годами число узбеков.

Большинство русских многозначных слов заимствуется только в каких-то определенных значениях. Семантика заимствованного слова сохраняется без изменения в основном в области терминологии, так как термины, как правило, однозначны.

Структурный анализ показывает, что русские заимствования в узбекском языке повторяют семантические изменения, происходящие с ними на родной почве. Вместе с тем семантические сдвиги в русских заимствованиях вступают во взаимодействие с прежними значениями и их оттенками, подвергаются воздействию различных словообразовательных связей данного слова, специфического для узбекского языка словоупотребления и множества других факторов. В результате эти заимствования обретают целый ряд своеобразных черт, обусловленных лексической системой узбекского литературного языка.

Семантические сдвиги, возникшие в результате метафорических, метанимических и функциональных изменений слова, широко представлены в категориях имен существительных. Примером этого может служить слово *карта* 'карта'. Слово «карта» в словаре Н. С. Ожегова¹ имеет четыре значения: «1) Чертеж земной поверхности (или звёздного неба)»; «2) Один из составляющих игральную колоду плотных листков, различающихся по изображённым на них фигурам или очкам по четырём мастям»; «3) *мн.* Игра при помощи колоды таких листков»; «4) Бланк для заполнения какими-нибудь сведениями». Узбекский язык заимствовал это слово из русского языка в первом и во втором значениях.

«Узбекско-русский словарь» под редакцией А. К. Боровкова² отмечает следующие значения этого слова: «1) карта (игральная)»; «2) *географик карта* — географическая карта»; «3) с-х карта, полоса, участок земли»; «4) обл. устар. пластинка, напр. *патефон картаси* — патефонная пластинка». При этом второе значение — «*географик карта* — географическая карта» дается в словаре с пометой «устаревшее», на его смену пришло другое слово — *харита*.

Как мы видим, третье и четвертое значения узбекского слова *карта* 'карта' в русском слове отсутствуют. В настоящее время значение «пла-

¹ Н. С. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1970 (далее — *СО*).

² «Узбекско-русский словарь». М., 1959.

стинка» в узбекском слове не имеет тенденции к развитию, тогда как значение «полоса, участок земли» участвует в создании метафор; например, *Қуйи қартага бу йил пахта эдик* 'На нижнем участке земли в этом году посеяли хлопок'. *Юқори қартангиз неча гектар?* 'Сколько гектаров в (вашем) верхнем участке земли?'

Интересно проследить за семантическим сдвигом в слове *газетачи* 'газетчик'. В словаре Н. С. Ожегова отмечены два значения слова «газетчик»: «газетный работник» и «уличный продавец газет». Второе значение дается с пометой «устаревшее». А в «Узбекско-русском словаре» приводятся следующие значения данного слова: «1) газетный работник»; «2) газетчик, продавец или разносчик газет».

Слово «газетчик» во втором значении уже в 50-е годы устарело и вышло из употребления в русском языке. Это слово, будучи заимствованным узбекским языком в 20-е годы во всех его значениях, в дальнейшем, наоборот, расширило свою семантику, добавив к прежним еще значение «разносчика газет». Примечательно, что при помощи узбекского словообразовательного аффикса *-лик* образовалось еще новое слово *газетачилик*, которого нет в русском языке. *Газетачилик* означает: 1) «газетное дело»; 2) «профессия газетного работника»; 3) «торговля газетами, продажа газет (как занятие)». Ср. также: *газетахон* 'читатель газеты': *Газетахонлар конференцияси* 'Конференция читателей газет'.

Слово «самовар» в русском языке имеет одно значение: «металлический прибор для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой углем». Узбекским языком оно было заимствовано наряду с такими словами, как «завод» (первоначально — *зовут*), «фабрика», «почта», «телеграф», «телефон» и т. п. еще в XIX веке. В 50-е годы нашего столетия семантическая структура слова «самовар» в узбекском языке изменяется. Слово это стало обозначать также чайную (чайхану). Во втором своем значении «чайхана» оно широко употребляется в современной художественной литературе и в разговорной речи; например: *Тўсат-тўсат келаётир, самоварлар тўлаётир* (Ф. Йулдаш) 'Идут нежданно-негаданно, чайханы переполняются'. *Соли совуқ уни самоварнинг бир четига тортиб, қулоғига бир нималар деди* (М. Исmoilий) 'Соли, позвав его (чайханщика) в уголок чайханы, шепнул (на ухо) ему о чем-то'.

Слово «агитка» в русском языке имеет одно значение: «литературное или живописное произведение, преследующее определённые агитационные цели» (СО). А в узбекском языке это слово приобрело три значения: 1) *Агитация воситаси, материал, мас., китобча, плакат ёки варақа* 'Средство и материал агитации, напр., книжка, плакат или листовка'; 2) *Жангавор қаҳриқ руҳида ёзилган кичкина асар* 'Небольшое (по объёму) произведение агитационного характера'; 3) пренебр. *Бадий жихатидан тубан ташвиқий асар* 'Малохудожественное произведение агитационного характера'. Первое и третье значения представляют собой функциональный перенос.

В русском языке слово «беспартийность» выражает значение: «непринадлежность к партии». В узбекском языке слово *партиясизлик* 'беспартийность' имеет значения: 1) *Партиясизлик, партияга ағзо булмаганлик* 'Беспартийность, непринадлежность к партии'; 2) *Партиянинг манфаатини кўзлаб иш қилмаганлик; бетарафлик* 'Лица, своей деятельностью не поддерживающие линию партии'; 'нейтральность'; 3) *Гоясизлик, идеясизлик* 'Бесцельность, безыдейность'.

Семнадцатитомный «Словарь русского литературного языка» отмечает следующие значения и оттенки слова «декламация»: «1). Правильное, выразительное чтение; художественное чтение»; «2) неестест-

венный, слишком театральный тон, чрезмерный пафос при чтении»; «3) пренебр. неестественность, искусственность». Узбекским языком заимствуется только первое, основное значение этого слова: *Бадий асарли чиройли ва таъсирли қилиб ўздиб бериш* 'Правильное и выразительное чтение художественного произведения'. Но вместе с тем в узбекском языке это слово приобрело новое, метафорическое значение: *Чиройли ўқиш санъати* 'Искусство выразительного чтения'.

Слово «поднос» в русском языке имеет значение: «доска или металлический лист с загнутыми краями для переноски посуды, для подачи еды на стол» (СО). В узбекском языке наряду с этим основным имеется и другое значение данного слова: «поднос со сладостями». Например, *патнис ясамоқ* 'класть на поднос всевозможные сладости для гостя'. *Кампир бир чойник чой билан патнис келтирди* 'Старуха принесла поднос (со сладостями) и чайник чаю' (функциональный перенос).

В некоторых случаях проследить эволюцию значения заимствованных слов бывает весьма затруднительно, ибо в период заимствования, когда слова начинают как бы «вплетаться» в ткань заимствующего языка, перекрещиваются сложные, иногда едва различимые пути взаимовлияния и взаимодействия систем обоих языков.

Таким образом, «семантическая структура слова не остается неизменной (разрядка наша. — Ш. М.)» (4, 105), она постоянно развивается и совершенствуется. Анализ семантических сдвигов заимствованных слов в современном узбекском литературном языке, происходящих под влиянием интенсивного развития общественной и культурной жизни узбекского народа, а также под непосредственным воздействием русского языка, показывает, что процесс развития семантических сдвигов определяется всей лексической системой узбекского литературного языка, в которой находят отражение явления объективной действительности.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Н. А. Баскаков. Развитие языков и письменности народов СССР (на материале тюркских языков). — «Вопросы языкознания», 1952, № 3.
2. В. В. Виноградов. Великий русский язык. М., 1945.
3. Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
4. Д. Н. Шмелев. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

А. А. ПЕТРОСЯН

ПУБЛИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СЕРИИ «ЭПОС НАРОДОВ СССР»

Основы записи и публикации в нашей стране текстов эпических сказаний тюркоязычных народов были заложены трудами академика В. В. Радлова¹. В своих фундаментальных исследованиях, посвященных изучению языков и устной литературы тюркских племен Южной Сибири, Джунгарской степи, Средней Азии, В. В. Радлов впервые опубликовал тексты, которые уже более века представляют огромную научную ценность для изучения тюркского эпоса. Так, например, в работе В. В. Радлова «Наречия дикокаменных киргизов», напечатанной в 1885 году, были опубликованы первые записи из текста эпоса «Манас». Правда, сведения об этом эпическом памятнике появлялись и до В. В. Радлова. В 1861 году был напечатан очерк М. Венюкова², в котором автор писал о киргизских народных сказителях, исполняющих героические песни о богатыре Манасе. В том же 1861 году в «Очерках Джунгарии» Ч. Ч. Валиханова³ был опубликован прозаический пересказ сюжетов «Манаса». Однако научное исследование эпических сказаний тюркоязычных народов в нашей стране началось именно с публикаций В. В. Радлова. Значительный вклад в это внесли также Г. Н. Потанин⁴, П. М. Мелиоранский⁵, П. А. Фалев⁶, В. И. Вербицкий⁷ и другие тюркологи России. Большой интерес представляет публикация известного венгерского тюрколога Г. Алмаши⁸.

В советское время эти богатые традиции в области изучения языка и эпоса тюркоязычных народов были успешно продолжены. Н. А. Баскаков⁹ в книге «Северные диалекты алтайского (ойратского) языка» опубликовал тексты алтайского эпоса на языке оригинала, снабдив их русским переводом. Особо следует отметить издания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР¹⁰, содержащие двуязычную публикацию текстов казахских сказаний «Камбар Батыр» и «Кыз Жибек» вместе с обстоятельным научным комментарием к ним. Удачной должна быть признана также книга Н. П. Дыренковой «Шорский эпос»¹¹.

Двуязычное издание текстов народного эпоса требует больших усилий, много труда и времени. Вместе с тем интерес широких читательских масс к эпосу в Советском Союзе растет с каждым годом. Именно это обстоятельство породило множество изданий национального

В основу статьи положен доклад, прочитанный на VII Пленарном заседании Советского комитета тюркологов в марте 1981 года.

эпоса на русском языке. Среди них выделяются издания «Academia»¹² и Московского Гослитиздата.

Эпос народов СССР издавался также в республиках, главным образом в оригинале. Эти издания в 50—60-е годы приняли особенно широкий размах. Заслуживает упоминания, например, семитомное издание алтайского эпоса, явившееся итогом многолетней работы известного алтайского ученого и поэта Сазона Суразакова.

Эпические традиции тюркоязычных народов нашей страны различны по своему происхождению. Крупный советский тюрколог А. К. Боровков¹³, например, указывал на следующие три категории тюркоязычного эпоса Средней Азии и Казахстана: 1) эпос кыпчакский, 2) эпос огузско-туркменский и 3) эпос киргизский.

Вместе с тем и внутри этих категорий эпические произведения имеют немалые различия. Так, например, причисляемые к кыпчакской традиции эпические памятники казахов, каракалпаков и ногайцев весьма отличаются друг от друга по своей художественной структуре и идейному содержанию. Эти отличия отчетливо заметны особенно в произведениях на близкие и общие сюжеты. К подобным эпосам относятся, например, эпосы «Алпамыш», «Короглы», «Козы Керпеш и Баян Сулу», «Кобланды батыр» и многие другие.

Однако следует отметить, что исследовательское слово значительно отставало от возрастающих темпов публикации текстов эпосов. Это приводило зачастую к торопливости и неразборчивости при отборе текстов для издания, а нередко и к публикациям их с прямыми искажениями.

Вот почему ИМЛИ, координирующий как головной институт научную работу по эпосу, созвал в 1958 году всесоюзную научную конференцию для обсуждения важнейших проблем советского эпосоведения, на которой были выработаны, а затем и изданы отдельной брошюрой основные принципы собирания и научной публикации эпоса народов СССР¹⁴.

Вслед за этим, ИМЛИ выдвинул задачу двуязычного издания эпоса народов СССР в Москве единой академической серией. В 1964 году было принято решение Отделением литературы и языка Академии наук СССР и Бюро Редакционно-издательского совета Академии наук СССР об издании единой академической серии «Эпос народов СССР». Серию выпускает Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».

Принципиально новое значение этого издания заключается в том, что духовные ценности отдельного народа становятся достоянием всех других народов и не только нашей страны, но и всего мира.

До сих пор публикации текстов эпоса преследовали узкую задачу. Чаще всего на материале эпоса решались проблемы лингвистики и этнографии. Что касается московской академической серии, то ее издание опирается на достижения как лингвистики, так и этнографии, мифологии и, разумеется, глубокое изучение самобытной художественной культуры данного народа.

Таким образом, следование всем этим принципам при подготовке академической серии «Эпос народов СССР» имеет целью расширить круг читателей этого издания как в стране, так и за ее пределами. Именно этому подчинены и все практические вопросы подготовки каждого тома, то есть вопросы отбора вариантов, перевода текстов, комментирования и, наконец, составления краткого, но предельно емкого предисловия или послесловия. Таким образом, благодаря изданиям серии тот или иной выдающийся памятник национальной культуры становится

доступным всем народам. Издание серии еще раз убедило в ошибочности мнения некоторых авторов, считающих, что в арсенал общечеловеческой культуры могут войти только те произведения искусства, литературы и устной поэзии, в которых доминирует не национальное, а интернациональное начало. Однако вся история искусства и литературы убеждает в том, что национальное, выражающее своеобразие духовного мира того или иного народа, совершенно не противоречит интернациональному началу и национальная форма искусства никогда не препятствовала выражению общечеловеческих идеалов.

Противопоставление национального и интернационального нередко происходит, как нам кажется, не только от непонимания подлинной исторической сущности как национального, так и интернационального начала, но и прежде всего от смешения таких понятий, как «национальное» и «национализм».

Национальная форма каждого эпического памятника является тем драгоценным качеством, без которого немислима самобытность искусства. Поэтому академической серии следует отразить эту самобытность с достижимой полнотой, чему должны способствовать как высокое качество перевода текстов, так и подлинно научный и высококвалифицированный комментарий.

Что касается конкретно перевода текстов эпических памятников на русский язык, то нам представляется устаревшим и научно неоправданным подразделение переводов на лингвистические и поэтические, или, иными словами, на «точные» и «художественные». Между тем вряд ли надо доказывать, что полноценным может считаться перевод только сочетающий оба эти качества. Это, разумеется, сложная и трудная задача. Дело в том, что в тексте народного эпоса немало слов и выражений, отражающих неизвестные современному читателю реалии. Поэтому нужна тщательная расшифровка многочисленных древних иносказаний, трудно переводимых слов и выражений.

Опыт показывает, что работа над переводом текста национального эпоса требует от переводчика не только хорошего знания языков оригинала и перевода, но также достаточно глубоких познаний в области фольклора данного народа.

Эпос тюркоязычных народов Советского Союза отличается необычайным многообразием идейно-художественного содержания. Азербайджанский, туркменский, киргизский, узбекский, алтайский, хакаский, балкарский, каракалпакский, татарский эпосы отличаются друг от друга и сюжетом, и характером изображения героев, и поэтическим стилем. Задача заключается в том, чтобы не затушевывать это многообразие, не обеднять художественное содержание произведения народного творчества, в котором нашли свое воплощение особенности национальной жизни, человеческих характеров, обычаев и всего жизненного уклада данного народа. Вместе с тем перевод должен сохранить и то общее, что объединяет все народы, те светлые гуманистические идеалы братства и справедливости, любви к родине, почитания предков и следования народным традициям, нашедшие художественное воплощение в переводимом эпосе.

Публикация национального эпоса народов СССР в единой академической серии служит благородному делу взаимознания и взаимопонимания народов, укреплению их дружбы и единства. В этом прежде всего и заключается научное и общественно-политическое значение серии «Эпос народов СССР».

¹ W. Radloff. Observations sur les Kirghis. — «Journal asiatique», 1863, Octobre, стр. 309—328; *его же*. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1863 года. — «Известия Императорского Русского географического общества», 1870, т. VI, № 3, стр. 96—100; *его же*. Kurzer Bericht über eine im Sommer 1862 unternommene Reise in die östliche Kirgisen-Steppe. — «Mélanges russes tire du Bulletin de l'Académie impériale des Sciences de St.-Petersbourg», 1859—1872, t IV, стр. 359—367; *его же*. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. V. Наречие дикокаменных киргизов, СПб., 1885.

² М. Веников. Очерки Заилдйского края и Причуйской страны. — «Записки Императорского Русского географического общества», кн. IV, стр. 79—130.

³ Ч. Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. — «Записки Императорского Русского географического общества», 1861, кн. II, стр. 35—58.

⁴ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году... Г. Н. Потаниным, вып. IV. Материалы этнографические, СПб., 1883; *его же*. Казак-киргизские и алтайские народные легенды и сказки. — «Живая старина», 1916, вып. II—III, стр. 47—193; *его же*. Казак-киргизские и алтайские народные легенды и сказки. С примечаниями автора и указателем. Пг., 1917.

⁵ П. М. Мелиоранский. О составе и общем характере киргизских былин. — «Тургайская газета», 17 апреля, 1896, № 68, стр. 2—4; *его же*. Сказание об Едиге и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову. Приложение к тому XXIX «Записок Императорского Русского географического общества по отдельной этнографии». СПб., 1905.

⁶ П. А. Фалев. Как строится каракиргизская былина. — «Наука и просвещение», 1922, № 1, Ташкент, стр. 21—23.

⁷ В. Н. Вербицкий. Алтайские народцы. М., 1893.

⁸ G. Altmassy. Der Abschied des Helden Manas von seinem Sohne Semetei (Aus dem Karakirgisischen Epos «Mamasdinkisasi»). — «Keleti Szemle». Budapest, 1911—1912, T. XII, стр. 216—220.

⁹ Н. А. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойратского) языка. Диалект черных татар (тубо-кижи). Тексты и переводы. М., 1965, стр. 73—338.

¹⁰ «Камбар Батыр». Под редакцией М. О. Ауэзова и Н. С. Смирновой. Алма-Ата, 1969; «Кыз Жибек», под редакцией М. О. Ауэзова и Н. С. Смирновой. Алма-Ата, 1963.

¹¹ «Шорский эпос» Запись, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дырежковой. М., 1940.

¹² «Аламжи Мэрген. Бурятский эпос». М., 1936; «Көгүтей. Алтайский эпос». М., 1935; «Сербский эпос». М., 1933; «Кабардинский фольклор». М., 1936 и др.

¹³ А. К. Боровков. Вопросы тюркоязычного эпоса народов Средней Азии и Казахстана. — В кн.: Вопросы изучения эпоса народов СССР, М., 1958, стр. 66—101.

¹⁴ «Об основных принципах собирания и научной публикации эпоса народов СССР. Темы». М., 1958.

А. С. МИРБАДАЛЕВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
ТЕКСТОВ ЭПОСА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР совместно с республиканскими академическими научными институтами готовит к публикации в академической серии эпические произведения народов СССР, в том числе и эпос тюркоязычных народов.

В связи с тем, что в серии «Эпос народов СССР» опубликованию подлежит наиболее полный и художественно совершенный вариант того или иного памятника, первостепенное значение приобретает отбор текстов, их научный анализ и критическая оценка.

Принципы отбора и публикации текстов эпоса народов СССР во многом общие для всех эпических произведений.

К изданию, как правило, подготавливается вариант памятника, отличающийся наибольшей идейно-эстетической ценностью. В этом варианте должны найти свое яркое воплощение вековые эпические традиции, художественные образы, типические сюжеты, художественно-поэтические средства.

В публикации следует сохранить специфические исторические закономерности развития и формирования данного эпического произведения на протяжении длительного времени, что часто проявляется в противоречивых трактовках сюжетного состава памятника, в его хронологической «многоплановости» и других явлениях, связанных с объективными условиями бытования эпоса.

Эпические памятники публикуются в форме их устного бытования. Искусственно созданные композиции и своды лишь нарушают первоначальное свособразие формы эпосов.

Все эти главные принципы отбора и публикации эпических памятников, естественно, обязательны и для эпоса тюркоязычных народов СССР. Но есть целый комплекс проблем как текстологического, так и теоретического характера, требующих специфического решения при публикации эпического наследия тюркоязычных народов.

Одной из первостепенных задач при издании эпоса тюркоязычных народов является выявление национального своеобразия памятника, его версий. Как известно, эпическое творчество многих тюркоязычных народов развивалось в условиях тесных контактов и непосредственного взаимовлияния. Не случайно поэтому ряд эпических произведений у этих народов представляет собой их общее культурное достояние.

При выборе специалистами основного варианта таких памятников, как «Алпамыш», «Кобланды», «Кер-оглы», «Козы-Корпеш и Баян Сулуу», принадлежащих нескольким народам и бытующих в многочис-

ленных вариантах, важное значение приобретает сопоставительный анализ всех национальных версий, выявление в них как сходных, так и отличительных черт. Обычно при сходстве основного сюжета, образов, поэтической системы и ряда других компонентов у каждого народа эпос имеет свои специфические особенности в раскрытии идейного содержания и характеристике художественных образов.

Отбор национальной версии для публикаций в первую очередь тесно связан с установлением ее жанровых границ. Так, эпос «Кер-оглы» известен у многих тюркоязычных народов, например, у узбеков, азербайджанцев, туркмен, турок, казахов, тобольских татар. Публиковаться же в академическом издании должен вариант, вобравший в себя все своеобразные черты каждой национальной версии, иными словами ее наилучший «классический» вариант. Например, в основу азербайджанского тома следует положить тексты в жанровом отношении близкие к полунсторической легенде, туркменского тома — сказания героического характера, узбекского — произведения, имеющие форму эпических поэм-дастанов, как героического, так и романического содержания. Причем, из числа всех национальных версий этого эпоса отбирается вариант, сохранивший во всей полноте национальное своеобразие содержания и художественного изображения, характерное для данного народа.

При отборе текстов романического эпоса важно учитывать не только то, что одноименные дастаны широко распространены среди узбеков, азербайджанцев, туркмен, татар, каракалпаков и других народов, но и то, что иногда даже один и тот же вариант эпоса может быть записан от сказителей разной национальности, каждый из которых исполняет его на своем родном языке. Такое явление, возможно, например, в Хорезме, в котором издавна встречались и постоянно общались друг с другом туркмены, узбеки, таджики, каракалпаки и отчасти казахи, что, несомненно, не могло не отразиться на устно-поэтическом творчестве этих народов. Определение национального своеобразия таких романических поэм в первую очередь будет связано с выявлением специфических особенностей внутри одножанровой системы. В данном случае правильность отбора национального варианта зависит главным образом от решения проблемы взаимосвязи эпоса и сказки.

Известно, что в романическом эпосе тесно переплелись разнообразные традиции: традиции национального эпического наследия данного народа, восточных классических романических дастанов, а также сказок. Соотношение их в эпосе разных народов различно. У одних романическое начало преобладает над сказочной, в других — героическое сочетается с романической и сказочной фантастикой, в третьих — сказочный сюжет, став основным компонентом содержания, получил эпическую интерпретацию, деформировав соответствующим образом жанр. Только крайне внимательное прочтение всех имеющихся вариантов позволяет выявить основные ведущие линии сказаний, своеобразие содержания той или иной национальной версии.

При публикации эпоса тюркоязычных народов немаловажным является сохранение эпической формы его многовекового бытования, а также систематизация и классификация всего имеющегося материала. Проблемы эти неизбежно возникают и при подготовке к публикации такого монументального памятника, как киргизский героический эпос «Манас», который из-за грандиозности своего объема не может быть исполнен за один раз целиком, а только отдельными фрагментами, и при издании эпоса, бытующего в форме самостоятельных небольших по объему произведений (например, туркменская и азербайджанская версии «Кер-оглы»). Произвольное обращение с эпическим материа-

лом во всех случаях недопустимо. Создание искусственных композиций и сводов, наблюдавшееся в прошлом и считавшееся нормой, является антинаучным и поэтому неприемлемо для академического издания. Форма произведения должна быть сохранена в том неизменном виде, в каком оно исполняется устно. Систематизация же текстов определяется характером эпического материала. При этом возможны такие способы, как группировка по принципу либо биографической, либо генеалогической циклизации, расположение материала в логической последовательности или по сюжетам, формирующимся вокруг имени героя, и т. д.

Эпос тюркоязычных народов, как и эпос других народов, развивался на протяжении многих столетий. Естественно, что в процессе устной передачи отдельные сюжеты и образы в некоторых эпических произведениях трансформировались, изменялась их ведущая сюжетная линия, забывались отдельные мотивировки, возникали явления контаминации, редукции или аппликативования, характерные для бытования многих национальных эпосов. Поэтому при отборе имеющегося материала и его комментировании необычайно важную роль играет научный анализ. К текстам, в которых во всех вариантах одного и того же памятника эпическая традиция претерпела ряд трансформаций, необходимо дифференцированный подход.

Не могут быть отобраны для публикации тексты, в которых, эпический жанр полностью деформировался. Так, например, в некоторых записях романического эпоса туркмен, узбеков, каракалпаков эпос был переработан в сказку с эпическими мотивами, и сказка в них стала играть самодовлеющую роль, нарушив идейно-художественную и композиционную структуру эпоса. Должны быть отклонены варианты, представляющие собой фрагменты, в которых не сохранилась семантическая целостность эпоса, нарушены основные сюжетные линии, утрачены основные признаки эпического жанра, или неполноценны сами тексты (здесь важно отличать естественный процесс деформации жанра от дефектных записей). Немалое количество подобных вариантов было обнаружено в архивах при подготовке туркменского эпоса и башкирских эпических сказаний.

Для публикации могут быть отобраны такие тексты, в которых, хотя и прослеживаются явления затухания эпической традиции, однако сюжеты и мотивы еще полностью не деформированы, типичные для эпических повествований композиционные схемы не разрушены, и внутренние эпические мотивировки сюжетов не утрачены. В таких случаях неизменным условием их публикации является сохранение того, что естественно сложилось в ходе исторического существования этих произведений и связано с объективными условиями их бытования. Пример такой публикации — башкирские сказания «Заятуляк и Хыухылуу» и «Акбузат», а также редуцированные сказания о животных.

В киргизском героическом эпосе «Манас» отмечается немало логических нарушений в изложении основного содержания, неоправданного в границах данного жанра разрастания сюжета, хронологических несоответствий отдельных частей повествования, противоречивых трактовок многих событий и фактов, а также образа главного богатыря. Некоторые моменты носят антинародный характер и являются результатом влияния идеологии феодально-родовой знати на народный эпос.

Вот почему при подготовке эпоса «Манас» к изданию большое значение имеет научный анализ его идейно-художественного содержания, рассмотрение всех его версий и вариантов, выяснение вопроса о важности или второстепенности того или иного эпизода или мотива. Для этого чрезвычайно существенно восстановить историческую достоверность вариантов, дать им объективную идейно-художественную

оценку. Необходимо также выявить в каждой версии народную основу, определить, чем объясняется сложность и противоречивость ее выражения: наличием ли элементов, связанных с исторической ограниченностью мировоззрения народа, характерной для определенного исторического периода его жизни, что естественно и закономерно в любом эпическом произведении, или же это — результат чуждых, противоречащих всему духу памятника, антинародных привнесений.

Поэтому в научном издании киргизского героического эпоса «Манас» одно из важнейших мест займут комментарии исторического, филологического, этнографического характера, а также сопоставительный анализ всех вариантов на основе публикуемого текста. В комментариях должны быть пояснены разночтения, привнесения, искажения; раскрыты явления редукации или же аппликатирования. По мере возможности при сопоставлении разных вариантов необходимо проследить исконную сюжетную основу такого сложного произведения, каким является эпос «Манас».

Как видим, принципы отбора, публикации и комментирования текстов эпосов тюркоязычных народов для академического издания определяются непосредственно особенностями самого материала.

Н. В. КИДАЙШ-ПОКРОВСКАЯ

ПЕРЕВОД ТЮРКОЯЗЫЧНОГО ЭПОСА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СЕРИИ

С конца 60-х годов в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР начала осуществляться практическая работа по подготовке к изданию академической серии «Эпос народов СССР». Четыре тома из восьми, изданных с 1971 по 1977 год, посвящены эпическим памятникам тюркоязычных народов¹.

В каждом томе серии опубликованы лучшие в художественном отношении и наиболее полные варианты туркменских романических дастанов «Хурлукга и Хемра», «Саят и Хемра», узбекского героико-романического дастана «Рустамхан», казахского героического эпоса «Кобланды-батыр», башкирских народных сказаний «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Кара-Юрга», «Акхак-Кола» и «Конгурбуга».

В комплексе проблем, которые пришлось решать при научном издании этих образцов тюркоязычного эпоса, особую сложность представлял перевод. Эта сложность заключалась в том, что необходимо было выполнить все требования, предъявляемые к переводу художественных произведений и в то же время с максимальной точностью передать содержание подлинника со всеми особенностями его поэтики. Осуществление такого принципа перевода разножанрового тюркоязычного эпоса сопряжено со значительными трудностями, что обусловлено большим структурным и стилистическим различием языков тюркской группы и

В основу статьи положен доклад, прочитанный на VII Пленарном заседании Советского комитета тюркологов в марте 1981 года.

¹ «„Хурлукга и Хемра“, „Саят и Хемра“. Туркменский романический эпос». Составитель тома, автор вступительной статьи и комментариев А. С. Мирбадалева. Ответственный редактор Н. В. Кидайш-Покровская. Туркменские тексты подготовлены к печати А. Дурдыевой и Б. Мамедязовым. Перевод А. С. Мирбадалевой и Н. В. Кидайш-Покровской, М., 1971; «„Рустамхан“. Узбекский героико-романический эпос». Составитель тома, автор вступительной статьи и комментариев Н. В. Кидайш-Покровская. Ответственный редактор А. С. Мирбадалева. Узбекский текст записал и подготовил к печати Х. Т. Зарифов. Перевод Н. В. Кидайш-Покровской и А. С. Мирбадалевой. М., 1972; «„Кобланды-батыр“. Казахский героический эпос». Составители тома, авторы вступительной статьи и комментариев Н. В. Кидайш-Покровская и О. А. Нурмагамбетова. Перевод Н. В. Кидайш-Покровской и О. А. Нурмагамбетовой. Ответственный редактор А. С. Мирбадалева. Казахский текст подготовила к печати О. А. Нурмагамбетова. М., 1975; «Башкирский народный эпос». Составители тома А. С. Мирбадалева, М. М. Сагитов, А. И. Харисов. Автор вступительной статьи А. С. Мирбадалева, авторы комментариев А. С. Мирбадалева и М. М. Сагитов. Перевод Н. В. Кидайш-Покровской, А. С. Мирбадалевой и А. И. Хакимова. Башкирские тексты подготовили М. М. Сагитов, А. И. Харисов. Ответственный редактор Н. В. Кидайш-Покровская. М., 1977.

русского языка, а также несоответствием стиховых систем и сложностью передачи образных средств эпоса, отражающих мироощущение людей далеких эпох.

Осуществленный нами перевод, рассчитанный как на специалистов-фольклористов, так и на широкий круг читателей, как нам кажется, отвечает понятию «адекватный», поскольку сочетает максимально возможную полноту передачи смыслового содержания подлинника с необходимым стилистическим соответствием. Иными словами, речь идет о переводе, который при всех неизбежных потерях (ибо мера воспроизведения стилистических компонентов подлинника всегда относительна) воссоздает с достижимой близостью художественную структуру и эстетическую целостность данного эпического памятника.

Перевод, производимый нами непосредственно с оригинала, не относится к типу лингвистического, так называемого «точного» перевода, когда ученый-лингвист стремится добиться лексико-семантического соответствия с оригиналом в ущерб художественной передаче его поэтического стиля. Вместе с тем он не является и поэтическим рифмованным переводом, обычно называемым «художественным», а по существу «неточным», значительно отдаленным от подлинника, ибо выполняется он переводчиком, не владеющим национальным языком, работающим по подстрочнику (часто невысокого качества), а в процессе поиска рифм и стремления сохранить размер стиха неизбежно отходящего от смысловой точности, нередко прибегающего к литературным штампам при передаче сложной специфической образности. Перевод тюркоязычного эпоса, осуществленный в серии, по возможности объединяет два, считавшихся до сих пор взаимоисключающими, понятия: **перевод точный и перевод художественный** и в этом отношении может считаться в известной степени новаторским. Взяв за норму перевод предельно точный (но не буквальный, когда в погоне за точностью создаются мертвые фразеологические кальки, нередко вопреки законам русского языка, что неизбежно приводит к смысловой неточности), переводчики стремились донести общий идейно-художественный смысл древних устных произведений до нашего современника — русского читателя, представителя иной языковой и духовной культуры. В переводе с достаточной близостью сохранена художественно-образительная структура оригинала, для чего, наряду с передачей лексики, потребовалось «транспонировать» национальную инуюязычную фразеологию так, чтобы отразить ее своеобразие на русском языке. Благодаря этому читатель перевода мог получить реальное представление об образном строе всего эпического контекста.

Поскольку теоретические основы литературно-адекватного перевода тюркоязычного эпоса на русский язык пока еще не разработаны, переводчикам приходилось самостоятельно решать целый ряд практических переводческих проблем. Прежде всего мы исходили из общей теории перевода и учитывали опыт русской и советской переводческой школы применительно к произведениям восточной классики, в частности, труды В. В. Бартольда, С. Е. Малова, Н. И. Конрада, А. Н. Кононова, А. М. Щербака². Имевшийся опыт вполне убедительно показал, что средствами русского литературного языка можно с достаточной

² См., например: «Книга моего деда Коркута». Огузский героический эпос». Перевод академика В. В. Бартольда. М.—Л., 1962; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951; А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.—Л., 1958; А. М. Щербак. Огуз-наме, Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.

полнотой передать специфику художественно-образной структуры древних тюркоязычных письменных памятников.

В переводе устного эпоса мы стремились не только сохранить лексико-семантическую точность в передаче специфики архаического образного языка, но и отразить эстетику прошлого, воплощенную в художественном контексте. В связи с этим перевод должен был учитывать как языковые, так и внеязыковые аспекты, в том числе эмоционально-художественное воздействие произведения на читателя. В отличие от чисто лингвистического, перевод эпоса требовал, чтобы были переданы три обязательные функции художественного произведения: смысловая, эстетическая и эмоциональная, иначе становится невозможным полноценное восприятие читателем перевода художественного произведения большого эмоционального звучания, каковым является эпос. Все это предполагает в переводчике сочетание творческого воображения с точным расчетом исследователя, поскольку перевод — это всегда и толкование подлинника, ибо он не должен вызывать неясных или ложных представлений. При передаче многих многозначных и метафоричных слов тюркоязычного эпоса важное значение приобретает выбор соответствующего русского слова в ряду синонимов, способного верно и емко передать семантику слова оригинала, определенную общим контекстом.

Однако верное толкование подлинника включает не только отыскание языковых средств, способных адекватно выразить смысл оригинала. Здесь недостаточно ограничиваться рамками лингвистики³. Наряду со знанием языка оригинала от переводчика требуется также глубокое изучение культуры, истории, быта и обычаев народа, в среде которого было создано переводимое произведение. Только в этом случае возможна полноценная смысловая передача подлинника, заключенных в нем понятий, реалий, имен, топонимов, этнонимов, названий, специфической образности традиционного характера (что нередко нуждается еще в комментировании). Здесь переводчик и исследователь выступают как бы в одном лице.

Таким образом, переводчикам тюркоязычных эпосов пришлось проделать большую, тщательную текстологическую работу, чтобы осуществить по возможности адекватное воспроизведение средствами русского языка специфики образной системы, восходящей к общетюркской поэтической традиции, не утрачивая при этом национальной специфики каждого отдельного эпоса. Это относилось, в частности, к передаче метафор, сравнений, эпитетов, традиционных для каждого эпоса фразеологических оборотов. В тех случаях, когда традиционная образность не могла быть понятна русскому читателю, или же когда к ней в русском языке невозможно было отыскать параллели, она «калькировалась». Такие случаи пояснялись в примечаниях к переводу, так же как непереводаемые на русский язык реалии, топонимы, термины, названия, оставленные в тексте перевода.

В работе над переводом разнонационального и разножанрового эпоса тюркоязычных народов были практически реализованы следующие обязательные условия:

1. Работа велась непосредственно с оригиналом (минуя подстрочник), что имеет ряд несомненных преимуществ (полнее раскрывается

³ Принцип адекватного перевода восточной классики, затрагивающий совокупность ряда проблем — лингвистических, литературоведческих, культурно-исторических, психологических, был сформулирован академиком Н. И. Конрадом (см. сб.: «Восток». М.—Л., 1924, кн. 4, стр. 174—178; 1925, кн. 5, стр. 219—225).

не только «фольклористический» смысл текста, но выявляются также особенности стилевой структуры, ее функции и т. д.).

2. Учитывалась жанровая специфика каждого национального эпоса. Воспроизведение внутрижанровой и национальной специфики произведения предполагает «подражательность» при передаче смыслового и стилистического содержания подлинника.

3. Преодолевались переводческие штампы при условии сохранения всех особенностей поэтической школы народного певца-импровизатора.

4. Осуществлялся комплексный подход к переводу. Переводчики стремились сочетать в переводе ясность и доступность текста с верностью стилю оригинала, его тональности, композиционной структуре и ритмике

Воссоздание эпического памятника на другом языке при соблюдении всех перечисленных выше условий, позволило, во-первых, осуществить в переводе с возможной глубиной и полнотой верное толкование национального текста и, во-вторых, максимально близко передать особенности поэтики подлинника, его смысл и стилистическое своеобразие. Это придает переводу достаточную достоверность без заметного ущерба для выразительности. Чтобы сохранить в переводе стилистическое соответствие оригиналу, пришлось много потрудиться для передачи всех особенностей поэтической структуры подлинника — одного из определяющих признаков его жанровой специфики. Поэтому в переводе каждого из произведений сохраняется характер его повествовательной основы. Это достигается выбором слов и их синтаксической организацией, а также подбором лексических соответствий, сохранением определенного эмоционального тона повествования, то есть передачей всех компонентов, органически связанных с выражением смыслового содержания.

В качестве примера приведем отрывки из перевода однотипного для тюркского эпоса мотива: обращение к богатырю его близких (отца, матери, брата, сестры, жены) перед его походом или долгой разлукой с ними.

Казахский героический эпос «Кобланды-батыр». Сестра обращается к богатырю (ее близнецу):

*Ақ маңдайда тұлдым,
Бірге туган, құлыным,
Керекке біткен терегім,
Бірге туган биурым,
Қос қанатым, құйрығым,
Судан шыққан сүйрігім,
Суырылып озған жүйрігім*

Козыдай, Қоблан, егізім —

[Ты] — челка на моем белом лбу
Жеребенок мой, рожденный вместе со мной,
Ты — мой тополь, твердая опора для всех,
Брат мой, рожденный вместе со мной,
Ты — два крыла моих, мой хвост,
Ты — камыш, возвышающийся над водой,
Ты — мой скакун, вырвавшийся вперед.

Ты мой ягненок, Коблан, мой близнец⁴.

Киргизский героический эпос «Манас». Обращение старшего брата к герою:

*Көзүм болсо, көргөнүм,
Көргөндө жалгыз эрмегим.*

⁴ Цитируется по переводу в томе «„Кобланды-батыр“. Казахский героический эпос», строки 1142—1149.

*Өөдө болсом өбөгүм,
Алдейлеген бөбөгүм,
Тайгылганда жөлөгүм,
Чарчасам — минер бурагым.*

Ты — всевидящее око мое,
Ты — единственная утеха, которую я знал,
Ты — моя опора, если я [взбираюсь] вверх,
Ты — мой младенец, которого ублаживал я,
Ты — поддержка мне, если я поскользнусь,
Ты — мой скакун, на которого сажусь, когда притомлюсь⁵.

Приведенные примеры показывают, что средства русского литературного языка позволяют эквивалентно передать традиционную образность героического эпоса народов, близких по языку и культуре, отнеив при этом специфику стиля каждого отдельного памятника. Как в казахском, так и в киргизском эпосах образы основаны на народной символике, отражающей мировосприятие скотовода-кочевника (эпитеты, метафоры, сравнения, параллелизм).

Совершенно иная традиция, характерная для стиля романического эпоса, передана в переводе героико-романических и романических дастанов.

Узбекский героико-романический дастан «Рустамхан». Обращение отца к сыну-богатырю:

*Тар очилган тоза боғнинг гулисан,
Энангман-отаннинг жону оиллисан;*

*Жамолинг менгадим осмонда ойга,
Қошинли ухшатоғим экилгин ейга,
Жасадинг ўхшайди бўз қарчиғайга,
Қарчигей чангаллим, кимнинг уллисан?
Бино бўлдинг қайси гавҳар донадан?*

Ты — цветок, раскрывшийся в свежем саду,
Ты — душа и сердце отца и матери своих,

Красоту твою уподоблю месяцу в небесах,
Брови твои с изогнутым луком сравню,
Своим станом ты с сизым ястребом схож,
С ястребиными когтями, чей ты сын?
Из какой жемчужины создан ты?⁶

И в данном случае средствами литературного русского языка удается передать приподнятость стиля, достигаемую в подлиннике сочетанием словесно-образительных средств, восходящих к двум художественным традициям: средневековой восточной общелитературной и древней героико-эпической. Именно такое сочетание присуще позднему переходному эпическому жанру — героико-романическому.

В туркменском романическом дастане «Хурлукга и Хемра» плач сестры богатыря, узнавшей о трагической судьбе долго скитавшегося, а затем брошенного в колодец и ослепшего брата, построен в форме мухаммаса — пятнадцатисложного пятистишия, традиционного для восточной книжной классической литературы, с обилием арабо-персидской лексики. Перевод и здесь преследовал цель максимального сохра-

⁵ Приводится по переводу А. С. Мирбадалевой и Н. В. Кндайш-Покровской в готовящемся к изданию томе «„Манас“. Киргизский героический эпос» (рукопись, строки 6271—6276).

⁶ Приводится по переводу в томе «„Рустамхан“. Узбекский героико-романический эпос», абз. 47. стр. 224.

нения лексических особенностей подлинника и передачу свойственной мухаммасу нарастающей к концу строки экспрессии, выражаемой рефреном, завершающим каждую строку, а также и общим рефреном, заканчивающим пятистишие:

*Хасретинден хасса жан ода якар мен, гардашым!
Гелмеди дийип, чар тарапларга бакар мен, гардашым!
Гунде ят эйлап, сени өйден чыкар меч, гардашым!
Хижр одуна мен өзүм отга якар мен, гардашым!
Истесем, инди сени кайдан тапар мен, гардашым?
Паны дунйэниң мазасын билмей өтдүн, вадарыг!
Бир гелип менден хабар хич алмай өтдүн, вадарыг!
Ики залымың голундан гүлмей өтдүн, вадарыг!*

Истесем, инди сени кайдан тапар мен, гардашым?⁷

'Душу больную, скорбя по тебе, в огне сожгу я, брат мой!
Говорю: «Не пришел он». Во все четыре стороны смотрю я, брат мой!
О тебе каждый день вспоминая, выхожу я из дома, брат мой!
В огне разлуки сама я себя сжигаю, брат мой!
Хочу найти, [но] где же теперь тебя отыщу я, брат мой?
Не познав наслаждения тленного мира, ушел ты, о горе!
Чтоб получить весть обо мне, не пришел ты, о горе!
От рук двух злодеев, радости не познав, погиб ты, о горе!

Хочу найти, [но] где же теперь тебя отыщу я, брат мой?⁸

Из приведенных примеров видно, что адекватная передача средств взаим русского литературного языка особенностей поэтики каждого национального памятника во многом зависит от максимально точного, порой дословного перевода эпитетов, метафор, сравнений, народной символики, а также устойчивых стилистических фигур и словосочетаний. Близкая передача особенностей стиха каждого памятника при обязательном условии сохранения смысловой точности достигалась не путем подбора соответствующих рифм и метра (что неизбежно привело бы к добавлению или изъятию слов в строке), а передачей интонационного звучания, приближенного к ритмике импровизационного эпического напевно-декламационного стиха. Так, семи-, восьми-, восьмисложнику казахского оригинала в русском переводе соответствует семи-, восьми- и десятисложная строка. Восьмисложный стих узбекского памятника передан в основном восьмью, реже десятью гласными звуками, подпадающими под ударение. Форму традиционного мухаммаса — пятнадцатисложного пятистишия, органично вошедшего в туркменский дастан, в переводе удалось передать в основном пятнадцатисложником с сохранением нарастающей к концу строки экспрессией, выраженной рефреном в конце каждого пятистишия. Особая трудность ритмико-интонационной организации русского текста заключалась в преодолении специфики тюркского синтаксиса (это относилось и к переводу в целом, выполненном строка в строку). В частности, многосоставные предложения с причастными и деепричастными оборотами при одном конечном глаголе разбивались на простые предложения с глагольными формами, нормативными для русского языка (кстати, деепричастные формы в русском литературном языке — признак книжности стиля).

* * *

Изложенные принципы и их практическое использование в работе над переводом эпоса тюркоязычных народов — героических и романтических поэм — основаны на комплексном филологическом подходе к оригиналу. Думается, что такой подход достаточно результативен в.

⁷ Отточия означают пропуск строки в записи, хранящейся в рукописном фонде Института языка и литературы Академии наук Туркменской ССР под инв. № 574.

⁸ Приводится по переводу в томе «„Хурлукга и Хемра“, „Саят и Хемра“. Туркменский романтический эпос», абз. 132, стр. 259.

передаче средствами иной языковой системы общего и национально-специфического в произведениях, родственных по языку и близких по своей жанровой принадлежности. Реализация вышеперечисленных проблем позволяет создать перевод стилистически близкий оригиналу и вместе с тем литературно полноценный, адресованный русскому читателю.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. А. БАСКАКОВ, Н. З. ГАДЖИЕВА, П. И. КУЗНЕЦОВ, С. А. СОКОЛОВ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ ПО ТЮРКСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ, РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ДЛЯ ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ

В связи с повышением требований к кандидатским и докторским диссертациям перед тюркологами стоит задача разработки основных проблем и теоретических вопросов, которые должны служить тематикой для современных докторских и кандидатских диссертаций по тюркскому языкознанию. Конечно, трудно предложить исчерпывающий список конкретных тем, рекомендуемых для диссертационных работ, однако наметить общие теоретические проблемы, могущие в том или ином аспекте, или в том или ином методическом плане лечь в основу конкретных диссертаций — вполне возможно.

Последние защищенные докторские и кандидатские диссертации в области тюркологии показывают, что еще часто соискатели ученых степеней разрабатывают в своих диссертациях частные вопросы тюркского языкознания, уклоняясь от теоретических обобщений и выводов, которые только и могут успешно развивать тюркологическую науку и двигать ее вперед. В некоторых докторских диссертациях отсутствует теоретическая увязка изучаемого вопроса с современными теориями и идеями советского общего языкознания. Часто в диссертациях прибегают к новой терминологии, чтобы замаскировать изложение старых положений, давно известных не только в науке, но и по школьным курсам. Нельзя не отметить и некоторую односторонность в разработке диссертантами проблем, например, мало исследований по историографии тюркского языкознания с критическим анализом различных направлений в изучении грамматики, лексики, фонологии и т. д. как в СССР, так и за рубежом; слабо представлены диссертации по древним тюркским языкам и памятникам тюркоязычной письменности древнего, среднего и нового периодов в истории тюркских языков; почти полностью отсутствуют диссертации по исторической грамматике, фонетике и лексике; очень бедно представлены социолингвистические исследования по тюркологии и т. д.

В основу статьи положен доклад на VII Пленарном заседании Советского комитета тюркологов, состоявшемся 9—10 марта 1981 года, в котором были учтены списки рекомендуемых тем докторских диссертаций, присланные: М. Ш. Ширалиевым — по азербайджанскому языкознанию; Ш. Ш. Шаабдурахмановым — по узбекскому; Б. Ч. Чарьяровым — по туркменскому; М. З. Закиевым — по татарскому; Т. М. Гариповым — по башкирскому и А. Н. Баскаковым — со социолингвистике.

Для устранения указанных недостатков необходимо конкретизировать основные направления, подлежащие теоретической разработке в области тюркского языкознания.

При определении тематики докторских и кандидатских диссертаций, равно как и при научной разработке вопросов тюркологии вообще, следует прежде всего учитывать два важных момента, а именно: в тюркском языкознании должны быть в достаточной мере представлены, с одной стороны, основные лингвистические методы (сравнительно-исторический, историко-типологический, синхронно-сопоставительный, дескриптивный, ареальный, статистический и т. д.), а с другой — охвачены такие проблемы, как история языка, история литературного языка, диалектология, стилистика, социолингвистика, фонетика и фонология, грамматика — синтаксис и морфология, лексикология и лексикография и т. д.

С учетом указанных двух основных аспектов изучения тюркских языков могут быть предъявлены нижеследующие основные требования к докторским и кандидатским диссертациям, различающиеся не столько теоретическим уровнем разработки, сколько объемом поставленных проблем.

1. История языка. Исследование истории языка принадлежит к числу наиболее сложных задач, стоящих перед исследователями тюркских языков, не имеющих длительных письменных традиций. Существующая концепция о возможности признания для некоторых языков вполне полноправными так называемые «устные литературные языки», сохранившиеся в эпических произведениях народного творчества, все же недостаточно убедительна. Такое признание можно считать правомерным только в тех случаях, когда то или иное эпическое произведение письменно зафиксировано в какой-то определенный исторический период, к которому его, как письменный памятник, можно отнести; ср., например, такие произведения тюркского эпоса, как «Деде-Коркуд» или «Кёроглу» и т. п., фиксация которых имеет достаточно длительную историю в письменности некоторых тюркских народов. Эпические же поэмы, записанные у современных сказителей или сказителей недавнего прошлого, не могут быть квалифицированы как памятники литературного письменного языка, ибо содержат индивидуальные, диалектные, литературно не обработанные черты разговорной речи или так называемой наддиалектной речи данного сказителя.

Вместе с тем проблема изучения истории каждого литературного языка все же существует и тюрколог должен найти те или иные средства (например, данные диалектов и проч.) и методы ее воссоздания.

Следует отметить, что вплоть до настоящего времени в некоторых работах по истории конкретных языков смешиваются такие принципиально различные методы, подходы и приемы исследования, как сравнительно-исторический, имеющий свои особые задачи, и историко-типологический, или методы и приемы, предназначенные для разработки истории литературного языка. Исследования же собственно истории данного конкретного языка, его исторической фонетики, грамматики, лексики и т. д. характеризуются прежде всего изучением внутренних и внешних законов развития данного языка, формирования его фонетической, грамматической и лексической систем, процессов постепенного их изменения и закономерностей их развития. Основным источником для этого служат главным образом исторические памятники письменности исследуемого языка и диалектные данные. Если исследования в области сравнительно-исторического и историко-типологического изучения тюркских языков уже в какой-то степени представлены в тюркологии, то исследования по истории конкретных тюркских языков крайне мало-

численны, и поэтому диссертации, посвященные данной тематике, приобретают весьма актуальное значение.

Итак, к собственно историческим исследованиям в области тюркских языков можно отнести следующие направления: а) история конкретных языков и б) история литературных языков, по которым может быть рекомендована нижеследующая основная проблематика.

I. История конкретных языков: 1) Историческая фонетика конкретного тюркского языка. 2) Процессы развития различных грамматических (морфологических и синтаксических) категорий, например, категорий словоизменения: числа, принадлежности, склонения, спряжения, или развитие различного типа предложений и словосочетаний. 3) Развитие лексики конкретного языка. 4) Процессы развития словообразовательных моделей. 5) Части речи, их развитие и формирование. 6) Процессы семантических изменений в конкретном языке. 7) Историческое развитие категорий залога, вида, наклонений, времени и т. д.

2. История литературных языков: 1) Происхождение конкретного литературного языка и его диалектная основа. 2) Проблемы нормирования литературного языка. 3) Литературный язык, диалекты и просторечье. 4) Литературный язык и профессиональные и социальные жаргоны. 5) Периодизация истории литературного языка. 6) Язык крупнейших писателей и поэтов, оказавших влияние на развитие и формирование конкретного языка. 7) Значение Октябрьской революции в развитии конкретного литературного языка.

II. Диалектология в историческом и синхронном аспектах: 1) Процессы взаимодействия литературного языка и диалектов. 2) Тюркские диалектные ареалы (огузский, кыпчакский, булгарский, карлукский, уйгурский). 3) Исследования, связанные с анализом диалектных систем конкретных языков (в монографическом и лингвогеографическом аспектах). 4) Тюркские диалекты на территории других республик СССР и других государств. 5) Ареальные, сравнительно-исторические и типологические исследования диалектных систем и их особенностей в фонетике, грамматике и лексике.

III. Стилистика. Стилистика (лингвостилистика) многих тюркских языков не может считаться достаточно изученной. Поэтому тематика диссертаций, связанная с изучением стилистики отдельных тюркских языков (функциональные стили, тропы и стилистические фигуры, денотативное и коннотативное значения в их соотношении, эмоциональная, экспрессивная, оценочная и стилистическая составляющие коннотации, система изобразительных и выразительных средств языка), должна привлечь особое внимание исследователей и найти соответствующее отражение в темах диссертационных работ. Это относится и к темам, посвященным культуре речи.

В качестве примеров могут быть приведены следующие темы докторских и кандидатских диссертаций по стилистике: 1) Развитие структурных и функциональных стилей конкретного языка. 2) Формирование документно-юридического, литературно-художественного, научного, публицистического, эпистолярного и других стилей (конкретный стиль в конкретном языке). 3) Социально-речевые стили: феодальной верхушки общества, клерикальный стиль, профессиональные языки и т. д. 4) Развитие структурно-жанровых стилей в прозе, поэзии, драматургии. 5) Проблемы лингвистического аспекта поэтики. 6) Стилистический анализ конкретного стиля отдельных уровней языка: лексики, грамматики, фразеологии и т. д.

IV. Социолингвистика: 1) Проблемы общественных функций и функциональной значимости конкретного языка. 2) Проблемы взаимодействия и контактов литературных языков. 3) Экстралингвистические

факторы развития конкретных языков. 4) Проблемы социальной дифференциации конкретных языков. 5) Формирование языков народностей и наций. 6) Языковое строительство в СССР и в других государствах. 7) Закономерности развития языков народов СССР.

V. **Фонетика и фонология тюркских языков:** 1) Сравнительно-историческая фонетика тюркских языков или отдельных их групп (булгарской, огузской, кыпчакской и т. д.). 2) Историко-типологическая фонология (фонетика) тюркских языков или отдельных их групп. 3) Ареальные фонетические исследования. 4) Экспериментально-фонетические исследования. 5) Фонологическая структура конкретного языка и ее происхождение. 6) Проблемы долгих гласных и их происхождения. 7) Закономерности сингармонизма в тюркских языках. 8) Развитие вокализма в тюркских языках. 9) Развитие консонантизма.

VI. **Грамматика (морфология, синтаксис).** Вопросы грамматики (синтаксиса, морфологии) всегда привлекали и продолжают привлекать к себе пристальное внимание исследователей-тюркологов. К исследуемой грамматической теме можно подойти либо с позиций традиционного языкознания, либо применить один из новейших методов оперирования языковым материалом.

По признакам статичности-динамики: исследование, как известно, может быть либо синхроническим, либо диахроническим, а по своим задачам и лингвистическим параметрам оно может строиться на материале: 1) одного языка — литературного, разговорного, (но без систематического привлечения диалектных данных) или же, наоборот, представленного какой-то группой народных говоров, либо одного из них (в сопоставлении с данными литературного языка); 2) группы языков определенного тюркоязычного ареала (ареальное исследование); 3) двух тюркских языков, относящихся к разным ареалам, например, азербайджанского и узбекского (сравнительно-сопоставительное исследование); 4) двух неродственных языков — какого-то тюркского и языка иной системы (исследование типологического характера). В докторских диссертациях, несомненно, возможно также исследование тех или иных грамматических вопросов в общетюркологическом плане, то есть с систематическим привлечением данных всех или большей части тюркских языков.

Приведем несколько примеров диссертационных грамматических тем, в совокупности отражающих сформулированные выше положения: 1) Выражение субъектно-объектных отношений. 2) Семантический и структурный аспекты выражения синтаксических отношений. 3) Теория текста и сверхфразовые единства в применении к синтаксису. 4) Статус разговорной речи в системе языка. 5) Синтагматическое членение предложения (экспериментально-теоретическое исследование). 6) Особенности синтаксиса устной разновидности литературного языка (синтаксиса разговорной речи). 7) Семантическая структура безличных предложений. 8) Проблема морфологической и синтаксической омонимии.

VII. **Лексикология, лексикография.** Актуальная проблематика этого раздела языкознания исключительно широка и многопланова. Наряду с сравнительно-историческими, историческими, ареальными лексикологическими исследованиями значительный интерес представляет системное описание лексики и фразеологии современных тюркских языков.

Теоретические проблемы семантической структуры слова, типов лексических значений не утратили своего значения и теперь, когда накопился богатый материал, изложенный в довольно многочисленных публикациях, в частности в диссертациях по этим темам. Развитие это-

го направления исследований в работах частного и особенно обобщающего характера представляется весьма перспективным.

Очевидна и неразрывная связь лексикологии и семасиологии. Семасиологический и, в частности, ономастиологический аспект должны, несомненно, получить соответствующее отражение в лексикологических исследованиях. Вопросы лексической и фразеологической семантики целесообразно рассматривать как актуальную проблематику диссертаций по лексикологии.

Столь же большой интерес представляют работы, посвященные анализу лексико-фразеологических особенностей различных видов и жанров письменного языка (художественная литература, публицистика, образцы официального и делового языка и т. д.).

Наряду с успешно развивающимися исследованиями по синтаксису разговорной речи большое значение имеет изучение особенностей лексики устной разновидности литературного языка. Заслуживают серьезного внимания исследования, посвященные лексикону выдающихся писателей.

Вопросы терминологии вообще и терминологии конкретных областей знания на материале тюркских языков представляют собой перспективное направление диссертационных работ.

Словообразованию в его семантическом и лексико-семантическом аспекте также должны быть посвящены докторские и кандидатские (в зависимости от поставленных проблем) диссертации на материале различных тюркских языков.

Особое место среди лексикологических исследований занимают работы по ономастике. Этой проблеме посвящено уже значительное количество диссертационных работ. Наиболее важное значение имеют исследования по тюркской ономастике в широком этно-культурно-историческом аспекте.

Много нерешенных проблем остается еще во фразеологии. Достижения фразеологов, работающих над материалом русского и западноевропейских языков, ждут своего применения (с соответствующими уточнениями) к материалу тюркских языков. С другой стороны, тюркологи могли бы внести значительный вклад в общую теорию фразеологии.

В области лексикографической практики по тюркским языкам накоплен большой опыт. В значительной мере обеспечена и теоретическая, методологическая база для создания словарей различного типа (переводных, толковых, фразеологических, частотных и т. д.). Однако по ряду тюркских языков нет еще толковых, фразеологических, частотных словарей, словарей синонимов, что вызывает необходимость проведения теоретико-прикладных разработок, в частности на уровне докторских и кандидатских диссертаций.

В качестве примеров можно рекомендовать следующие темы докторских и кандидатских диссертаций по лексикологии и лексикографии: 1) Исследование по исторической лексикологии. 2) Сравнительное (сравнительно-историческое) исследование по лексике определенной группы тюркских языков. 3) Исследование по лексике определенного ареала. 4) Развитие семантической структуры слова (определенных разрядов слов) в конкретном тюркском языке. 5) Типы лексических значений слова. 6) Типология фразеологических единиц. 7) Формирование и развитие общественно-политической (экономической) терминологии. 8) Принципы составления словаря (переводного, толкового, частотного, фразеологического, синонимов, терминологического) с приложением конкретных словарных разработок. 9) Сущность и виды лек-

сико-семантической конверсии (транспозиции) на материале тюркских языков.

VIII. Теория перевода. Заслуживают серьезного внимания диссертации, которые, кроме теоретического, имеют также и прикладное значение. Такими диссертациями являются, например, диссертации по теории перевода. Исследуя коренные принципиальные особенности семантических, лексико-фразеологических, грамматических, стилистических категорий языка подлинника и языка перевода, диссертации, посвященные проблемам теории перевода, одновременно содержат, если они написаны на высоком научном уровне, ценные рекомендации по способам и приемам перевода, которые способствуют созданию качественных, научно обоснованных переводов, сочетающих в себе филологическую адекватность и совершенство художественной формы.

Указанное направление сравнительно широко представлено в научных исследованиях, проводимых в вузах. Теория перевода в языковых вузах и на филологических факультетах университетов является важнейшей составной частью всего теоретико-практического цикла обучения иностранному языку. Теория перевода в этом цикле играет роль той фундаментальной основы, на которой строятся лингвистические процедуры, дающие возможность проводить обоснование и верификацию результатов творческого процесса перевода.

Сопоставительное исследование неродственных языков тоже направлено на определение сходства и различия аналогичных языковых категорий в двух или более языках. Оно также имеет выход в обучение иностранному языку, но только в несколько ином ракурсе — с акцентом на объяснительную функцию теории и разработку методики преподавания.

Ниже приводится несколько тем диссертационных работ по теории перевода в качестве примеров: 1) Способы передачи синтаксических конструкций при переводе с конкретного тюркского языка на русский и иностранные языки. 2) Проблемы перевода общественно-политической (научной, экономической и т. д.) терминологии с русского на тюркские языки. 3) Способы передачи идиоматики и фразеологии. 4) Видовые значения русского глагола и их соответствия при переводе на тюркские языки и т. д.

В данной статье даны только общие направления и общая проблематика, которые должны учитываться при определении той или иной темы для диссертации, конкретный выбор, естественно, следует предоставить самому исследователю.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Б. ЧАРЫЯРОВ

ТУРКМЕНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ

В принятых XXVI съездом КПСС «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981-1985 годы и на период до 1990 года» поставлены большие задачи перед советской наукой. В осуществление их призваны внести свой вклад ученые всех отраслей знания, в том числе и тюркологи, одним из звеньев которой является туркменское языкознание. Цель настоящей статьи — подвести итоги работе туркменских языковедов в период десятой пятилетки, охарактеризовать задачи, стоящие перед ними в одиннадцатом пятилетии.

В 70—80-е годы туркменское языкознание развивается по таким научным направлениям, как лексикография и лексикология, грамматика туркменского языка и сравнительное исследование тюркских языков юго-западной группы, фонетика и орфоэпия туркменского языка, диалектология и история туркменского языка, культура речи, туркменско-русское двуязычие, практические вопросы туркменского языкознания.

Определенные успехи в последнее время достигнуты в лексикографии. Начата работа над большим туркменско-русским словарем, который будет охватывать не только общеупотребительную лексику, но и профессионализмы по скотоводству, виноградарству, рыболовству, ковроделию и т. д., а также русские заимствования, полностью освоенные туркменским литературным языком. Словарь будет выгодно отличаться от предшествующих изданий такого рода полнотой словника, более детальной разработкой системы подачи грамматических, стилистических помет, богатством иллюстративного материала. В словарные статьи будут включены также новые идиоматические выражения, крылатые слова, устойчивые словосочетания современного туркменского языка. Подготовка словаря к печати должна быть завершена к концу текущей пятилетки. В настоящее время ведется работа над двухтомным русско-туркменским словарем в объеме 280 печатных листов, начато редактирование двухтомного толкового словаря туркменского языка.

Важной, неотъемлемой частью лексикографической работы является, как известно, создание картотеки и постоянное ее пополнение. Выборка слов и фразеологизмов производится из туркменской художественной,

научной, научно-популярной литературы, фольклорных произведений, периодики. Картотека, насчитывающая в настоящее время около двух миллионов карточек-цитат, постоянно обогащается и за счет профессиональной, диалектной, этнографической лексики туркменского языка, сбор которой осуществляется в различных районах республики.

Туркменские языковеды занимаются также составлением узкоспециальных словарей. В 1976 году вышел в свет первый фразеологический словарь туркменского языка¹, где зафиксированы и объяснены наиболее употребительные фразеологические словосочетания, идиоматические выражения, крылатые слова. Выпущен толковый словарь географических названий Туркменистана² — существенно дополненное и переработанное издание опубликованного в 1970 году топонимического словаря³. Подготовлен очередной выпуск словаря профессиональных слов, охватывающий лексику ювелирного, слесарного, кузнечного, столярного ремесел. Отдельные диалектные слова, профессионализмы снабжены эквивалентами из других тюркских языков. Продолжалась работа по составлению русско-туркменских терминологических словарей по различным отраслям науки, техники, производства, культуры. В десятой пятилетке изданы туркменско-русский словарь сельскохозяйственных терминов⁴ и русско-туркменский словарь животноводческих терминов⁵.

В условиях многодиалектного туркменского языка особую актуальность приобретает установление единых правил написания и произношения слов. В этой связи следует отметить большое значение издания орфоэпического словаря туркменского языка⁶, в котором приводится произношение общепотребительных слов согласно существующим ныне орфоэпическим нормам. В перспективе — составление нового орфографического словаря, призванного дать конкретные рекомендации по написанию ряда сложных и спорных орфограмм. Определенное практическое значение имеет изданный в 1978 году орфографический справочник туркменских имен и фамилий⁷, где собрано более четырех тысяч личных имен и указана передача их на русский язык.

Наряду с составлением общефилологических, узкоспециальных и нормативных словарей, справочников туркменские лингвисты ведут теоретическое исследование проблем лексикологии. Объектом монографического описания стали устойчивые словосочетания туркменского языка⁸.

В этой работе прослеживается история эволюции устойчивых словосочетаний в туркменском языке, определяются их дифференциальные признаки, исследуются лексико-семантические, грамматические особенности устойчивых словосочетаний, выявляется их отношение к различным частям речи и членам предложения. Большая трудность в лексикографической практике возникает при подаче залоговых, видовых форм глагола, имен действий. Эти вопросы нашли отражение в работе «Принципы отбора и лексикографирования глаголов туркменского языка в словарях», которая выйдет из печати в ближайшее время. Рассмотрению некоторых теоретических и практических вопросов туркменской лексикографии посвящена специальная монография, где обобщается многолетний

¹ «Туркмен дилиниң фразеологик сөзлүги». Ашгабат, 1976.

² С. Атаныязов. Туркменистаның географик атларының сөзлүги. Ашгабат, 1980.

³ С. Атаныязов. Туркменистаның топонимик сөзлүги. Ашгабат, 1970.

⁴ «Оба хожалык терминлериңиң түркменче-русча сөзлүги». Ашгабат, 1979.

⁵ Р. Жумаев, В. С. Козин, А. М. Мосесова. Малдарчылык терминлериңиң русча-түркменче сөзлүги. Ашгабат, 1980.

⁶ «Туркмен дилиниң орфоэпик сөзлүги». Ашгабат, 1978.

⁷ «Орфографический справочник туркменских имен и фамилий». Ашхабад, 1978.

⁸ Г. Ачылова. Хэзирки заман түркмен дилинде дурнужлы сөз дүзүмлери. Ашгабат, 1977.

опыт составления толковых и двуязычных словарей, освещается современное состояние туркменской лексикографии, выявляются имеющиеся в ней недостатки, указываются пути их устранения, заостряется внимание на нерешенных вопросах современной туркменской лексикографии.

В области лексикографии и лексикологии есть и ряд неразработанных вопросов. До сих пор нет словарей синонимов, антонимов, омонимов туркменского языка, не составлены словари языка известных писателей, поэтов, отсутствуют частотный, словообразовательный, морфемный словари. От требований сегодняшнего дня отстают составление и издание русско-туркменских и туркменско-русских узкоспециальных, терминологических словарей. Необходимо развернуть работу по учебной лексикографии. Ждут глубокой разработки многие теоретические вопросы лексикографии. На решение этих задач будут направлены усилия туркменских лексикографов в ближайшие годы.

Другим актуальным направлением языковедческих исследований в республике является изучение вопросов грамматики туркменского языка и сравнительный анализ специфических явлений в тюркских языках юго-западной группы. В этом направлении выполнен ряд работ по глаголу тюркских языков юго-западной группы, в которых получили научное освещение грамматические и семантические особенности имен действий в туркменском, азербайджанском, турецком, гагаузском языках (глагольные и именные признаки в разрабатываемой категории, этимология формантов имен действий, процесс субстантивации, лексикализации имен действий)⁹; причастные формы в огузских языках (данная глагольная категория подвергается комплексному анализу на основе литературных и диалектных данных современных тюркских языков, а также материалов письменных памятников)¹⁰. Результаты наблюдений ученых над функционированием форм выражения желания и долженствования в тюркских языках юго-западной группы изложены в отдельной книге¹¹. Подготовлены к печати монографии по деепричастным формам и по глаголам речи в тюркских языках юго-западной группы. Завершены также некоторые разделы сравнительного изучения глаголов огузских языков, среди них повелительное и условное наклонения, формы выражения намерения, глаголы зрительного восприятия. Выполнен ряд исследований по синтаксическим конструкциям с именами действия, с причастными и деепричастными формами. Авторы этих работ пришли к заключению, что категории глагола имеют в сравниваемых языках много общего и вместе с тем обнаруживают некоторые специфические особенности, характерные для нескольких языков или какого-то одного языка. Проведенные исследования имеют теоретическое значение и в то же время могут послужить основой для написания соответствующих разделов сравнительной грамматики тюркских языков.

Значительное внимание лингвисты Туркмении уделяют изучению грамматического строя языка. Вышла из печати монография о косвенных наклонениях в современном туркменском языке¹², посвященная описанию лингвистической природы условного, условно-желательного, желательного, повелительного, долженствовательного наклонений и наклонения намерения. Опубликована работа об именах действия в современном

⁹ А. Боржаков. Түрки диллерин гүнорта-гүнбатар топарында иш атлары. Ашгабат, 1976.

¹⁰ Б. Хожяев. Түрки диллерин гүнорта-гүнбатар топарында ортак ишлик формалары. Ашгабат, 1977.

¹¹ А. Боржаков, Б. Хожяев. Түрки диллерин гүнорта-гүнбатар топарында ишлигин ислег ве хөкманлык формалары. Ашгабат, 1980.

¹² Б. Хожяев. Хазирки заман түркмен дилинде ишлик формалары. Ашгабат, 1978.

туркменском языке¹³. Аналитические глаголы с вспомогательным компонентом *эт-, бол-* стали объектом специального исследования¹⁴.

Наименее разработанным разделом туркменской грамматики до последних лет оставался синтаксис. Поэтому заметным событием стало издание в 1977 году коллективного труда по синтаксису¹⁵, где подробно анализируются словосочетания и простые предложения. В работе определено место словосочетаний в кругу других синтаксических категорий, выявлены их грамматические и семантические особенности, дана классификация простых предложений, рассмотрены члены предложения, описаны слова, грамматически не связанные с предложением. В 1977 году вышел в свет второй том «Сравнительной грамматики русского и туркменского языков»¹⁶, где методом типологического анализа исследуются многие явления синтаксиса словосочетания, простого и сложного предложений в двух языках, при этом за исходные берутся факты русского языка, указываются различные способы передачи русских конструкций в туркменском языке. В туркменском языкознании пока еще отсутствует стройная теория сложного предложения. Чтобы восполнить этот пробел, Институт языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР запланировал разработку темы «Синтаксис сложного предложения в современном туркменском языке».

Будут исследованы вопросы образования, степени сравнения, лексико-семантические разряды прилагательных.

Усилия туркменских фонетистов сосредоточены на изучении основных вопросов фонемной и интонационной системы туркменского языка. В последние годы в исследовании названных проблем ученые перешли от традиционного описательного и субъективно-слухового методов к объективно-экспериментальным методам (осциллографирования, спектрографирования, интонографирования, рентгенографирования). В этом направлении выполнен и издан ряд работ¹⁷, в которых излагаются результаты исследования звукового строя и интонационной системы туркменского языка экспериментально-фонетическим путем.

Объектом специального экспериментально-фонетического исследования стали фрикативные и сонорные согласные туркменского языка¹⁸. Методом формантного анализа и анализа резонансной частоты общей картины спектрального сечения получена частотная характеристика фрикативных согласных туркменского языка, определены соотношение основного тона голоса в спектре звонких и глухих фрикативных звуков, их спектральные особенности в интервокальной позиции и в соседстве с различными типами гласных. В данной работе выявлены также позиционные, артикуляционные и физические особенности сонорных согласных туркменского языка. Интересные результаты получены в процессе изучения формантной структуры ударных и безударных гласных в двусложных словах¹⁹. На основе спектрального анализа исследователи делают

¹³ А. Божяков. *Хэзирки заман туркмен дилинде иш атлары*. Ашгабат, 1978.

¹⁴ М. Худайгульев. *Хэзирки заман туркмен дилинде аналитик ишликлер*. Ашгабат, 1979.

¹⁵ «Туркмен дилинин грамматикасы. II бөлүм. Сөз дүзүми ве йөнөскөй сөзлөмиң синтаксиси». Ашгабат, 1977.

¹⁶ «Сравнительная грамматика русского и туркменского языков. Ч. II. Синтаксис». Ашхабад, 1977.

¹⁷ С. Куренов. Библиография по исследованию звукового строя и интонации туркменского языка экспериментально-фонетическим путем. — «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук», 1977, № 1.

¹⁸ А. Нурмухаммедов, С. Куренов. *Туркмен дилинде сүйкөш ве сонорлы чөкимсизлер*. Ашгабат, 1979.

¹⁹ А. Моллаев. *Акустическая характеристика ударных и безударных гласных в двусложных словах туркменского языка*. Ашхабад, 1980.

вывод, что в акустическом аспекте количественный и динамический корреляты не играют существенной роли при определении природы туркменского словесного ударения; в туркменском языке ударный гласный выделяется частотой основного тона. Полученные осциллограммы и спектрограммы позволили объективно выявить продолжительность, интенсивность и высоту основного тона ударных и безударных гласных в активно употребляющихся двусложных словах туркменского языка.

Составной частью фонетики является интонация, которая тесно связана с различными звуковыми явлениями и фонетическими закономерностями. Будучи автономным направлением экспериментальной фонетики, экспериментальная интонация изучает наряду с другими вопросами движения частоты основного тона, образования при этом характерных частотных пиков и их общего положения на всех участках фразы. В изданном в 1977 году коллективном труде, посвященном исследованию интонации простых повествовательных и вопросительных предложений экспериментально-фонетическим методом²⁰, описываются частоты основного тона с характерными частотными пиками и движениями в диалектическом единстве с позицией и контуром изменения интенсивности во времени, образующими мелодический рисунок интонемных типов повествования, вопросы их видов и подвидов. Подготовлены к печати две монографии, в которых на основе экспериментальных данных описываются интонационные особенности ответных и побудительных слов и предложений, исследуется синтагматическое членение простых предложений.

Изучение вопросов звукового строя и интонационной системы туркменского языка будет продолжено. Намечается исследовать физико-акустические особенности (продолжительность, интенсивность и основной тон) слов со слоговым набором определенных типов и отдельных групп иноязычной лексики в туркменском языке. Запланировано также экспериментальное исследование восприятия отдельных звуков и их сочетаний, мелодических свойств синтаксических групп слов в простых и сложных предложениях.

В последние годы ведется целенаправленное изучение проблем исторической грамматики туркменского языка. В истекшем пятилетии было продолжено монографическое описание отдельных грамматических категорий туркменского языка в историческом плане. На материале письменных памятников туркменского языка XII—XIX веков были исследованы наречия, союзы, послелоги, частицы, междометия и подражательные слова. Завершена работа над книгой по исторической морфологии туркменского языка. В области исторического синтаксиса велась разработка таких разделов, как именные словосочетания, образованные путем согласования, глагольные словосочетания, простые предложения, бессоюзные сложноподчиненные предложения. В дальнейшем все усилия историков языка будут направлены на исследование вопросов синтаксиса. Так, предполагается проследить историческую эволюцию главных и второстепенных членов предложения; слов, не являющихся членами предложения, именных словосочетаний, образованных путем примыкания и управления; сложноподчиненных предложений с союзами; союзных и бессоюзных сложносочиненных предложений. Создание исторической грамматики призвано способствовать решению многих сложных вопросов не только формирования и развития туркменского языка в различные исторические периоды, но и истории туркмен.

²⁰ С. Куренов, А. Нурмухаммедов, А. Сапаев. Туркмен дилинде йенекей хабар ве сораг сөзлемлеринин интонациясы (экспериментал-фонетик дерцев). Ашгабат, 1977.

Некоторые итоги исследований по истории языка опубликованы в двух сборниках. В первый из них²¹ вошли статьи, посвященные характеристике согласных фонем по данным сочинений арабоязычных филологов XI—XIV веков, глагольным залогам, формам настоящего-будущего времени, синтаксическим функциям отдельных падежей в языке письменных памятников XII—XIX веков. В другом сборнике²² помещены статьи о глаголах в форме инфинитива, императива и оптатива, об образовании прилагательных, о категории множественности, а также о некоторых вопросах синтаксиса туркменских пословиц и поговорок в историческом аспекте. В 1977 году вышла работа, в которой на материале письменных памятников туркменского языка XII—XIX веков исследуется историческая эволюция аналитических глаголов со значением способа действия и модальности²³. Определенный интерес представляет попытка осветить отдельные вопросы словообразования в туркменском языке древнейшего периода.²⁴

К крупным достижениям туркменского языкознания можно отнести создание диалектологического атласа туркменского языка, что является результатом многолетнего кропотливого труда коллектива специалистов. Материал для атласа был собран в более чем 340 населенных туркменами пунктах, находящихся не только на территории Туркменской ССР, но также Узбекской ССР, Таджикской ССР, Каракалпакской АССР, Ставропольского края и Астраханской области РСФСР. Атлас охватывает основные фонетические, морфологические, лексические и лексико-семантические особенности диалектов туркменского языка, содержит 128 карт (37 карт по фонетике, 23 — по морфологии и 68 — по лексике) и комментарии к ним; общий объем атласа около 40 печатных листов. Каждая из карт посвящается конкретному языковому явлению. В комментариях, где полностью описываются занесенные в карты явления, приводятся также сведения об этимологии рассматриваемых морфем и лексем, указываются участки, для которых характерны те или иные языковые явления. Значение атласа заключается прежде всего в том, что он поможет уточнению орфографических, орфоэпических, грамматических и лексических норм туркменского литературного языка, пересмотру существующей классификации диалектов туркменского языка, решению некоторых сложных вопросов истории языка, а также достоверному исследованию процесса взаимовлияния и взаимодействия туркменских диалектов в прошлом и в настоящее время.

Издан краткий диалектологический словарь туркменского языка,²⁵ собран и истолкован целый ряд лексических, семантических, фонетических диалектизмов. Естественно, в данном словаре сосредоточена лишь часть диалектного материала, и ученые планируют создание более полного труда, охватывающего все существенные явления в лексике и фразеологии туркменских диалектов и говоров. Коллектив диалектологов в 1980 году издал сборник по диалектной лексике²⁶, куда вошли статьи, посвященные лексическим особенностям диалектов *арабачи* и *ата*, названиям пищи в туркменских говорах Каракалпакии, диалектизмам в туркменской топонимике, бытовой лексике в некоторых диалектах туркменского языка.

²¹ «Туркмен дилиниң тарыхы грамматикасы боюнча дерцевлер». II том. Ашгабат, 1978.

²² «Туркмен дилиниң тарыхы грамматикасының проблемалары». Ашгабат, 1980.

²³ А. Аннануров. Туркмен дилиниң язув ядыгәрликлеринде ишлигич аналитик формалары. Ашгабат, 1977.

²⁴ Я. Чендеев. Туркмен дилинде сөз ясалыш ёллары (Гадымы дөвүр). Ашгабат, 1980.

²⁵ «Туркмен дилиниң гысгача диалектологик сөзлүги». Ашгабат, 1977.

²⁶ «Диалект лексикасы». Ашгабат, 1980.

Все основные диалекты туркменского языка стали предметом монографического описания. Тем не менее остаются неизученными говоры Чарджоуской области и поэтому группа диалектологов будет занята исследованием Чарджоуской и Саятской групп туркменских говоров. Усилия другой группы диалектологов будут направлены на разработку обобщающих тем по грамматике и лексике.

В туркменском языкознании как особое направление сформировалось изучение вопросов культуры речи. Сотрудниками созданного в 1972 году сектора культуры речи до настоящего времени исследован общий процесс нормализации лексики, грамматики, орфографии и орфоэпии туркменского литературного языка. В истекшем пятилетии отдельными книгами изданы результаты наблюдений над формированием в советскую эпоху орфоэпических и орфографических норм туркменского литературного языка²⁷. Важные культурно-речевые проблемы затрагиваются в «Очерках по культуре туркменской речи»,²⁸ где анализируются орфоэпические, орфографические, грамматические нормы, рассматриваются такие вопросы, как отношение диалектов к литературному языку, стили языка, поэтическая функция языка, формы письменной и устной речи в условиях туркменско-русского двуязычия. Организована служба языка, постоянно ведутся наблюдения над языком прессы, художественной литературы, современной туркменской устной и письменной речью. На основе их ежегодно готовятся и издаются небольшие по объему сборники²⁹. В них разбираются случаи нарушения орфографических, орфоэпических, лексико-семантических, морфологических норм туркменского литературного языка, даются конкретные рекомендации по их устранению. В 1976—1980 годах были разработаны такие вопросы, как основы пунктуации туркменского литературного языка, стилистическое варьирование языковых средств, вариантное написание слов, нормализация русских заимствований в туркменском языке и т. д.

Туркменскими языковедами запланировано, кроме составления упомянутого орфографического словаря, исследование вопросов норм художественной речи, изучение закономерностей становления литературных норм у персидских и арабских заимствований в туркменском языке и др.

В нашей стране одной из основных языковых тенденций стало развитие национально-русского двуязычия. Необходимостью научного осмысления этого явления в лингвистическом плане, исследования проблем функционирования русского языка в республике с целью его дальнейшего распространения среди местного населения продиктовано возникновение нового направления — изучение вопросов туркменско-русского двуязычия.

Важное место отводится терминологической работе. Одной из главных задач в этой области является разработка основных принципов создания и упорядочения научно-технической терминологии туркменского языка, составление русско-туркменских и туркменско-русских терминологических словарей по различным отраслям науки, техники, производства, культуры. К настоящему времени подготовлена и издана новая инструкция для составления терминологических словарей, ведется работа по созданию русско-туркменского словаря-сокращений. Будет иссле-

²⁷ Т. Тачмырадов. Туркмен эдеби дилиниң орфоэпиясы. Ашгабат 1976; *его же*. Туркмен эдеби дилиниң орфографиясының совет дөврүнде формирлениши. Ашгабат, 1979.

²⁸ «Туркмен сөзлейиш медениети боюнча очерклер». Ашгабат, 1980.

²⁹ «Дил медениети». Ашгабат, 1976; «Туркмен сөзлейиш медениетиниң кәбир меселелери». Ашгабат, 1977; «Дил медениетиниң меселелери». Ашгабат, 1979; «Сөзлейиш медениетиниң актуал меселелери». Ашгабат, 1980; «Туркмен эдеби дилиниң нормаланышының кәбир меселелери». Ашгабат, 1981.

дован процесс становления и развития литературоведческой и грамматической терминологии туркменского языка и составлены русско-туркменские словари литературоведческих и грамматических терминов.

Начата работа в области изучения вопросов функционирования русского языка в республике. Составлен аннотированный указатель литературы, имеющей непосредственное отношение к вопросам пропаганды, изучения и преподавания русского языка в Туркмении как средства межнационального общения. Закончена работа о русско-туркменском лексическом взаимодействии, посвященная влиянию туркменской лексики на местную русскую письменную речь. В ней выявляются лексико-семантические, морфо-логические особенности туркменских заимствований в русском языке, рассматриваются вопросы их орфографирования; к работе приложен словарь туркменских слов, встречающихся в русских текстах. В 1980 году издана небольшая работа³⁰, популярно рассказывающая о распространении русского языка в нашей стране и за рубежом, о его прогрессивной роли в жизни туркменского народа, о влиянии на развитие и обогащение туркменского языка, а также о современном состоянии туркменско-русского двуязычия и путях его расширения. Намечается разработка вопроса «Особенности русской речи туркмен». В работе будут исследованы особенности русской речи туркмен на фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом уровнях, выявлены типичные ошибки в русской речи туркмен с указанием путей их исправления.

Ученые-языковеды высших учебных заведений работают над созданием различных учебников и учебных пособий по туркменскому языку. Решаются вопросы практического языкознания. Подготовлены учебные пособия для вузов по практической стилистике, фразеологии туркменского языка, туркменской диалектологии, синтаксису (простое предложение в современном туркменском языке), морфологии (пути словообразования в туркменском языке), фонетике (некоторые виды комбинаторных звуковых изменений, фонемный состав согласных звуков в туркменском языке), лекции по языкознанию и др.

Намечается создание учебников по современному туркменскому языку, практикума по диалектологии, пособия по туркменскому языку для студентов русских групп вузов Туркменской ССР и др.

Приведенный выше краткий обзор свидетельствует о том, что годы десятой пятилетки ознаменовались дальнейшим углублением исследований по традиционной проблематике, появлением новых направлений в туркменском языкознании. На текущую пятилетку намечена широкая программа научно-исследовательских работ, включающая в себя ряд важных проблем по всем направлениям туркменской лингвистической науки. Можно не сомневаться, что наши языковеды успешно справятся с поставленными задачами и тем самым внесут свою достойную лепту в общепародную борьбу за выполнение исторических решений XXVI съезда КПСС.

³⁰ П. Азымов, О. Назаров. Достлугың, хызматдашлыгың ве прогресың дилч. Ашга бат, 1980.

А. Н. ГАРКАВЕЦ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И КЛАССИФИКАЦИИ УРУМСКИХ ГОВОРОВ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Носители тюркских говоров Северного Приазовья на родном языке называют себя *урумлар*, *урумнар* 'урумы', *урум миллет* 'урумская нация', *урум алх* 'урумский народ', а по-русски — «греками», либо «греко-татарами». Самоназвание *урум* исконно означало «грек, византиец». Происходит оно от среднегреческого $\rho\upsilon\mu\iota\tau\eta$ 'Византия, Восточная провинция Римской империи', так же как и самоназвание румейцев *румейс*, *румеюс*, тождественное среднегреческому $\rho\upsilon\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ 'византиец'¹. *Рум* — так называли в средневековой Турции не только малоазнатских греков-христиан². Всю христианскую общину в Турции, состоявшую из греков, болгар, сербов, хорват, армян, грузин и молдаван, именовали *урум миллет* 'греческая нация'³. К грекам урумы относят себя и по данным переписи населения, и в паспортах. Термин «греко-татары» лет пятьдесят тому назад также имел официальное хождение и употреблялся для различения урумов, греков тюркоязычных, и румеев, греков эллиноязычных, именовавшихся греко-эллинами. Верующие урумы и румеи — православные христиане. Но, несмотря на общность религии и церкви, в дореволюционное время эти разноязычные народности резко противопоставляли себя друг другу — даже в Большом Янисоле (ныне Великоновоселка), где те и другие со времени поселения живут совместно, образуя две части села. Об этом свидетельствует сохранившееся среди урумов выражение: *тат баласы — урум беласы* 'дети румея — горе для урума'. Исторические корни этой межнациональной розни, полностью изжившей себя в советское время, не совсем ясны. Возможно, она связана с различным происхождением этих народностей. На Бартольдовских чтениях 1974 года нами была выдвинута гипотеза о тюркском этническом происхождении урумов — из числа половцев-язычников, принявших православие и вследствие этого ставших называться урумами, то есть греками — согласно новой религии⁴. В пользу этого предположения говорят внешние антропологические различия между урумами и румеями, а также отличия в национальном характере. Мо-

В основу статьи положен доклад, прочитанный на VII Пленарном заседании Советского комитета тюркологов в марте 1981 г.

¹ Т. М. Чернишова. Тюркські елементи в соціальній сфері лексики грецьких говірок Донеччини. — Журн. «Мовознавство», 1975, № 4, Київ, стр. 51.

² В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. — В кн.: «Избранные сочинения», т. I. М., 1960, стр. 188.

³ А. Д. Новичев. История Турции. Л., 1963, стр. 72—73.

⁴ А. Н. Гаркавец. В. В. Бартольд о вероисповедании у кыпчаков X—XIII веков и проблема этногенеза армяно-, греко-кыпчаков и караймов. — «Бартольдовские чтения. Тезисы докладов и сообщений». М., 1974, стр. 18—19.

жет оказаться, что урумы сформировались из числа многочисленных *ясиров* 'пленников', которых крымские татары тысячами пригоняли на полуостров из христианских стран, главным образом с Украины.

В Северном Приазовье урумы и румыи появились двести лет назад после вывода христиан из Крыма в 1778—1779 годах. Осуществлением этой акции царское правительство стремилось достичь, и в конечном итоге достигло, далеко идущих политических целей — подорвать экономическую самостоятельность Крымского ханства и подчинить его Российской империи: «Наша дипломатия... не верила в возможность удержать за Россией Крым и потому хотела ослабить его выселением такого значительного и трудолюбивого элемента, каким представлялись греки-христиане»⁵.

Вывод христиан из Крыма был поручен А. В. Суворову, который составил подробную ведомость о переселенцах, спустя сто лет опубликованную Н. Дубровиным⁶. Согласно этому документу, греки, армяне, волохи и грузины (то есть урумы и румыи, армяне, молдаване и тюркоязычные грузины — гюрджи, причисляющие себя к урумам) в количестве свыше 31 тысячи человек были выведены из 8 городов, 65 сел и деревень и одного монастыря Крыма, в том числе греки из 64 населенных пунктов, армяне из 15, грузины из 10, а волохи из 4.

Греки были выселены из следующих пунктов (в каждом случае указано количество человек): Ай-Ян — 222, Албат — 113, Алсу — 289, Аутка — 169, Байсу — 107, Балаклава — 82, Бахчисарай — 1321, Бельбек — 70, Бешуй — 686, Бня-Сала — 230, Большая Каракуба — 1423, Большой Ламбат — 372, Бурундук-Отар — 96, Вуртоли (Орталан ?) — 33, Гурза (Гурзиф) — 83, Дапр — 4, Джемрек — 372, Зуя — 5, Имарет — 76, Инкерман — 41, Камара — 475, Карань — 331, Карасубазар — 1004, Катагор — 97, Кафа — 1642, Качи-Кальян — 77, Керменчик — 467, Козлов (Евпатория) — 174, Козы — 74, Куруузен — 103, Кучукузен — 126, Куш (Коуш, Ковуш, Кувуш, Кубуш) — 49, Кызылташ — 187, Лака — 412, Ласпи — 128, Магарач — 174, Малая Каракуба — 244, Малый Ламбат — 75, Малый Яникуль — 68, Мангуш — 773, Мармара — 103, Масаандра — 231, Миллярн — 57, Никитин — 102, Сартана — 743, Старый Крым — 109, Стила — 1228, Темерчи (Демержи) — 190, Толи — 32, Топчак — 103, Улаклы — 215, Улуузен — 124, Утар — 38, Уйшун — 124, Хант — 21, Чердакли — 154, Черкес-Кермен — 307, Чермалык — 354, Чуруксу — 46, Шелен — 51, Шурю — 151, Ялта — 241, Яникуль — 354, Ени-Сала — 831.

Армяне: Акмечеть — 259, Бахчисарай — 1375, Бурундук-Отар — 38, Камышлак — 121, Карасубазар — 2809, Кафа (Феодосия) — 5511, Козлов — 1304, Мелик — 72, Сала — 224, Старый Крым — 160, Султан-Сала — 57, Татлы — 212, Топчак — 10, Урталак — 419, Чуруксу — 40.

Грузины: Бахчисарай — 36, Бешутка — 41, Большая Каракуба — 1, Какчхой — 19, Карасубазар — 8, Кафа — 24, Козлов — 70, Султан-Сала — 15, Урталак — 1, Чермалык — 4.

Волохи: Абдал — 149, Бахчисарай — 4, Карасубазар — 7, Козлов — 1.

Как показали исследования В. Ф. Розанова и А. Л. Бертье-Делагарда, ведомость А. В. Суворова не охватывает всех мест Крыма, откуда

⁵ А. И. Маркевич. Доклад на 326 заседании Одесского общества истории и древностей — 9.V. 1900. — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 23, отдел 5. Протоколы, стр. 35—63.

⁶ «Присоединение Крыма к России (Рескрипты, письма, реляции и донесения)». Сост. Н. Дубровин. СПб., 1885, т. 2, стр. 710—713.

были выведены христиане. Поэтому целесообразно привести здесь также перечень селений Крыма, где жили греки и армяне, составленный по памяти греческим митрополитом Игнатием в 1783 году с указанием количества дворов.

Греки: Ай-Ян — 25, Албатской — 15, Алсу — 45, Алушта — 8, Аргин-Каракуба (Малая Каракуба) — 255, Аслама — 14, Балаклава — 28, Балсус (Билсус) — 32, Барныкой — 1, Бахчисарай — 280, Бельбектой — 15, Бешев (Бешуй) — 120, Бия-Сала — 65, Богатырь — 63, (Большая) Лампада (Ламбат) — 47, Верхняя Аутка — 47, Дегирменкой — 17, Демержи — 80, Дюрмень — 63, Имарст — 15, Инкерман — 12, Камара — 100, (Большая) Каракуба — 45, Карасу — 265, Каскалия (Качи-Кальян) — 12, Кафа — 166, Керменчик — 80, Козлов — 65, Корсань (Карасан) — 60, Кубуш — 7, Куруузен — 25, Кучукузен — 26, Кызылташ — 73, Лака — 65, Ласпи — 42, Магарач — 50, Маирум — 75, Малая Лампада (Ламбат) — 20, Малая Ени-Сала — 85, Мангуш — 142, Мармара — 80, Марсанда (Масандра) — 66, Нижняя Аутка — 22, Никита — 30, Орталан — 12, Салгирбаши-Ени-Сала — 85, Сартана — 125, Старый Крым — 60, Стила — 130, Тапсан — 26, Улаклы — 45, Улу-Сала — 5, Улуузен — 25, Урзуф — 28, Усуни — 28, Усыры — 30, Хукой — 12, Чердакли — 28, Черкес-Кермен — 60, Чермалык — 47, Чирланой — 70, Ялта — 66 и монастырь св. Георгия в Инкермане — 3.

Армяне: Бахчисарай — 395, Камузлус — 30, Кафа — 1408, Козлов — 250, Орталан — 35, Сала — 35, Топлуш — 28.

В целом число населенных пунктов, где жили греки в Крыму, с учетом расхождений в интерпретации одних и тех же названий, по этим двум ведомостям составляет 80 мест.

Сто лет спустя В. Ф. Розанов, более известный под именем архимандрита Гавриила, попытался установить, выходцами из каких именно мест Крыма основаны приазовские греческие села. Результаты разысканий описаны им в статье «Исследование о времени построения Мариупольской церкви», помещенной во втором томе его сочинений («Сочинения преосвященного Гавриила», т. 2, М., 1854). Этот труд В. Ф. Розанова более доступен в скрупулезном изложении А. Л. Бертье-Делагарда, согласно которому мы и приведем список только урумских поселений Северного Приазовья с указанием их старых названий (в скобках) и тех мест Крыма, выходцы из которых их основали:

- 1) Богатырь — Богатырь, Лака;
- 2) Великоновоселка (Ай-Ян, Большой Янисоль, Большая Ени-Сала) — Ай-Ян;
- 3) Гранитное (Карань, Старая Карань) — Карань, Мармара, Черкес-Кермен;
- 4) Жданов (Мариуполь, Мариенполь) — Балаклава, Бахчисарай, Карасубазар, Козлов, Кафа, Мариен (Маирум, предместье Бахчисарая);
- 5) Комар — Камара;
- 6) Першотравневое (Мангуш) — Мангуш;
- 7) Старобешевое (Бешево, Бешев) — Бешуй (Бешев);
- 8) Старогнатовка (Старогнатьевка, Дубовка, Игнатьевка, Гюрджи) — Бахчисарай, Бешутка, Большая Каракуба, Какчиной, Карасубазар, Кафа, Козлов, Султан-Сала, Урталак, Чермалык — грузины; Абдал, Бахчисарай, Карасубазар, Козлов — молдаване (теперь живут в Новогнатовке);
- 9) Староласпа (Ласпа, Ласпи) — Алсу, Качи-Кальян, Ласпи;
- 10) Старомлиновка (Старый Керменчик) — Албат, Бия-Сала, Керменчик, Улу-Сала, Шурю;

- 11) Старый Крым — Старый Крым (Эски-Крым);
 12) Улаклы (Джемрек, Жиндрень) — Улаклы⁷.

В ведомости А. В. Суворова остается еще 16 сел, выходцы из которых обосновались в Приазовье, но в каких поселениях — неизвестно. По географическому положению в Крыму к урумским можно отнести следующие из этих шестнадцати: Бельбек, Куш, Даир, Зуя, отчасти Инкерман, остальные скорее всего румейские.

Из перечисленных 12 населенных пунктов впоследствии выделялись новые села и хутора. В настоящее время урумы в количестве свыше 60 тысяч человек компактно проживают в 30 селах и поселках и 1 городе в Донецкой и Запорожской областях.

Донецкая область:

Великоновосельковский район:

1. Богатырь;
2. Великоновоселка;
3. Григорьевка — из Старомлиновки;
4. Днепроэнерго — из Комара;
5. Запорожье — из Комара;
6. Зирка — из Комара;
7. Комар;
8. Малый Керменчик — из Старомлиновки;
9. Новый Комар — из Комара;
10. Старомлиновка;
11. Улаклы;
12. Ялта — из Комара;

Першотравневый район:

13. Першотравневое;

Старобешевский район:

14. Старобешево;

15. Новобешево;

Тельмановский район:

16. Андреевка — Из Гранитного;

17. Белокаменка — из Староласпы;

18. Гранитное;

19. Григорьевка — из Старогнатовки;

20. Каменка (новая Карань) — из Гранитного;

21. Малогнатовка — из Старогнатовки;

22. Новоласпа — из Староласпы;

23. Новомарьянка (Марьенталь) — из Гранитного;

24. Новоселовка I — из Гранитного;

25. Новоселовка II — из Гранитного;

26. Старогнатовка;

27. Староласпа;

28. Ханны-Тарама — из Гранитного;

город областного подчинения

29. Жданов;

30. Старый Крым Ильичевского района г. Жданова;

Запорожская область:

31. Новомлиновка (Дордоба)

Куйбышевского района — из Старомлиновки.

Данные о выходцах из Крыма в урумских населенных пунктах не вполне удовлетворительны. Во-первых, остается неизвестным, в каких селах были размещены выходцы из предполагаемых нами урумских сел Бельбек, Куш, Даир, Зуя и Инкерман. Во-вторых, откуда были выселены грузины с армянами (всего 68 человек) в октябре 1778 года и где расселены. В-третьих, какие села пропущены в ведомости А. В. Суворова. В-четвертых, неизвестно число переселенцев, не дошедших до конечного пункта: бежавших из обоза с временного зимовья и погибших в дороге «от повальной болезни»⁸. И, наконец, в-пятых, данные В. Ф. Розанова о поселенцах собраны сто лет спустя, а потому в них могли не найти отражения и другие существенные факты. К примеру, с. Улаклы

⁷ А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоумственных вопросов средневековья в Тавриде. Одесса, 1914, стр. 7—8.

⁸ В. Ф. Розанов (Гавриил). Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию. — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 1, Одесса, 1844, стр. 200.

⁴ «Советская тюркология», № 2.

некоторое время именовалось Джемрек, а выходцы из этого крымского села поселились в румейском Малом Янисоле; следовательно, все они считаются грекоязычными. Из Комара выделилась урумская же Ялта, а выходцы из крымской Ялты, поселившиеся на берегу Азовского моря, полностью грекоязычны. Выходцы из Гранитного основали поселок Кызылташ (ныне в составе Андреевки), а переселенцы из крымского Кызылташа — предки жителей приазовского Урзуфа. В Богатыре очень распространена фамилия Аргин, а выходцы из крымского Аргина-Каракубы — поселенцы Каракубы. Таких косвенных свидетельств о совместном проживании в Крыму урумов и румеев немало. Потому изложенную упрощенную, на наш взгляд, схему расселения урумов в Приазовье вряд ли можно считать безошибочной. Вероятно, данные диалектологии и ономастики в будущем позволят уточнить эту схему, хотя она отчасти и объясняет алогическое смешение кыпчакских и огузских элементов во многих урумских говорах этого края. К настоящему времени прекратили существование некоторые вторичные поселения урумов. Да и сейчас решается вопрос о сносе ряда небольших неперспективных сел. Например, исчезли с лица земли такие урумские хутора, как Улаклы 1, Улаклы 2, Богатырь 2, Ново-Богатырь 1, Мумжу, Хаячик-Тарама, которые значатся на «Карте Мариупольского уезда Екатеринославской губернии», составленной М. Гринером в 1916 году.

Научный интерес к говорам урумов и румеев Северного Приазовья нашел свое отражение уже в деятельности Археологического съезда в Киеве, состоявшегося в августе 1874 года, на котором был затронут вопрос о языке Мариупольских греков. Свообразным ответом на него стала работа В. И. Григоровича «Записка антиквара о его поездке на Калку и Кальмнус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра» (Одесса, 1874). Собранные В. И. Григоровичем сведения и материалы легли в основу статьи О. Блау, опубликовавшего фрагменты рукописей, составленных греческим письмом на турецком языке и обнаруженных В. И. Григоровичем⁹. Интересные материалы по языку и фольклору приазовских урумов содержит статья С. И. Маркова «Заметки о быте греков г. Мариуполя», опубликованная в краеведческом сборнике «Мариуполь и его окрестности» (Мариуполь, 1892, стр. 406—438 и стр. 3—38 дополнения).

В настоящее время язык приазовских урумов изучается экспедиционным путем и силами студентов-заочников Донецкого университета, носителей этого языка. Материалы экспедиции Ленинградского университета, в которой принимали участие Р. Г. Валеев, О. Б. Крестовская, С. Н. Муратов, Ф. А. Салимзянова, И. Ф. Шаврина, работавшая в 1951 году в г. Жданове и селах Старобешево, Старогнатовка, Гранитное, Першотравневое и Старом Крыму, частично опубликованы С. Н. Муратовым¹⁰. В Донецком университете в последние годы защищены дипломные работы по урумским говорам Старогнатовки, Старобешево и Нового Комара. Эти работы представляют собой опыт словаря соответствующего урумского говора. Сбором диалектных материалов заняты также учителя местных школ и отдельные энтузиасты из числа носителей урумских говоров. Бывший горный инженер, ныне пенсионер

⁹ O. Blau. Griechisch-türkische Sprach-Proben aus Mariupoler Handschriften. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 28, Leipzig, 1874, стр. 562—583.

¹⁰ С. Н. Муратов. Материалы по говорам тюркоязычных греков (урумов) Донецкой области УССР. — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 72. Языкознание. М., 1963, стр. 178—191.

Ф. И. Оглух, составил довольно большую словарную картотку урумского языка, которая использована в Институте языковедения Академии наук УССР для обогащения словника диалектного словаря урумских говоров Северного Приазовья.

Большой интерес представляет богатый фольклор урумов, наиболее яркими произведениями которого являются масалы — лиро-эпические дастаны «Ашых-Фариб», «Т'ер-оглу», «Арзунен Фамбер», «Хуршут-бег». Особенно любим и популярен в народе «Ашых-Фариб». Высоки художественные достоинства многочисленных урумских сказок, легенд, притч, в которых прослеживается влияние мифологических произведений Греции, Рима, древнего Востока и пестрого в этническом отношении Крыма. Старопечатные книги XVII—XVIII веков, созданные в типографиях Венеции и Стамбула, которыми пользовались верующие урумы до последнего времени в церковном обиходе, являются не просто библиографической редкостью, некоторые из них не имеют аналогов даже в хранилищах Греции, где собраны самые богатые коллекции таких памятников. Все эти книги напечатаны греческим письмом на турецком языке, вторым официальным языке греко-православной церкви в Турции.

Несколько исследований последнего времени посвящено урумским говорам кавказско-кубанского ареала, носители которых переселились сюда из Турции. Язык этой группы урумов — о нем писали И. А. Корелов¹¹ и Э. Р. Тенишев¹² — принадлежит к огузской группе тюркских языков. В диалектном отношении он отличается заметной однородностью.

Урумские говоры Северного Приазовья не столь однородны, как кубанско-кавказские. Одни из них — живое продолжение половецкого языка, зафиксированного известным письменным памятником конца XIII века «Codex Cumanicus», и армяно-половецкого, на котором составлено огромное количество письменных памятников XVI—XVII веков¹³. Другие — приазовские урумские говоры выходцев с южного берега Крыма и из городов полуострова, в основном огузские, хотя и содержат много кыпчакско-половецких элементов. Третьи занимают промежуточное положение, тяготея либо к кыпчакским, либо к огузским говорам. Одновременное описание грамматических особенностей столь различных говоров представляет известную сложность. Классифицируя урумские говоры, целесообразно, думается, придерживаться следующей последовательности рассмотрения диалектных особенностей: от общего к частному: 1) черты, общие для урумских говоров Северного Приазовья и других тюркских языков крымского ареала; 2) черты, объединяющие урумские говоры Северного Приазовья между собой и с урумскими говорами кавказско-кубанского ареала и отличающие их от других тюркских языков: греческие элементы и различные рефлексy греческого влияния, ногайские элементы; 3) черты, согласно которым урумские говоры этого региона объединяются в четыре основных диалекта: кыпчакско-половецкий, кыпчакско-огузский, огузско-кыпчакский и огузский. Более дробная классификация должна основываться на чертах, различающих отдельные говоры — опорные и вторичные — внутри диалектов.

¹¹ И. А. Корелов. Язык триалетских урумов и его специфические особенности. Автореф. канд. дисс. Баку, 1970.

¹² Э. Р. Тенишев. Говор урумов села Прасковеевки. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 92—96.

¹³ А. Н. Гаркавец. Армяно-кыпчакские письменные памятники XVI—XVII вв. — В сб. «Средневековый Восток». М., 1980, стр. 81—90.

В основе урумского языка лежит язык кыпчаков-куманов-половцев, господствовавших в XI—XIII веках в степях и городах Юго-Восточной Европы от Яника на востоке до Куры на юге и Дуная на западе. По грамматическим особенностям урумский язык, если отвлечься от поздних огузско-турецких и ногайских наслоений, очень близок к другим кыпчакско-половецким языкам крымского ареала — армяно-кыпчакскому, крымско-татарскому, караимскому, крымчакскому и половецкому языкам. От последнего его отличает разве что последовательный переход заднеязычного *к* в *х* и отсутствие аффиксальных губных гласных после негубных гласных основы. В этом урумский тождествен с армяно-кыпчакским, с крымско-татарскими диалектами, с караимским и крымчакским. Ср. урумские *алырмен* 'я беру', *алдым* 'я взял' и половецкие *алурмен*, *алдум* и т. д. Назовем черты, общие для урумского и перечисленных родственных тюркских языков.

В лексике: *тувар* 'скот', *сыгыр*, *сыйыр* 'корова' (арм.-кыпч. *сув сыгыр* 'буйвол'), *хойан* 'заяц', *терек* 'дерево', *ағач* 'древесина, дрова, сухое дерево', *зердали* 'абрикос', *буртук* 'зерно', *урлук* 'семена', *дели* 'глупый', *хол* 'рука', *тап-* 'находить', *сохур* 'слепой' и др.

В фонетике: глухие начальные *к*, *т* при огузских звонких: *кель-*, *т'ель-* 'приходить', *көз* 'глаз', *тур-* 'стоять'; начальный *й* при ногайском *дж*: *йаз* 'лето', *йол* 'дорога', *йан* 'сторона'; начальный *м* при огузском *б*: *мен* 'я', *мин-* 'подниматься, влезать, садиться', *мында*, *мунда* 'здесь' (но *бу* 'этот'); употребление узких губных гласных после губных согласных в непереом слоге дву- и многосложных слов: *ашлавух* 'крапива', *патлавуч* 'стрелялка (из бузины)', *табут* 'гроб', *хабух* 'корка, скорлупа', *хавун* 'дыня', *хамур* 'тесто', *харпуз* 'арбуз', *хапу* 'дверь', *тамур* 'корень, жила', *тавух* 'курица', *чабуш* 'конные скачки', *шапур-* 'сбивать перемешивая, переливая'; *х* на месте заднеязычного *к*: *хара* 'черный', *хум* 'песок'; как и в крымско-татарском, утрата заимствованного *ç*: *саат* 'час, часы', *маале* 'квартал', *аста* 'больной'; палатальная и губная гармония гласных (за некоторыми исключениями в кыпчакско-половецких говорах, имеющими аналогию в крымско-татарском языке, *көрий* 'видит', *өлий* 'умирает' — СБ).

В морфологии: совместно-орудийный падеж с послелогом *билен*, *биле*, *бле*, *иле*, переходящим в аффикс *-бен*, *-нен*, *-лен*, *-ле*; глагольная ния на *-хан*, *-кан*, *-ған*, *-ган*, *-тен*, *-ден*, *-ген*, *-йен*, употребляющееся как в кыпчакско-половецких и кыпчакско-огузских говорах, так и в огузско-кыпчакских и даже огузских говорах, несмотря на наличие в двух последних диалектах огузских форм на *-ан*, *-дик*, *-миш*.

Мы привели лишь самые характерные примеры, объединяющие названные языки. Этого, как нам кажется, вполне достаточно, чтобы говорить об их сходстве. Историческое развитие перечисленных языков в специфических для каждого из них условиях контактирования с другими тюркскими и нетюркскими языками обусловило появление и развитие в каждом из них существенных отличительных черт.

Урумские говоры Северного Приазовья формировались в условиях греко-тюркского двуязычия их носителей, живших в тесном соседстве с греками Крыма, чьи поселения на полуострове возникли задолго до появления тюрков в Тавриде. Многовековое двуязычие урумов отразилось в их языке, по-видимому, довольно рано, во всяком случае задолго до вывода христиан из Крыма. Наиболее очевидно греческое влияние в фонетике. Есть четко прослеживаемое сходство в морфологии, а частично, и в синтаксисе. Мы предполагаем, что конвергентные изменения в фонетике были связаны с превращениями на других уровнях языка, особенно с преобразованиями в морфологии, где также можно было ви-

деть сходство урумских говоров с румейскими — в склонении имен и в некоторых других категориях.

Фонетические особенности урумских говоров, восходящие к греческому влиянию, отличают эти говоры от других тюркских языков крымского происхождения и остальных тюркских языков, одновременно объединяя их с урумскими говорами кавказско-кубанского региона. Однако в самих приазовских урумских говорах привнесенные румейские черты распределяются неравномерно. Обращает на себя внимание их незначительное количество в говорах Старогнатовки и Старобешево. Это обусловлено, вероятно, своеобразным этногенетическим положением Старогнатовки, жители которой происходят от *гюрджи* (*гюрджю*) — тюркоязычных грузин, а для Старобешево — отдаленностью крымского села Бешуй от румейских поселений Крыма, от исторических мест обитания таврических греков.

К привнесенным румейским чертам в урумской фонетике относится исторический переход согласных *к, г* перед гласными переднего ряда в *т', д'* и в отдельных случаях — в *ч, дж*. Указанное историческое изменение согласных — характерная черта румейских говоров Северного Приазовья и греческих говоров Малой Азии, черта, которой исследователи придают классификационный характер¹⁴. В результате указанного фонетического перехода в урумских говорах появились отсутствующие в других тюркских языках мягкие согласные, обладающие фонетическим значением, что может быть наглядно показано путем сопоставления пар слов и формантов, различающихся именно по твердости/мягкости согласных *т/т'* и *д/д'*. Например, в кыпчакских говорах: *тель* 'волос, проволока, струна' и *т'ель* — из *кель* — 'приходить', *тен* 'тело' и *т'ен* из *кен* 'широкий', *етим* 'мое мясо' и *ет'им* из *еким* 'врач, знахарь', *тилим* 'мой язык' и *т'илим* из *килим* 'ковер', *тий* — 'касаться' и *т'ий* — из *кий* — 'одевать', *тар* 'тесный, узкий' и *т'ар* из *к'ар* 'полезный, выгодный, польза', *төр* 'почетное место' и *т'өр* из *көр* 'слепой' (в фольклоре); аффикс местного падежа *-те, -де* и аффикс дательного падежа *-т'е, -д'е* из *-ке, -ге*; аффикс исходного падежа *-тен, -ден* и аффикс глагольного имени *-т'ен, -д'ен* из *-кен, -ген* и т. п. Закономерность перехода *к', г'* в *т', д'* последовательно наблюдается только для сочетаний этих согласных с гласными *е, и*. Регулярное, за редкими исключениями, отсутствие этого перехода перед губными гласными переднего ряда *ө, у* объясняется, вероятно, не столько тем, что эти гласные менее передние, чем *е, и*, сколько тем, что в румейском языке отсутствуют губные гласные переднего ряда. В качестве примеров отсутствия данного перехода перед *ө, у* могут быть приведены слова: *көз, гөз* 'глаз', *куз* 'осень', *көзев* 'долото, стамеска', *көр-, гөр-* 'видеть', *күн, гүн* 'день', *күреш* 'борьба', *күрек* 'лопата (деревянная)' и др. Переход *к', г'* в *ч, дж* зафиксирован в отдельных словах и сопряжен с ассимиляцией *к ч, дж* в смежных слогах: *чечиниш* из *т'ечиниш*, из *кечиниш* 'жизнь, бытие', *пешчеш* из *пешт'еш*, из *пешкеш* 'подарок', *джид'ер*, из *джид'ер*, из *джигер* 'печень'.

Это конвергентное изменение в урумской фонетике оказалось связанным с некоторыми преобразованиями в морфологии. В кыпчакских говорах Великоновоселки, Першотравневого, Старомлиновки, Богатыря, Улаклов данное фонетическое изменение привело к образованию ча-

¹⁴ М. В. Сергиевский. Мариупольские греческие говоры. — «Известия АН СССР. Отделение общественных наук». М., 1934, стр. 585; В. В. Борисенко. Характер палатализации как принцип классификации древнегреческих диалектов. — «Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка» (Ереван, октябрь 1973). Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, стр. 7—9.

стичного сходства падежных окончаний дательного и местного падежей — в склонении слов без аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица единственного числа:

Д. -*ха*, -*фа*, -*ка*, -*га*, -*ке*, -*ге* > -*ха*, -*фа*, -*ка*, -*га*, -*т'е*, -*д'е*;
М. -*та*, -*да*, -*те*, -*де*.

Частичное фонетическое сходство формантов этих падежей оказалось связанным с действием внутривидовой тенденции к употреблению дательного падежа взамен местного для обозначения местопребывания, то есть в основном значении местного падежа. О наличии такой тенденции косвенно свидетельствуют данные крымско-татарского и армяно-кыпчакского языков. Одновременно на урумскую падежную систему оказывал влияние румейский язык, которому свойственно отсутствие падежей и неразличение в плане выражения местопребывания и направления, что отражается даже в русской речи румейцев¹⁵. Влияние в сфере склонения оказалось столь сильным, что и в ряде огузских и огузско-кыпчакских говоров, где фонетического совпадения дательного и местного падежей не было (там аффиксы датива не имеют согласных: -*а*, -*е*), местный падеж вытеснялся дательным благодаря совпадению собственной тенденции с направлением иноязычного влияния. Результат этого хорошо иллюстрируют вопросительные и указательные местоименные наречия: *хайда* 'где? куда?' — СМ, СБ, *анда* 'там, туда' — СМ, СБ, *онда* 'там, туда' — К, Г, *анда* 'где? куда?' — Г, К.

Местный падеж не употребляется в ВН, П, СМ, Б, У. Здесь сохранились лишь наречия, не воспринимаемые как форма местного падежа: *хач саатта?* 'сколько времени?', *бир заманда* 'однажды' (в зачине сказок), *хышта* 'зимой', *уйде* 'дома'. В Г, К, СГ, СЛ местный падеж имеет очень ограниченное употребление, и можно предполагать, что это тоже наречные образования. В СБ, Ж, СК местный падеж употребляется чаще, но также ограниченно. Во всех урумских говорах используется кыпчакская форма на -*ганда*, которую ввиду отсутствия регулярного использования местного падежа можно считать деепричастной (в ВН, П, СМ, Б, У) или приобретающей деепричастную морфологическую сущность (в Г, К, СГ, СЛ). В СБ, Ж, СК эта форма тоже проявляет тенденцию к превращению в деепричастную.

С выпадением формы местного падежа следует связывать и исчезновение форм на -*махта*, -*мекте* во всех говорах, кроме Ж и СК. В крымско-татарском языке это широко используемая форма, имеющая субстантивное и глагольное употребление.

В говорах Старогнатовки, Старобешево, а отчасти и Жданова *к'*, *г'* не переходят в *т'*, *д'* и перед *е*, *и*, а встречающиеся случаи перехода следует, видимо, рассматривать как исключения. В Першотравневом *к'*; *г'* перед *и* переходят в *т'*, *д'*, а перед *е* — в *й*: *тетйен* из *тет'ен* из *теткен* 'ушел', *шййерйе* из *шййерд'е*, из *шййерге* 'в город', *ейе* из *ед'е*, из *еге* 'напильник' и т. д.

Второе существенное конвергентное изменение состоит в появлении стечения согласных, в том числе в начале слова, вследствие редукции и выпадения гласных. Выпадают, редуцируясь, в первую очередь узкие гласные *ы*, *и*, *у*, *у*: *слат-* из *сылат-* 'мочить', *двар* из *дувар* 'стена', *шит-* из *ишит-* 'слушать', *ште* из *иште* 'вот', *шле-* из *ишле-* 'работать', *ншан* из *нышан* 'знак, примета', *стамбух хамуш* 'вид толсто-

¹⁵ Т. Н. Чернышова. Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты, Первомайского района, Донецкой области. Киев, 1958, стр. 20.

го камыша', *сван ал-* 'венчаться' из *стефан ал-*, *траш олу-* из *тыраш олу-* 'бриться', *стра* из *устура* 'бритва' и т. д. Данное изменение в фонетике урумских говоров Северного Приазовья, вызванное внешним влиянием, соответствует и внутрискруктурной тенденции, согласно которой и в урумском, и в других тюркских языках возможно существование беглых гласных, особенно в сочетании с сонорными.

Приазовским урумским говорам, соседствовавшим в Крыму с ногайским языком, свойственны и некоторые ногайские черты, не обладающие, однако, регулярностью. Скорее всего, можно говорить о сохранении лексическими заимствованиями ногайских фонетических особенностей. Говорами засвидетельствованы две такие особенности. Первая, более распространенная, отмечается во всех говорах и охватывает значительное количество слов. Это употребление *дж* вместо *й* в начале целого ряда слов: *джель* 'ветер', *джайу* 'покрывало', *джой-* 'потерять', *джойул-* 'потеряться', *джый-* 'собирать', *джыл(ы)т-* 'подогревать', *джап* 'холм', *джылым* 'незамерзающее место на воде', *джугурук* 'скакун', *джумран* 'суслик', *джахлав* 'снизка (в ярме)' и др. Второй ногайской чертой, отмеченной в отдельных словах в говоре с. Першотравневое, является употребление *ш* вместо *ч* других говоров: *чокуш* — П (из *чокуч* 'молоток'), *блашых* — СБ (из *былачых* 'грязный'). Примечательно, что в слове *чокуш* переход затрагивает не оба звука, что свидетельствует о заимствовании лексемы с данной фонетической чертой, а не фонетической черты, как в случае с переходом *к'* в *т'*, *з'* в *д'* в контакте с румейскими говорами.

Возможно, ногайской чертой является выступление *т* на месте *л* в отыменном глагольном аффиксе в словах *йанта-* 'прилечь, полулечь, прислониться' — СЛ, *бектэ-* 'замкнуть' — У.

Об огузском (турецком) влиянии на урумские говоры можно говорить по крайней мере в трех аспектах. Во-первых, предстоит выделить общие для всех говоров огузские черты, связанные с тем, что «в XI веке языки кыпчакских и огузских племен действительно могли находиться под сильным взаимным влиянием благодаря общности территории, на которой кочевали эти племена на протяжении долгого времени»¹⁶. Во-вторых, выделить огузские черты, связанные различной мерой влияния турецкого языка на кыпчакские, кыпчакско-огузские, огузско-кыпчакские и огузские говоры, а в-третьих — те арабско-персидские черты, которые привносились в урумские говоры через посредство турецкого языка. Особо стоит вопрос об огузских чертах в наддиалектном языке фольклора с его гиперистическим стремлением к последовательному противопоставлению разговорно-бытовому языку говоров.

Огузские черты, связанные с влиянием турецкого языка, особенно многочисленны в говорах переселенцев из югобережных и городских поселений Крыма. Для этих урумских говоров (восходящих к югобережным и городским крымско-татарским говорам) характерно преобладание огузских черт в фонетике и морфологии, при сохранении кыпчакского субстрата.

В результате сопоставительного исследования урумских говоров Северного Приазовья в плане выявления в них кыпчакских и огузских элементов предлагается следующая принципиальная их классификация. В порядке убывания кыпчакских и возрастания огузских элементов выделяются четыре группы опорных говоров: кыпчакско-половецкие говоры с незначительными огузскими элементами: Великоновоселка,

¹⁶ Т. И. Грунин. Документы на половецком языке XVI века. М., 1967, стр. 105.

Старобешеве (Новобешеве), Першотравневое; кыпчакско-огузские говоры с заметным количеством огузских элементов: Старомлиновка (Григорьевка, Новомлиновка, Малый Керменчик), Богатырь, Улаклы; огузско-кыпчакские говоры, где количество огузских элементов довольно значительно: Гранитное, (Андреевка, Каменка, Новомарьинка, Новоселовка I, Новоселовка II, Ханны-Тарама), Староласпа (Белокаменка, Новоласпа), Комар (Днепроэнерго, Запорожье, Зирка, Новый Комар, Ялта), Старогнатовка (Григорьевка, Малогнатовка); огузские говоры с заметным кыпчакским субстратом: Жданов, Старый Крым. В этой принципиальной классификации несколько неопределенную позицию занимают Старогнатовка и Жданов, где параллельно употребляются без заметных стилистических или функциональных различий кыпчакские и огузские формы, такие, как глагольные имена на *-ган* и *-дик*, звуки *н* и *ң* в аффиксах и в корнях слов и др. Отмеченный перебой обусловлен смешением в этих населенных пунктах кыпчакских и огузских говоров Крыма, а также взаимовлиянием ждановского говора и говоров Старого Крыма и Першотравневого, откуда в Жданов на постоянное жительство переезжало и переезжает много урумов.

Характерной огузской чертой, отмеченной во всех говорах, является наличие целого ряда заимствованных из турецкого, а через турецкий и из других языков, лексем с начальными звонкими *д*, *г* на месте кыпчакских *т*, *к*: *давул* 'барабан', *даре* 'бубен', *дели* 'глупый, сумасшедший', *демир* 'железо', *деңиз*, *дениз* 'море', *дерйа* 'речка', *дегиш-* 'меняться', *добра* 'сумка', *докса* 'радуга', *долап* 'шкаф', *домуз/доңуз* 'свинья', *дөрт* 'четыре', *дувар*, *двар* 'стена', *дудах* 'губа', *дут* 'шелковица', *душман* 'враг', *дүльбер* 'красивый', *дүния* 'мир, вселенная', *дос-доғру* 'равный-преровный', *гүзгү* 'зеркало', *гөбек* 'пуп' и др. В огузских и отчасти в огузско-кыпчакских говорах звонкое начало является более или менее регулярной чертой, а глухое засвидетельствовано в отдельных лексемах и относится к кыпчакскому субстрату: *тит-* 'уходить' (но *дель-* 'приходить'), *көтер-* 'поднимать, нести, везти' и т. д.

Одним из способов избежать употребления звонкого начального согласного *д*, *г* является замена огузского взрывного *д*, *д'* проточным *й*: разговорное *йедже* из *д'едже*, из *гедже* 'ночь' — У, Б, СМ, К, Г, *йердан* из *гердан* 'шейка, подбородок' — ВН, Г, К, СГ, *йебер-* из *гебер-* 'подышать' — СБ, Г, К, *йери* из *гери* 'назад' — К, СЛ, поэтическое *йенди* из *гэнди* 'сам' — СМ, К, СК, *йүзель* из *гүзель* 'красивый, хороший' — СМ, *йөңүль* из *гөңүль* 'желание' — СМ. В поэзии замена *г* на *й* считается признаком высокого стиля. Что касается промежуточности *д'*, *т'* при переходе *г* в *й*, то это имеет место не только в начале, но и в середине слова: *ейе* из *ед'е*, из *еге* 'напильник', *тетйен* из *тет'ен*, из *теткен* 'он ушел', *сүйен* из *сүзд'ен*, *сүзсен* 'он процедил' — П. В поэзии встречается и другая тенденция, связанная, вероятно, с преобладанием звонкого начала в поэтической речи говора. В стилистических целях на месте *й* употребляется *д'*: *д'үрек* из *йүрек* 'сердце' — СБ, *д'аттым* из *йаттым* 'я лег', *д'өнүль-* из *йөнүль-*, из *йениль-* 'быть побежденным' — СБ.

Огузские и смешанные огузско-кыпчакские говоры по сравнению с остальными характеризуются начальным *в* на месте кыпчакского *б*: *вер-/бер-* 'дать', *вар-/бар-* 'пойти', *вар/бар* 'имеется', *йалвар-/йалбар-* 'просить, умолять', *шалвар/шалбар* 'штаны', *шорва/шорба* 'суп из пшена', *дервиш/дербиш* 'дервиш', *сельви/сельби* 'тополь; кипарис' и др. В кыпчакско-огузских говорах отмечается непоследовательность: *вер-*, *вар-*, *вар*, *йалвар-*, *шалвар*, но *шорба*, *дербиш*, *сельби*.

Кыпчакско-огузская корреляция конечного и интервокального *f/ø* действует последовательно при разграничении кыпчакских и огузских говоров: *йав-йағ-* 'идти (дождю, снегу)', *сав/сағ* 'здоровый, правый', *авуз/ағыз* 'рот', *авур/ағыр* 'тяжелый', *джован/джоған* 'куплет; ответ', *савут/сағыт* 'сосуд' и т. д. В отдельных кыпчакских говорах отмечены огузские заимствования с конечным и интервокальным *f*: *йағ* 'жир, масло' — П, *ағыз* 'рот' — ВН, *дағ* 'гора' — У, *тоғум* 'обод' — П и др. В свою очередь, в некоторых огузско-кыпчакских говорах сохраняется исконное *v*: *йавун йағай* 'дождь идет' — К.

Достаточно четким является деление кыпчакских и огузских говоров по соответствию конечных и интервокальных *й/f, г*: *сыйыр/сығыр* 'корова', *байла-/бағла-* 'вязать', *тий-/дег-* 'касаться', *бей/бег* 'господин' и т. п.

Менее выдержана корреляция начальных *б/п*. Так, при регулярном кыпчакском *б* (*бек* 'очень, сильно') в кыпчакских говорах встречаются слова с начальным *п*: *пипер* 'перец' — ВН, *пағалы* 'дорогой' — У и наоборот: *көбүк* 'пена' — Г и т. д.

В незначительной степени в урумских говорах, в том числе огузских, закрепилась такая турецкая черта, как начальный *б* при кыпчакском *м*, хотя и в кыпчакских говорах есть определенное количество слов с начальным *б*. В одних словах для всех говоров отмечено *м*: *мен* 'я' (и косвенные формы), *мин-* 'садиться, влезать, подниматься'; в других — только *б*: *бурун* 'нос', *буз* 'лед', *бин, биң* 'тысяча'. Более или менее устойчивую корреляцию составляют слова *гөмелек/гөбелек* 'бабочка', *мында/бунда* 'здесь' — СК, Ж, *мүйүз/бойнуз* 'рог' — Г, СЛ, СГ, СК, Ж.

Огузской чертой принято считать употребление аффиксальных *у, ү* после губных гласных основ при кыпчакских *ы, и*. Употребление негубных отмечено в кыпчакско-половецких говорах: *үчүнджи* 'третий', но *бүйүгү* 'старший, большой'. Что касается употребления негубных *ы, и* на месте *у, ү* в аффиксе настоящего времени в ВН, СБ, а также в Б, то здесь, вероятно, речь должна идти как о сохранении кыпчакской особенности, так и о развитии регрессивной ассимиляции к последующему *й*: *көрий* 'видит' — СБ, *өлий* 'умирает' — СБ, *болий* — СБ, *болий* — ВН 'становится, бывает', *көчий* 'кочует' — Б, но в П — *болуу*.

Всем огузским, а также кыпчакским говорам Б, У свойственна назальная ассимиляция начального аффиксального *л* носовым конечным согласным производящей основы: *адамнар* 'люди', *зендинник* 'богатство', *ншанны, шанны* 'супруга', *анна-* 'понимать', *йаннар* 'стороны', *чобанных* 'занятие чабана' и т. п. В других кыпчакских говорах назализация отмечена в отдельных словах: *стемне* — П, Новомлиновка, *скамне* 'скамейка, стул' — СМ, У.

К огузским чертам кыпчакских говоров относится употребление глагола *ол-* вместо *бол-* — Б, У, отчасти — СМ, форм *сев-* вместо *сүй-* 'любить', *ев* вместо *үй* 'дом' — СМ, Б, У.

В морфологии между указанными группами говоров также существуют последовательные расхождения. Так, имеется четкое противопоставление падежных систем кыпчакско-половецких и огузских говоров: кыпчакским формам родительного падежа на *ның, -нын, -ниң, -нин, -нуң, -нун, -нуң, -нүн*; дательного на *-ха, -ка, -ға, -га, -ке, -ге, -де*; винительного на *-ны, -ни, -ну, -нү* в огузских говорах соответствуют формы на *-ын, -ин, -ун, -үн; -а, -е, -йа, -йе; -ы, -и, -у, -ү, -йы, -йи, -йү, -йү*. В смешанных кыпчакско-огузских и огузско-кыпчакских говорах (при преобладании параллельно употребляемых с другими соответственно кыпчакских либо огузских форм) широко засвидетельствована общая для них форма родительного падежа на *-ан, -ен* — главным образом после гласных.

основы *а, е*: *падышаан* 'падишаха' — Б, У, К, *косаркаан* 'косарки' — СМ, *көпеең* 'собаки' — Г, *бабаан* 'отца' — СЛ, *цеберкаан* 'ведра' — СГ, *пычаан* наряду с *пычағын, пычавын* 'ножа' — Г и т. д. В огузских и огузско-кыпчакских говорах сформировался совместно-орудийный падеж на *-нен, -нан*: *суннан* 'водой', *хызнен* 'с девушкой'. В кыпчакско-огузских говорах Улаклов и Богатыря форма на *-нен* (охловнен 'скалкой', *өгүзлернен* 'волами') функционирует параллельно с формами на *-лен, -ле*: *излен* 'по следу, следом', *сапетилен* 'своей корзиной', *савлыхле бар* 'до свидания, в добрый путь' — У, *хызчыхилен* 'со своей доченькой' — Б. В ВН форма совместного падежа образуется при помощи аффиксоидов *-бен, -лен*: *Яаны йылбен* 'с Новым годом', *барйамбен* 'с праздником', *тайлен* 'с жеребенком'. Здесь, как и в СБ, П и СМ, для передачи данного значения широко используется послелог *билен, блен, биле*.

Кыпчакскому суффиксоиду сравнения *-тай, -дай* в огузских говорах соответствует послелог *тѣбик, дибик*, распространенный и в кыпчакских говорах. Аналогичные соответствия наблюдаются и в других частях речи. В частности, в глаголе это выражается через противопоставление нижеуказанных кыпчакских и огузских форм. Форма невозможности в ВН, СБ, П образуется посредством сложного аффикса *-алма*: *айталмам* 'я не могу сказать', *баралмадым* 'я не смог пойти'. Во всех других говорах — с помощью аналогичного аффикса *-ама*: *чыхамай* 'не может выйти', *отурамай* 'не может усидеть'. В СМ, Б, У кыпчакская форма известна, но используется редко — преимущественно в фольклоре, что свидетельствует о ее субъективной, психологической чуждости. Уже отмечалось, что глагольное имя на *-ган* свойственно всем говорам, в том числе огузским. В последних, как и в смешанных огузско-кыпчакских говорах, это имя функционирует наряду с другими огузскими формами на *-ан, -дик, -миш*. При этом характерно, что в шести кыпчакских говорах, в том числе смешанных, формы на *-ан, -дик, -миш* засвидетельствованы в качестве непродуктивных словообразовательных аффиксов, тогда как кыпчакское глагольное имя на *-ган* во всех огузских говорах является регулярной функциональной формой.

Таким образом, для изучения урумских говоров Северного Приазовья и их классификации предстоит решить следующие вопросы. Во-первых, проблему иноязычного влияния — румейского, турецкого, арабо-персидского, ногайского и, наконец, славянского. Во-вторых, проблему взаимодействия исконных кыпчакских и заимствованных огузских элементов, особенно в грамматике. В-третьих, проблему наддиалектного языка урумского фольклора, гиперисторически противопоставляемого разговорно-бытовому языку. Решение перечисленных вопросов возможно лишь при условии проведения интенсивного изучения урумских говоров Северного Приазовья, активными носителями которых в настоящее время являются лишь люди старшего поколения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Б — Богатырь
ВН — Великоновоселка
Г — Гранитное
Ж — Жданов
К — Комар
П — Першотравнево

СБ — Старобешеве
СГ — Старогнатовка
СТ — Старый Крым
СЛ — Староласпа
СМ — Старомлиновка
У — Улаклы

Ф. ХИСАМИТДИНОВА

О СОЧЕТАНИЯХ *lt*, *mt*, *nt*, *rt* В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Исследование некоторых явлений в тюркских языках, противоречащих закономерностям, присущим современному их состоянию, представляет определенный интерес с точки зрения изучения истории этих языков. Такого рода явления отмечаются в тюркских языках на всех уровнях — в фонетике, морфологии, синтаксисе и т. д.

Одной из аномалий тюркского консонантизма является сочетание сонорных *l*, *m*, *n*, *ŋ*, *r* с глухими смычными *k*, *q*, *t* в разложимых и неразложимых основах.

Подобные сочетания встречаются в отдельных современных диалектах и говорах, а именно: в ряде говоров башкирского языка, в диалектах сибирских татар, в северных диалектах алтайского языка, в сарыпюгурском, саларском, хакасском, шорском, чувашском и якутском языках¹. Эти сочетания характерны и для языка орхонских и древнеуйгурских памятников². В болгарских памятниках встречаются сочетания *lt* и *jt*³.

Итак, в ряде говоров башкирского языка в середине слов — на стыке слов — возможны нижеприведенные сочетания звуков.

lt: *altuŋ* 'чашка' (средний говор); *barkylta* 'крякать' (средний); *kül-täk* 'платье' (средний); *qarultä* 'пока' (средний); *mužylytk* 'капуша' (караидельский); *paltak* 'колечко' (караидельский); *sumylytk* 'занавесь' (караидельский); *aulta* 'в деревне' (средний); *pultu* 'стал' (средний); *ältä* 'не знаю' (средний); *kilte* 'пришел' (средний и караидельский говоры, ялан-катайский подговор аргаяшского говора, говор башкир Свердловской области и т. д.);

mt: *qar-qamtu* 'старик-старухи' (средний, караидельский); *ülem-tek* 'вещи, приготовленные для раздачи во время похорон' (караидельский, айский); *qomtoq* 'песчаное место' (средний); *Išemtän kilte* 'пришел из Ишима' (аргаяшский); *uŋamtaŋ* 'с улицы' (средний, караидельский, говор башкир Свердловской и Курганской областей); *uŋamta* 'на улице' (средний, караидельский, ялан-катайский); *ul ta* 'и он' (средний);

¹ Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963, стр. 64—65; Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 45; Н. А. Баскаков, Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 21; Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, стр. 12; Н. Д. Дьячковский. Звуковой строй якутского языка. Ч. II. Якутск, 1977, стр. 135—136; Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 17; Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 16; М. Р. Федотов. Древнетюркский язык. Чебоксары, 1973, стр. 40.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 6.

³ Ф. С. Хакимзянов. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978, стр. 34, 46.

nt: parlantıyır 'парами' (средний); ögöntö 'сырrob' (средний); kante 'точно' (средний, караидельский, айский); kärentäs 'родственник' (средний, караидельский, аргаяшский); anta 'там' (средний, говор Свердловских башкир); min tüntem inte 'я уже раздумала' (караидельский); qıntı 'переночевал' (говор башкир Свердловской области); töntä 'ночью' (говор башкир Свердловской области) и т. д.;

mı: jomqa 'пятница' (караидельский); jomqos 'упитанный' (средний); jamıyır 'дождь' (средний, караидельский, аргаяшский, говор башкир Свердловской области) и т. д.;

ık: icänkeräü 'отупеть' (караидельский); heıkelıt 'трясти' (средний); säıkelıtäk 'качели' (средний); särsänke 'нетерпеливый' (средний); tüıkäk 'кочка' (средний); pägänke 'картофель' (средний) и т. д.;

ıq: maıqaj 'лоб' (говор башкир Свердловской области); şııqıltaı 'журчат' (средний); saıqa/saıqu 'лыжи' (средний, караидельский, демский); qoıqıgau 'колокол' (караидельский); qııqas 'переночевать' (караидельский); oıqa 'за мукой' (караидельский) и т. д.;

ıq: talqıı 'плавный' (демский); tıga julqa 'прямой дороге' (средний, аргаяшский);

rt: bırte 'дал' (караидельский); atürtäk 'селезень' (караидельский); altıınanartıı jäıtle 'скатертью дорога'; jaııqırtan sıı 'после дождя' (караидельский); parıı 'сходил' (караидельский); jarıı 'раскол' (караидельский) и т. д.

В приведенных примерах встречаются звукосочетания, противоречащие закону гармонии согласных в тюркских языках.

Подобные сочетания звуков характерны для среднего, караидельского говоров, ялан-катайского подговора аргаяшского говора, а также говора башкир Свердловской и Пермской областей.

Наиболее распространены такие сочетания в караидельском и среднем говорах башкирского языка. В ялан-катайском подговоре аргаяшского говора встречаются только сочетания *lt*, *mt* и *nt*. Сочетание *rt* — особенность караидельского говора. Помимо названных говоров, слегка оглушенное *t* в сочетаниях *lt*, *mt*, *nt* зафиксировано в карагай-кыпчакском подговоре кизильского говора и в части бурзянского говора. Для части среднего говора характерно параллельное употребление сочетаний *lt*, *mt*, *nt* и их звонких вариантов *ld*, *md*, *nd*. В основном это свойственно периферии ареала данного говора.

Таким образом, в башкирских говорах (в среднем, караидельском) и ялан-катайском подговоре сочетания *lt*, *mt*, *nt* употребляются регулярно, в остальных же говорах башкирского языка они встречаются спорадически.

В ряде случаев диалекты и говоры восходят к древним племенным языкам, поэтому в них сохранились древнейшие фонетические явления. Очевидно, сочетания сонорных *l*, *m*, *n*, *r* с глухими смычными аффиксами в говорах башкирского языка принадлежат к числу таких явлений.

Для доказательства высказанного предположения обратимся к другим тюркским языкам, ибо только на основании сопоставления особенностей данного языка с соответствующими особенностями родственных языков можно установить их закономерности и историческую судьбу.

В современных тюркских языках обращает на себя внимание типологическое сходство сочетаемости согласных (сонорный + глухой). Употребляются почти одни и те же сочетания согласных, в одних и тех же формах и позициях, то есть в середине слова или в конце.

Рассмотрим сочетания *lt*, *mt*, *nt*, *rt* в современных тюркских языках. Систематическое употребление этих сочетаний зафиксировано в северных диалектах алтайского языка и в диалектах языка сибирских татар.

Н. А. Баскаков отмечает следующие сочетания звуков в диалекте черневых татар (в туба-диалекте алтайского):

lt: *altylar* (< *aldylar*) 'они взяли', *t'yltys* 'звезда', *boltyum* (< *boldum*) 'я стал'; *ol altyrdu* (< *aldyrdu*) 'он требовал'; *kara d'altuu* (< *d'alduu*) *malym bar* 'черногривый скот есть у меня'; *d'uu kerek keldin* (< *keldin*) 'зачем ты пришел';

nt: *antan* (< *andan*) 'затем'; *anta* (< *anda*) 'там'; *onto* 'кряхтеть, стонать'; *tün̄te* (< *tünde*) 'ночью'; *kantuu* (< *kanduu*) 'кровожадный'; *kuvanty* (< *kubandy//kumandy*) 'название племени';

mt: *emti* (< *emdi*) 'теперь';

rt: *ularty* 'их'; *eertedi* (< *eerededi*) 'оседлал'; *aparty* 'он отнес'; *oçortı* (< *oçordi*) 'он посадил'; *körtı* (< *kördı*) 'он увидел'; *party* 'поехал'⁴.

В диалектах сибирских татар также имеются сочетания конечных сонорных *l, m, n, r* с начальными глухими аффиксами *k, q* и *t*⁵.

mk: *kimkä* 'кому'; *mämki* 'водяная блоха'; *Išemkä* 'на Ишим';

mq: *qomqan* 'кувшин для омовения'; *palamqa* 'моему ребенку';

ñq: *añqar* 'понимать'; *tuñqar* 'мерзлый'; *suñqu* 'лыжи'; *añqa qar* 'идти на охоту'; *tañqan* 'чугунный чайник'; *tsuñquq* 'кричать';

lt: *tsiltäk* 'кружево'; *julta* 'хлопотать'; *jeltä* 'веять'; *kulta* 'вытаскивать руками'; *tüšeltirik* 'монеты, нашитые на воротник'; *sagaltyguk* 'подузда'; *alty* 'взял'; *puly* 'было' и т. д.;

mt: *surajur kitkänimti* 'я уже перерос'; *palamty* 'моего ребенка'; *kimte* 'кого?';

nt: *anta* 'там'; *nintäj* 'какой'; *monta* 'здесь'; *asranty* 'ребенок, взятый на воспитание'; *qugunty* 'изгнанник'; *tsugunty* 'крещеный'; *tsabynty* 'скошенный луг'; *jujynty* 'помог'; *ürenti* 'поросль'; *mintän* 'от меня'; *inämätän* 'от матери';

rt: *party* 'ходил'; *pirär jertän* 'откуда-нибудь'; *qurta* 'очищать спеленное дерево от веток'; *tsugurta* 'хныкать, плакать'.

В других восточных тюркских языках, в хакасском и шорском, сочетания *lt, mt, nt, rt* встречаются в основном в неразложимых основах⁶. Сравните:

хакасский язык:

altyn 'золото'; *irte* 'рано'; *irkin* 'порог'; *kilkim* 'крупный'; *čyltys* 'звезда'; *tamqu* 'табак'; *xortux* 'трус'; *saltar* 'результат'; *čurtas* 'жизнь';

шорский язык:

alty 'шесть'; *kültü* 'смех'; *alta* 'шагать'; *taltar* 'коростель'; *örtek* 'утка'; *erte* 'рано'; *qartyga* 'ястреб'; *kortu* 'налим'.

Случаи сочетаний сонорных с глухими смычными в аффиксах единичны. Например:

хакасский язык:

kiltir 'оказывается, пришел'; *partyr* 'оказывается, пошел'; *piritir* 'оказывается, дал'; *somtyr* 'оказывается, купался';

шорский язык:

karaly 'проталина'; *keltir* 'оказывается, пришел'; *körtür* 'оказывается, видел'; *kooltaq* 'подмытый берег'; *kortuk* 'боязливый'. Как отмечают

⁴ Н. А. Баскаков. Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1966, стр. 20.

⁵ Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар, стр. 64—65; Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977, стр. 194.

⁶ Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка, стр. 12; Ф. Г. Исхаков. Хакасский язык. Абакан, 1956, стр. 55; «Грамматика хакасского языка». Под редакцией Н. А. Баскакова. М., 1975, стр. 13; Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка, стр. 21.

исследователи в этих двух языках сонанты перед глухими смычными несколько оглушаются⁷.

В Горно-Алтайской автономной области Алтайского края живут казахи, говор которых диалектолог Ж. Болатов называет кош-агачским и относит к восточной группе говоров казахского языка⁸. Одна из фонетических особенностей данного говора заключается в употреблении *t* вместо *d* и *q* вместо *g* как в начале, так и в середине слова после сонорных⁹. Примеры:

boltygu (< *boldygu* 'устать'; *kaltygu* (< *kaldygu*) 'оставить'; *uj nep-tek* 'невоспитанный ребенок'; *entek* 'чуть-чуть'; *tantyq* 'болтун'; *birtenke* (< *birdene*) 'что-то'; *üstinke* (< *üstingi*) 'верхний'; *qaraqy* (< *qaraqy-gy*) 'темно'; *rigunqy* (< *rigunqy-gy*) 'прежний'; *astynqy* (< *astynqy-gy*) 'нижний'.

Эти примеры указывают на то, что в данном говоре казахского языка также употреблены сочетания *lt*, *nt*, *ŋq*, *ŋk*.

В языке желтых уйгуров в середине слов — на стыке слогов — после сонантов тоже следуют глухие согласные фонемы или их варианты¹⁰. Например:

mq: *lomqa* 'закону';
ŋq: *qanqa* 'хану'; *jaŋanqa* 'на слона';
ŋq: *maŋqantro* 'уехал'; *q'oŋqyraq* 'колокольчик'; *p'ugunqy* 'прежний';
lt: *jylta* 'в году'; *ayultan* 'со двора'; *saltyr* 'уложить'; *kel'tyr* 'принеси';

mt: *tamtyr* 'зажигать';
nt: *q'antan* 'откуда'; *egenta* 'у мужчины'; *tegermenten* 'с мельницы';
jüsynte 'дома';

rq: *körqen* 'увидел'; *tanraqy* 'утренний'; *jünrqy* 'вечерний';
rt: *terten* 'волк'; *parte* 'поехал'; *perte* 'дал'; *erti* 'рано'.

В языке желтых уйгуров глухие смычные могут находиться и между гласными¹¹. Например: *arata* 'в промежутке'; *sutan* 'из воды'; *jüte* 'дома'; *semite* 'в кумирне' и т. д. В саларском языке, как и в языке желтых уйгуров, встречаются те же сочетания согласных *lt*, *mt*, *nt*, *rt*¹². Например: *jolta* 'в дороте'; *bir jerte* 'где-то'; *anten* 'затем'; *anta* 'там'; *közeŋne jumtu-yu* 'закрой глаза'; *kelti* 'пришел'; *raŋqynta* 'в лоне'; *muntta* 'здесь' и т. д.

Насколько известно, и в чувашском языке после основ на *-l*, *-r*, *-n*, *-m* в местном и исходном падежах, в сравнительной степени и в прошедшем категорическом времени встречается *t* (*d*)¹³. Например: *tulta* 'на дворе'; *pirte* 'у нас'; *ivelente* 'у его сына'; *untan* 'от него'; *xuntan* 'от тебя самого'; *saltan* 'изнутри'; *kuntan* 'отсюда'; *lartäm* 'сел'; *kiltäm* 'я пришел'; *jувärtагах* 'труднее' и т. д.

В якутском языке сочетания сонорных с глухими смычными согласными представлены в большом количестве. Они встречаются и внутри основы, и на стыке морфем. Особенно характерны следующие сочетания:

lk: *balkui* 'болтать глупости'; *talku* 'мялка для кожи'; *tölkö* 'судьба, рок';

⁷ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка, стр. 21; *еже*. Грамматика хакасского языка, стр. 12.

⁸ Ж. Болатов. Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1970, стр. 41.

⁹ Ж. Болатов. Указ. раб., стр. 42.

¹⁰ Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, стр. 42.

¹¹ Там же, стр. 41.

¹² Э. Р. Тенишев. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 44.

¹³ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1971, стр. 32.

lt: *syłtax* 'повод, причина', *suoltan* 'от дороги', *uoltan* 'от мальчика';

mt: *amtan* 'вкус', *tumtyk* 'лучинка', *куумтан* 'от искры';

nt: *antax* 'там', *köntös* 'повод, поводья', *aantan* 'от двери', *künten* 'от солнца', *uontan* 'от десяти';

рк: *laŋkug* 'крупный, отборный', *muŋkuk* 'робкий', *laŋkupaа* 'издавать громкий певучий звон';

рк: *уrkuı* 'густые заросли молодняка', *ültürkeı* 'раздробленный, размельченный';

rt: *aartyk* 'горный перевал', *byrtax* 'нечистый, поганый', *byartan* 'от печени', *sırten* 'от земли'¹⁴.

Таким образом, сочетания сонорных с глухими смычными согласными на стыке слогов в середине слова, представленные в карадельском и среднем говорах башкирского языка, имеют параллели в большой части тюркских языков и диалектов, при этом знаменательно, что данное явление охватывает тюркские языки, входящие в разные группы и ветви, в том числе и значительно обособившиеся якутский и чувашский языки.

Территориально можно выделить три главных географических области распространения сочетаний *lt, mt, nt, rt* — Алтайско-Сибирский, Урало-Поволжский и Центральноазиатский ареалы.

Для выяснения причины появления этих сочетаний, с одной стороны, следует учитывать данные об их распространении, с другой — конкретно изучить эти сочетания в историческом аспекте в каждом ареале каждого языка.

Причину возникновения этих сочетаний в саларском, сарыг-югурском языках, а также в памятниках рунического письма Э. Р. Тенишев видит в системе смычных, которые противопоставляются по признаку «слабый глухой — сильный глухой» с придыханием и «представляют собой инновацию, развившуюся в результате тюрко-китайского (тибетского) двуязычия»¹⁵.

Для центральноазиатского ареала данное предположение не вызывает сомнений. Точно так же можно предположить, что сочетания *lt, mt, nt, rt* в чувашском языке возникли под влиянием нетюркского субстрата, по всей вероятности, финского или марийского¹⁶.

Иноязычным влиянием можно было бы объяснить употребление указанных сочетаний в алтайском, хакасском и шорском языках, ассимилировавших множество самодийских диалектов, для которых также характерны данные консонантные сочетания¹⁷.

Однако наличие подобных сочетаний в отдельных говорах башкирского языка, носители которых вследствие своей длительной изоляции сохранили наиболее архаические черты тюркских языков, свидетельствует не в пользу субстратного происхождения этих сочетаний. Видимо, подобные сочетания имеют исконно тюркское происхождение и являются отражением древнейших фонетических особенностей тюркских языков.

Примечательно, что употребление сочетаний *lt, mt, nt, rt* на стыке морфем тесно связано с глухим началом слова. Наблюдения показыва-

¹⁴ Н. Д. Дьячковский. Звуковой строй якутского языка. Ч. II. Якутск, 1977, стр. 133, 135—137.

¹⁵ Э. Р. Тенишев. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников, стр. 44.

¹⁶ Б. А. Серебренников. О двух возможных причинах соноризации интервокальных глухих согласных в чувашском языке. — В кн.: «Проблемы сравнительной филологии». М.—Л., 1964, стр. 232.

¹⁷ Я. Н. Попова. Соответствия согласных звуков лесного и тундрового наречий немецкого языка. — В кн.: «Исследования по языкам Сибири». Новосибирск, 1977, стр. 74—85.

Башкирский литературный язык	Русский перевод	Караидельский говор башкирского языка	Средний говор башкирского языка	Диалект сибирских татар	Туба-диалект алтайского языка	Хакасский и шорский языки	Кош-агачский говор	Сарыг-югурский язык	Саларский язык	Чувашский язык	Якутский язык
1. balǝ	'ребенок'	paɫ	pala	pala	pala	pa'la	paɫ	pa'la	pala	—	—
2. bar	'есть'	paɾ	paɾ	paɾ	paɾ	paɾ	paɾ	p'aɾ	paɾ/var	por/pur	byo'
3. baʒ	'голова'	paʒ	paʒ	paʒ	paʒ	paʒ	paʒ	p'aʒ	paʒ	pus	bas
4. ber	'один'	peɾ	peɾ	piɾ	piɾ	piɾ	piɾ	peɾ	piɾ	peɾ	biir
5. buɫ	'быть'	puɫ	puɫ	poɫ	poɫ	poɫ	poɫ	p'oɫ	po'	pol/pul	buo'
6. bysak	'нож'	puʒak	pusak	pytsak	puʒak	puʒak	puʒak	p'uzaq	piʒix	—	byhak
7. dũrt	'четыре'	tõrt	tũrt	tõrt	tõrt	tõri	tõrt	t'õrt	t'õrt	toat/tävata	tũort
8. tугуδ	'девять'	tugyz	tugyδ	tugyz	togyz	togyz	togyz	t'oqyz	toqyz	taxar	toguz
9. tau	'гора'	tau	tau	tau	tag	tag	tau	t'ay	tay	tu	—
10. dala	'поле, равнина'	tala	tala	tala	tala	tala	tala	t'ala	t'alə	—	—

ют, что ареальные границы этих сочетаний почти полностью совпадают с ареалом бытования начального глухого шумного согласного. Ср. данные по таблице (см. стр. 64).

Число подобных примеров можно умножить, но и приведенных, видимо, достаточно, чтобы получить определенное представление о том, что характерное для некоторых говоров башкирского языка глухое начало слов находит параллели именно в тех тюркских языках, в которых имеются сочетания *lt, mt, nt, rt*.

Таким образом, ряд тюркских языков объединяет некая система смычных согласных, в которой даже в позиции максимальной фонологической дифференциации (в начале слова), а также на стыке морфем употребляются глухие смычные.

Глухое начало слова, по мнению А. М. Щербака, унаследовано от праязыковой системы¹⁸. Исходя из того, что глухое начало слова и употребление указанных сочетаний образуют систему, можно предположить исконность сочетаний сонорных с глухими смычными в тюркских языках. В пользу гипотезы об исконности этих сочетаний в тюркских языках свидетельствуют следующие факты:

- 1) присутствие этих сочетаний во многих, отдаленных друг от друга, тюркских языках;
- 2) наличие их в древнетюркских, древнеуйгурских и спорадически в древнебулгарских памятниках;
- 3) образование некой системы признаков, объединяющих ряд тюркских языков.

¹⁸ А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков. М.—Л., 1970, стр. 21.

А. Г. ГУЛИЕВ

СТРУКТУРНО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРВООБРАЗНЫХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ ОГУЗСКОЙ ГРУППЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)

К актуальным проблемам тюркологии относится сравнительно-историческое изучение происхождения формирования и основных тенденций морфологического развития и обогащения наречий как самостоятельной грамматической категории¹.

Именно такое изучение позволит реконструировать корневые морфемы наречий и выявить некоторые архаичные аффиксы (например, аффикс *-di* в слове *indi* 'сейчас, теперь'), представляющие большой интерес в диахроническом плане.

В предисловии к книге Г. И. Рамстедта «Введение в алтайское языкознание» Н. А. Баскаков отмечает, что «глубокий анализ мертвой аффиксации мог бы лучше осветить наиболее неясные вопросы генезиса изучаемых языков»² (алтайских. — А. Г.).

В историческом аспекте изучена некоторая часть первообразных темпоральных наречий азербайджанского языка³, в синхронном плане описаны первообразные темпоральные наречия турецкого, туркменского и гагаузского языков⁴, однако до сего времени объектом систематического сравнительно-исторического анализа этот разряд наречий не стал.

Данная статья посвящена структурно-этимологическому анализу части первообразных темпоральных наречий — синхронически неразложимых, неизменяемых лексических единиц, в которых процесс адвербиализации давно завершён.

Термин «первообразные темпоральные наречия» (ПТН) носит условный характер, поскольку эти наречия иногда принимают грамматические признаки частей речи, от которых они находятся в изоляции:

*Türkiye komünist partisi,
Sen dünümüz, bugünümüz, yarınımızsın*
(N. Hikmet)

‘Коммунистическая партия Турции.
Ты — наше вчера, сегодня и завтра’.

¹ Ср.: Е. И. Янович. Наречия в истории русского языка. Минск, 1978, стр. 6.

² Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание (морфология). М., 1957, стр. 17.

³ А. Дж. Шүкүров. Первообразные наречия в азербайджанском языке. — В кн.: «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 138—139, 143.

⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 264; «Грамматика туркменского языка». Ч. I. Ашхабад, 1970, стр. 392; Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 259.

Первообразные темпоральные наречия *dün, bügün, уагн*, принимая парадигму существительного, все же сохраняют временную семантику, так как наречия «сохраняют остаточный грамматический „фон” исходной части речи»⁵.

Структурно-этимологический анализ темпоральных наречий *indî, dūnān, ertā* и других позволяет реконструировать их происхождение.

Наречия данного типа образовались от разных слов и грамматических форм следующими способами: морфологическим (например: *indî* 'сейчас, теперь' < *am* 'сейчас, теперь' + *-di* — аффикс наречеобразующий), синтаксическим (например: *inişil* < 'в позапрошлом году' < *ön* 'передний' + *üç* 'три' + *jil* 'год') и морфолого-синтаксическим (например: *sgaуаgün* 'позавчера' < *as* 'низ' + *-ra* — аффикс древнего направительного падежа + *ya* — словообразующий аффикс прилагательного + *gün* 'день').

Темпоральные наречия, образованные морфологическим способом. В современных тюркских языках ПТН — *ertā, erkān, indî, sonra* и другие возникли в процессе длительного семантического развития путем прибавления к существительным *er, am, son* различных грамматических элементов (*-tä, -iken, -di, -ra*).

Семантическое развитие в них характеризовалось удалением от первоначального значения и приобретением ими нового значения.

Перейдем к конкретным примерам.

Наречие *ertā* (ср.: тур., туркм. и гаг.: *erte*) употребляется в большинстве современных тюркских языков. Оно в основном сохранило свои древние значения («рано», «утром» — ДТС, 182). В азербайджанском языке это наречие употребляется в значении «рано» (*tezden*), «раньше» (*gabag*), а в турецком, туркменском и гагаузском — в значении «завтра», «следующий (день)»: азерб. *Səhər işə hamıdan ertə kəldi* (журн. «Азэрбајчан», 1979, № 1, стр. 12) 'Утром пришел на работу раньше всех'; *Əhməd lap ertədən kəlmışdi* (там же, 1979, № 8, стр. 71) 'Ахмед прибыл рано утром'; туркм.: *Шу гүн эрте бир ерден чыкмалыдыр* (Б. Сейтэков) 'Сегодня или завтра появится где-нибудь'.

Широко распространенное в современном туркменском языке значение «завтра» встречается и в произведениях Махтумкули (XVIII в.):

*Магтымгулы, дүниэ сырын аймаз сен,
Бу гүн гөрөнгимизи эртэ гоймаз сен⁶.*

'Махтумкули, тайн мира не постигнешь,
Сегодня увиденное на завтра не оставишь'.

Значение «следующий (день)» наречия *ertā* в сравниваемых языках выражает наречие *ertäsi gün* 'следующий день'. В гагаузском языке такого типа слова могут иметь формальный признак наречия: *Ертэси йылын генә гелди сыра опуска алмаа* (Н. Бабоглу) 'Подошел черед взять отпуск в следующем году'.

В современном туркменском языке вместо сочетания *ertäsi gün* употребляется либо *erteki gün*, либо *ertesî* 'следующий день': *Эртеки гүн замана башга тарапына чөврүләйсе...* (И. Дурдыев) 'Если следующий день все обернется...'

Данная форма встречается и в письменных памятниках турецкого языка: *irteki gün bir mesaf dahi kilalım* (XIV в., ТТС, III, 1518) 'На следующий день молюсь'.

⁵ Е. П. Калечиц. Переходные явления в области частей речи. Свердловск, 1977, стр. 15.

⁶ М. Хыдыров. Туркмен дилинин тарыхындан материаллар. Ашгабат, 1962, стр. 312.

Вместо *ertasi gün* в азербайджанском языке иногда употребляется заимствованное слово *sabah* 'завтра', *sähär* в значении «следующий (день)», в турецком же, гагаузском и туркменском языках употребляются наречия тюркского происхождения *yağın/jaagyn/ertir*: азерб.: *Sabahысы чамаата чатдырылды. Сәһәрисси күн вердиләр* (Анар) 'На следующий день обнародовали', 'Отдали на следующий день'; тур.: *Yarım işin doğrusunu ogrenersin* (А. Nesin) 'Завтра узнаешь истину'; гаг.: *Насыл йарын сабаа бу одахдан чыкажез?*.. (А. Бабоглу) 'Как мы выйдем из этой комнаты завтра утром?'; туркм.: *Әртир наме этмели?... Биригүн?...* (Б. Сейтэков) 'Что сделаем завтра?... После-завтра?..'

Примечательно, что в «Книге моего деда Коркута» вместо *ertäsi gün* представлено *yağınki gün*: *Yağınki gün zaman dönür ben ölür...* (КДК, I, 156) 'Если на следующий день все случится и я умру...'

Сравнительно-исторический анализ наречия *ertä* показывает, что оно производно: *erta* < ег (корень слова) + *-tä* — аффикс местного падежа.

По поводу этимологии данного наречия в тюркологии высказывались различные точки зрения.

Известно, что в турецком и туркменском языках слова *er/ir* употребляются в значении «рано», а в чувашском — в значении «рано утром».

Многие тюркологи придерживаются мнения, что наречие *ertä* образовано от существительного *er/ig* с помощью аффикса местного падежа *-tä*.

«Следовало бы, возможно, состав значений в *ерте ~ ирте*, — пишет Э. В. Севортян, — объяснять как результат контаминации **ерте* (< *ерт-* + *-е*) 'прежде', 'раньше', с одной стороны, и *ер ~ ир* 'рано', *ерте* 'происходить рано', — с другой» (ЭСТЯ, 303).

На наш взгляд, гипотеза об образовании наречия *ertä* от глагола *ert-* 'происходить' не подтверждается материалом огузской группы тюркских языков.

Правда, в кыпчакской группе тюркских языков встречаются значения наречия *ertä* 'в старину', 'в древности' (ср.: *ert-* 'происходить' + *-ä* аффикс именного словообразования от глаголов). В огузской группе эти значения не встречаются ни в письменных памятниках, ни в современных литературных языках.

Наречие *ertä* восходит к древнетюркскому слову *er/ig*, о чем свидетельствуют формы *erde//erden*, употребляемые в письменных турецких памятниках: *Saba vakti turdu erden* (XV в., TTS, III, 1490) 'В утреннее время встали раненько'.

Известный тюрколог Дж. Клосон считает формант *-n* в наречии *erden//erten* отдельным аффиксом (Clauson, 202).

Э. В. Севортян верно определяет аффикс *-n* как форму орудийного падежа в наречном значении (ЭСТЯ, 305).

Ареал наречия *ertä* очень широк, оно употребляется в тюркских, монгольских и маньчжуро-тунгусских языках (ТМС, II, 463). Этот факт показывает, что корень данного слова *er//ig* очень древний. Вероятно, слово *er//ig* — реликт алтайской эпохи.

Образованное от слова *er//ig* наречие *yağın* 'завтра' в староазербайджанском, турецком, гагаузском языках и слово *ertir* 'завтра' в туркменском представляют большой интерес по своей структуре.

По-видимому, мысль А. Н. Кононова относительно наречия *yağın*

($\langle ir + -in$ — аффикс инструментального падежа)⁷ и Э. В. Севортыана о наречии *эртир* близка к истине (*эртир* \langle *эрте* + *ир*; ЭСТЯ, 371).

Наречие *egkân* (ср.: тур.: *erken*; гаг.: *erken*) в значении «рано», «рано утром» в современном азербайджанском, турецком и гагаузском языках употребляется с одинаковым фонетическим составом: азерб.: *Күлтәкин чан, белә еркән јатмаг олармы?* (Ч. Чаббарлы) «Милая Гюльтекин, разве можно так рано спать?»;

*Һәр сәһәр јухудан еркән ојанан,
Иш башына гошан нә бәхтијардыр* (М. Мүшфиг).

‘Каждое утро рано пробуждающийся ото сна,
Успевающий, на рабочее место, как счастлив’;

гаг.: *Дадү калкәр еркен* («Буджактан сёсләр литература йазылары») «Отец встает рано утром»; тур.: *...Dün erkendi, yarın gec...* (N. Hikmet) «Вчера было рано, а завтра поздно».

В туркменском языке семантика наречия *egkân* выражается с помощью *ig//ig bilen* ‘рано’, ‘рано утром’: *Бу гүн укудан ир ояндылар* (И. Дурдыев) ‘Сегодня проснулись рано утром’.

В современном азербайджанском языке в результате эллипсиса наречие *egkân* может выступать и в атрибутивной позиции (ср.: *еркән маарифчилик* — *еркән башланмыш маарифчилик* ‘раннее просветительство — рано начавшееся просветительство’ и др.).

Наречие *egkân* отмечено уже в словаре Махмуда Кашгари: *Ögür sürgü koy tewi yundi bile yuturlayu erkenin sütin sağar* (МК, I, 389) ‘Если у кого-нибудь имелись стада овец, верблюдов и лошадей, то они, собрав их рано утром, доили’.

Интересно, что Махмуд Кашгари наречие *egkân* приводит с показателем древнего инструментального падежа, как правило, употреблявшегося в наречном значении. Это наречие один раз встречается и в «Книге моего деда Коркута»: *irken bindiler av yirine vardılar* (КДК, I, 234) ‘Рано утром сели на (лошадей) и уехали в охотничьи угодья’. Факты свидетельствуют о том, что наречие *egkân* употреблялось еще до XI века.

Можно согласиться с гипотезой А. Н. Кононова относительно этимологии наречия *egkân* ($\langle eg + -iken// -ken$)⁸, подтверждающейся существованием формы *ig iken* в средневековом памятнике турецкой письменности: *...ir iken halvetta sizi dileyet* (XV в., TTS, III, 2090) ‘тайно желаю вас рано утром’.

Наречие *indî* (ср.: тур.: *şimdi*; туркм.: *indi/şindi*; гаг.: *şindi*), как одно из древних наречий, широко распространено в современных тюркских языках.

Употреблявшееся в форме *amtî//emdi//emti* ‘теперь, сейчас’ в древних письменных тюркских памятниках (ДТС, 42), наречие *indî* в семантическом отношении никаких изменений с тех пор не претерпело.

Это наречие, сохранившее свое первоначальное значение («сейчас, теперь»), выступает в двух фонетических вариантах: гаг.: *Шинди олур калкасын да гидасин* (Н. Бабоглу) ‘Лучше бы сейчас вы встали и ушли бы’; туркм.: *Инди я алмалы, я да өлмели* (Б. Сейтэков) ‘Теперь или забрать, или умереть’; тур.: *Şimdi ne söylüyorsam* (N. Hikmet) ‘Теперь я что говорю’. В форме *şimdi* наречие *indî* встречается в письменных памятниках азербайджанского языка, в форме *indi//imdi* — в памятниках

⁷ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 284.

⁸ Там же.

турецкого языка: ...*Kancaru gidem ben indi?* (XIV в., TTS, II, 2082) 'Куда идти мне теперь?'

Таким образом, обе формы данного наречия в исследуемых тюркских языках продолжают широко употребляться. Сравнительно-исторический анализ наречий *indi* и *şimdi* показывает, что первое из них образовано морфологическим, а второе — морфолого-синтаксическим способом.

Основываясь на происхождении наречия *indi* от известного в древнетюркских памятниках слова *amtī* (ср.: *amtī öltim* 'теперь я умер' ДТС, 42), тюркологи пришли к выводу, что данное наречие образовано с помощью слова *am* и аффикса *-ti*.

Эту гипотезу подтверждают формы, употребляемые вместо *indi* в тувинском (*am*), хакасском (*em*), якутском (*apy*), киргизском (*emi*) языках. В словаре В. В. Радлова наречие *indi* отмечено в форме *am* (Радлов, I, 643).

Относительно аффикса *-di//ti* в составе наречия *indi* существуют различные точки зрения.

Аффикс *-di//ti*, употребляемый в древнетюркских памятниках, Г. И. Рамстедт считает падежным, Э. В. Севортян — наречеобразующим, А. Дж. Шукюров — аффиксом местного падежа⁹.

На наш взгляд, аффикс *-di//ti* следует считать формальным признаком наречия. В языке орхон-енисейских памятников данный аффикс образует наречия от прилагательных (ср.: *бу сабымын äдгүти äсид, катыкды тыңда* 'эту речь мою хорошенько слушайте и крепко внимайте'; Малов, 27). С другой стороны, этот аффикс, сохранившийся в современном тофаларском (*-ty⁴*) и якутском (*-tyk⁴*) языке, выражает свою первоначальную семантику, известную из древнетюркских письменных памятников¹⁰.

Изложенное вновь подтверждает, что данный аффикс является древним наречеобразующим аффиксом. Наречие *indi* морфологически развивалось как: *amty > am + -ty > em + -di > imdi > indi*.

В отличие от *indi* наречие *şimdi* образовано морфолого-синтаксическим путем. Совершенно справедливо А. Н. Кононов и Э. В. Севортян указывают на возникновение данного слова путем слияния наречия *indi* с указательным местоимением *oş//şu + imdi // indi > şimdi//şindi*¹¹.

В тюркологии эта точка зрения разделяется многими¹².

Темпоральные наречия, образованные синтаксическим способом. В тюркских языках огузской группы в функции обстоятельства времени выступают наречные словосочетания, которые в результате длительного семантического развития утратили собственное ударение и, лексико-семантически слившись, образовали новую словесную единицу. Остановимся на некоторых из них.

⁹ Г. И. Рамстедт. Указ. раб., стр. 50; Э. В. Севортян. Из истории прилагательных в тюркских языках. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 67; Э. Шукюров. Азербайжан дилинде заман зэрфлэри (XI—XVI эсрлэр). — «Азербайжан ССР ЕА Хəбəрлэри. Ичтимай елмлэр серијасы», 1964, № 6, стр. 53.

¹⁰ В. И. Рассадин. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978, стр. 249; Л. Харитонов. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943, стр. 25.

¹¹ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 283; Э. В. Севортян. Из истории прилагательных..., стр. 67.

¹² А. Дж. Шукюров. Первообразные наречия..., стр. 143; З. Б. Мухамедова. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV веков. Ашхабад, 1973, стр. 95.

Dünān (ср.: тур. dün; туркм. дүйн; гаг.: дүн) 'вчера' в сравниваемых языках употребляется с единой семантикой. Гаг.: *Дүйн сенин илк лафыны ишиттим* («Буджактан сёслар литература йазылары») 'Вчера я услышал твою первую беседу'; туркм.: *Мен дүйн... комок учун хана йуз атлы ибердим* (Б. Сейтэков) 'Вчера для оказания помощи я послал хану сто кавалеристов'.

Широко распространенное в турецком, туркменском, гагаузском и староазербайджанском языках наречие dün//tün образовалось от извещного в древнетюркских письменных памятниках слова түп (ДТС, 597) со значением «ночь», но при этом приобрело новое лексическое значение.

Достаточно доказательным является факт употребления слова dün в «Книге моего деда Коркута». Оно встречается здесь тридцать один раз: в одном случае в значении «вчера», а во всех остальных в значении «ночь» (КДК, II, 99).

То же самое наблюдается и в азербайджанских письменных памятниках средневековья. Так, слово dün употреблено у Насими (XIV в.) в значении «ночь», у Хатаи (XV в.) — «ночь» и «вчера», в «Асрарнаме» (XV в.) — «вчера», у Физули (XVI в.) — «ночь», у Вагифа (XVIII в.) «вчера»¹³.

Таким образом, можно заключить, что наречие dün «вчера» семантически изолировалось от значения «ночь» имени существительного dün//tün.

Что же касается наречия dünān 'вчера', то следует отметить, что оно употребляется как в современном азербайджанском языке, так и в диалектах турецкого и туркменского языков (ср.: тур.: dünēn, туркм.: дүйнән).

В «Грамматике тувинского языка» по поводу этимологии данного наречия отмечается: «Азерб. дунән (по-видимому, дунән < дүнә күн)»¹⁴. Это мнение разделяет А. Шукюров¹⁵.

Ф. Исхаков и А. Пальмбах в целом правильно, но недостаточно полно осветили суть проблемы, и вопрос нуждается в дальнейшем всестороннем изучении.

Сравнительно-исторический анализ наречия dünān показывает, что оно возникло от наречного словосочетания дүне гүн.

Формы дүне гүн//түне гүн, рассматриваемые как основной источник возникновения наречия dünān, встречаются во многих письменных тюркских памятниках, в том числе в «Мугаддимат ал-адаб» Замахшари (XII в.)¹⁶, «Кодексе Куманикусе»¹⁷ и в письменных турецких источниках (например: ... *düne gün konukluk etti* XIV в., TTS, II, 1317 'вчера он устроил угощение').

Данное наречие отмечено в «Гамуси-тюрк» Ш. Сами в форме түна гүн (توناکون) и употреблено в значении «раньше ночи», то есть «вчерашний день»¹⁸.

¹³ Ч. Гәйрәманов. Әсрарнамә (әлжәзмәсынын фотофаксимели, сөzlүк вә изаһаты). Бақы, 1964, стр. 71; его же. Нәсими «Диваны»нын лексикасы. Бақы, 1970, стр. 257; М. Чәвадова. Хәтәинин лексикасы. Бақы, 1977, стр. 67 и др.

¹⁴ Ф. Исхаков, А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка (фонетика и морфология). М., 1961, стр. 419.

¹⁵ См.: А. Дж. Шукюров. Наречие в азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Бақы, 1966, стр. 17.

¹⁶ З. Б. Мухамедова. Указ. раб., стр. 90.

¹⁷ Э. Курышжанов. Көне кыпшак тилиндегі ай, күн аттары. — В сб.: «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969, стр. 70.

¹⁸ Т. I, стр. 633. ۱۳۱۷. ش. سامی. قاموسی ترک. در سعادت.

Весьма любопытен тот факт, что наречие *tüne gün* в современных ногайском, караимском и кумыкском языках употребляется без всяких семантических и фонетических изменений. Ср. ног.: *tunegun* 'вчера'; кар.: *düngün//tünegün* 'вчера'; кум.: *tünegün* 'вчера'.

Все это позволяет предположить, что слово *dünän* образовано путем синтактико-семантического слияния трех нижеуказанных компонентов.

Первый компонент связан с *tün* «ночь», что касается второго компонента, то его установление связано с некоторыми трудностями. Кроме «Грамматики тувинского языка», никакие другие источники не содержат информации о нем.

На наш взгляд, аффикс *-e* способствовал образованию в данном слове временного нюанса. Эту мысль подтверждают и следующие сравнения: в тув.: *dün* 'ночь' — *düne* 'ночью'; сарыг-югурск.: *tün* 'ночь' — *tüne* 'ночью' и т. д. Происхождение самого аффикса пока установить не удастся.

Относительно третьего компонента отметим следующее. Чередование $g < j$ в слове *gün* явилось первым этапом слияния с частью *düne*, а впоследствии в результате гаплогонии образовалось слово *dünän*: $tün + -e + gün > tüne + gün // düne + gün > tüne(ji)n // düne(ji)n > dünen > dünän$ ¹⁹.

Данную этимологию подтверждают широко распространенные в диалектах современного турецкого языка факты: *dünegün//dünegün//düneyin//dünän* 'вчера' (ДС, IV, 1630), (ср. в говорах азерб. языка: *isgağa gün//isrejün//isrän* 'позавчера' и др.).

Синтактико-семантическим путем образованы широко используемые наречия: *bu gün* 'сегодня', *bu il* 'в этом году', *birisi gün* 'послезавтра' и др.

Темпоральные наречия, образованные морфолого-синтаксическим способом. Большая часть ПТН в тюркских языках возникла морфолого-синтаксическим путем: *sğağa gün* 'позавчера', *bildir* 'в прошлом году', *güpaşuğu* 'через день' и др.

Sğağa gün (ср.: тур.: *öteği//evvelki gün*; туркм.: *eñin*; гаг. *ötöögün* 'позавчера')

В сравниваемых языках семантика наречия *sğağa gün* ('позавчера') выражается разными лексическими единицами. Однако морфологический анализ названных наречий показывает, что они образованы одним способом.

В современных тюркских языках, за исключением азербайджанского, слово *sğağa gün* не употребляется. В азербайджанском языке: *О мэт-бэхэ кечиб сраға күн бишмиш долмань одун үстүнэ гојду* (Анар) 'Он прошел в кухню и положил на огонь приготовленные позавчера голубцы'

Этимология этого наречия до сих пор остается нераскрытой. Наречие *sğağa gün* образовано от слов *sğağa* и *gün* морфолого-синтаксическим способом. Диахронический анализ первого компонента свидетельствует о его производности. Возможно, слово *sğağa* образовано от известного в древнетюркских памятниках слова 'внизу' (ДТС, 61); Clauson, 250).

Слово *asğa* в ряде письменных тюркских источников средневековья употреблено именно в этом значении.

¹⁹ По свидетельству А. Дж. Шукюрова, Г. Вамбери считает формант *än* в слове *dünän* словообразующим аффиксом (см.: А. Дж. Шукюров. Указ. автореф., стр. 17).

Происхождение слова *asga* исследователи связывают со словом *as(t)* 'низ' и древним аффиксом направительного падежа, что, думается, близко к истине (Наджиб, 196).

Данную мысль подтверждает, употребляемое в туркменском языке как самостоятельное, и служебное слово *ast*: *Асты арап атлы бег огланлары* (дастан «Нежеп оглан») 'Восседавшие на арабских конях бекские сыновья'; *Яхшылыгын астында галан адам дэлдир* 'Это человек, помнивший добро' (Б. Сейтэков).

Слово *ast* встречается в современных турецких диалектах в виде *as* ('вниз'): *as gel* 'иди вниз' (ДС, I, 339).

Видимо, парное слово *alt-üst* в азербайджанском языке представляет фонетически измененную форму *ast-üst*.

Наречие *sraça gün* в варианте *asrağı күп* встречается в словаре Ибн-Муханны²⁰, а в варианте *asga күп* — в письменных тюркских памятниках средневековья (Наджиб, 196; Clauson, 250).

Данное слово в варианте *asrağı gün* употребляется и в письменных памятниках турецкого языка: *Biz asrağı gün vardik* (XIV в., TTS, I, 247) 'Позавчера мы ушли'.

Элемент *-ya// -yü* в слове *sraça*, несомненно, являясь фонетическим вариантом *-ki* (образующим прилагательное), встречается и в других тюркских языках (ср. староузб.: *başayü* 'давешний', *byldygyü* 'прошлогодний' и др.).

Значит, широко распространенное в азербайджанском языке наречие *sraça gün* произошло от слова *as* в значении «внизу»: *as* + *-ra* (аффикс древнего направительного падежа) + *-yü* (аффикс, образующий прилагательное) + *gün* 'день' > (*a*)*s* + *-ra* + *-ya gün* > *sraça gün*.

Данную этимологию подтверждает употребительное в современном хакасском и казахском языках наречие *altyndaky gün* 'позавчера' вместо *sraça gün* (ср.: хакас.: *altyndayy күн*; каз.: *aldynny күні*).

Наречие *sraça gün* в диалектах и говорах азербайджанского языка бытует в следующих вариантах: *israça gün//isrân gün//suraça gün//isi-rejin//isrejin//isrân* и др.²¹

В туркменском языке вместо *sraça gün* употребляется *өңүн* (өң-ңиң) 'позавчера': *Ашгабатда өңүн гар ягды* 'Позавчера в Ашхабаде шел снег' (ТДС, 506).

Наречие *өңүн* образовано следующим образом: *өн* + *-ки* + *гүн* > *өңүн*²².

Известные в турецком и гагаузском языках наречия *ötegi gün* и *ötöögün* также возникли морфолого-синтаксическим путем: *öte* 'та дальняя сторона' + *-ği* + *gün* > *öteği gün*; *ötä* + *гүн* > *ötöögün*²³. Наречие *öteği gün* встречается и в «Книге моего деда Коркута»: *Dün yok, öteki gün ivün bundan kiçdi* (KDK, I, 103) 'Не вчера, а позавчера твой дом прошел отсюда (досл.)'.

Наречие *bildir* (ср.: тур.: *bildir*; туркм.: *bildir*; гаг.: *byldyr*) 'в прошлом году' в сравниваемых языках имеет единый фонетический состав и семантику.

Большинство тюркологов благосклонно принимает известную версию В. В. Радлова по поводу этимологии этого наречия: *bildir* < *bir* + *jyl* + *-dyr* (Радлов, IV, 1731).

²⁰ А. Battal. *Ibnü-Mühennâ İlgati*. Istanbul Devlet matbaası, 1934, стр. 12.

²¹ М. Ширәлијев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Баки, 1968, стр. 286.

²² «Грамматика туркменского языка». Ашхабад, 1970, часть I, стр. 392.

²³ Л. Покровская. Указ. раб., стр. 259.

Следовательно, наречие *bildir* также образовано морфолого-синтаксическим путем.

Наречие *günaşу* (ср. гур.: *günaşığı*; туркм.: *günaşa*; гаг.: *günaşу*) 'через день' в сравниваемых тюркских языках употребляется широко: гаг.: *Ишләрдик гүнашыры* (Н. Бабоглу) 'Работали через день'; туркм.: *Ол гунаша гелип, азык алып гидерди* (ТДС, 215) 'Он приходил через день, покупал продукты и уходил'.

Современное наречие *günaşу* состоит из двух компонентов (*gün + aşу*).

Изолированный от деепричастия компонент *ашу* имеет следующий состав: *aş* (корень глагола) + *-у* аффикс понудительного залога + *-у* древний аффикс деепричастия.

Наблюдаемая в двух фонетических вариантах вторая форма древнего аффикса деепричастия *-a//у* считается архаической формой первой (Наджип, 134).

Возможно, в туркменском наречии *günaşa* сохранена более древняя форма.

В азербайджанском языке употребляются наречия типа *günaşу* 'через день', *ilaşу* 'через год', *vaxtaşу* 'время от времени', *haftaşу* 'через неделю' и другие: *Алма ағачы адэтән илашыры жахшы бар верип* (газ. «Коммунист») 'Яблоня обычно дает хороший урожай через год'. Из сказанного можно заключить, что наречие *günaşу* возникло следующим образом: *gün + aş + -у + -a//у > günaşу*.

Структурно-этимологический анализ первообразных наречий в огузской группе тюркских языков позволяет убедительно показать, с одной стороны, их диахроническую производность, с другой — их постепенную лексико-грамматическую стабилизацию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДТС* — «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
- Малов* — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности (тексты и исследования), М., 1951.
- МК* — «Divanü lügat-it-türk tercümesi». Ceviren B. Atalay, Ankara, I cilt — 1939; II cilt — 1940; III cilt — 1941.
- Наджип* — Э. Н. Наджип. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. (книга I), М., 1979.
- Радлов* — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий (I—IV); СПб., 1893—1911.
- ТДС* — «Туркмен дилиниң сөзлүги». Под ред. М. Я. Хамзаева. Ашхабад, 1962.
- ТМС II* — «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (материалы к этимологическому словарю)», т. II. Отв. ред. В. И. Цинциус, Л., 1975.
- ЭСТЯ* — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные), М., 1974.
- ДС* — «Türkiyede halk ağzından derleme sözlüğü». Türk Tarih kurumu basımevi Ankara, I cilt — 1963; IV cilt — 1969...
- Clauson* — Sir. G. Clauson. An etymological dictionary of pre-thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.
- KDK* — M. Ergin. Dede Korkut kitabı. Türk Tarih kurumu basımevi, Ankara, I cilt — 1958; II cilt — 1963.
- TTS* — «XIII yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yarılmış kitaplardan toplanan tanıklariyle Tarama Sözlüğü». Türk Tarih kurumu basımevi. Ankara, I cilt — 1963, II cilt — 1965; III cilt — 1967...

Э. Н. НАДЖИП

ЕЩЕ РАЗ О «ГУЛИСТАНЕ» СЕЙФА САРАИ

В 1915 году турецкий ученый Рагиб Хулуси Оздем в своей статье «Памятники тюркского языка, датированные до конца четырнадцатого века», опубликованной в журнале «Милли татабуу'лар маджмуасы» (II.4.1915), ссылаясь на венгерского ученого Т. Йозефа, сообщал о найденной в Голландии рукописи, представляющей собой старинный перевод «Гулистана» Саади на тюркский язык, принадлежащий поэту Сейфу Сараи.

В 1950 году профессор Феридун Нафиз Узлук познакомился с этой рукописью в библиотеке Лейденского университета и в 1954 году опубликовал в Анкаре ее факсимиле с кратким предисловием. Полиграфически это издание крайне несовершенно, многие страницы отпечатаны весьма нечетко, некоторые слова и строки не поддаются прочтению и, самое главное, при печатании были перепутаны страницы, и фрагменты рассказов оказались разбросанными по всей книге. Впоследствии для облегчения чтения Ф. Н. Узлуком был опубликован довольно сложный ключ к тексту с комментариями, в которых оговаривались типографские ошибки. К ключу были приложены: перечень глав «Гулистана» и следующие за поэмой текстов — газелей современников Саади, ответов на них Сейфа Сараи и его собственных стихов на турецком языке.

В предисловии к этому изданию Ф. Н. Узлук расшифровал трудно поддающиеся прочтению строки стихов, помещенные на титульной странице рукописи, приведя их в оригинале (типографский набор) и в транскрипции. Среди этих текстов имеются стихи Махмуда Гулистана, Сейфа Сараи, персидское двустихие с переводом на тюркский язык и шестистихие, восхваляющее творчество Сейфа Сараи.

Эти публикации вызвали большой интерес как в Советском Союзе, так и за рубежом к этому ценнейшему памятнику египетских тюркоязычных мамлюков, к его смешанному, но вполне доступному языку. В 1955 году данному памятнику посвятил пространную статью А. Б. Таймас¹. О нем писали и другие турецкие ученые — Копрюлю-заде, Екман, Инан, Кады Манйасоглу Махмуд, Караманлыоглу и др. Заслуживает внимания серьезное исследование венгерского ученого А. Бодроглетети.

В Советском Союзе много внимания изучению этого памятника, особенно его языка, уделяли ученые Москвы, Казани, Ташкента, Алма-Аты. В результате появились многочисленные статьи и монографические работы, посвященные отдельным вопросам его морфологии и лексики.

¹ *Aptulla Battal Taymas. Seyf Sarayı'nın Gülistan Tercümesini gözden geçirir. Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Ankara, 1955, стр. 73—98.*

К числу наиболее значительных зарубежных исследований памятника относится опубликованный в 1978 году в Стамбуле «Gülistan Tercümesi» — труд рано ушедшего из жизни молодого турецкого ученого Али Фехми Караманлыоглу². Это тщательно подготовленное и снабженное транскрипционным текстом издание вышло с предисловием доктора Мухаррама Ергина.

Во введении А. Ф. Караманлыоглу кратко характеризует публикацию Ф. Н. Узлука и заслуги А. Б. Таймаса в сравнительно-сопоставительном изучении языка персидского оригинала этой рукописи и его перевода, говорит также об исследованиях венгерского востоковеда А. Бодроглегети. Автор справедливо указывает на некоторые ошибочные прочтения А. Б. Таймаса; например, *bäv abaky* вместо *däv ayaky*, *häväs karşın*, вместо *häväs jârşın*, *ıç* вместо *avıç* и т. д. Вместе с тем правота А. Ф. Караманлыоглу в прочтении в переводе слова *كولك* кажется нам сомнительной. Думается, что А. Б. Таймас вполне правильно прочитал это слово, употребляющееся в современном казахском и киргизском языках в форме *kölük* 'вьючное животное'. Так как у кочевников *kölük* это обычно конь, то часто употребляются словосочетания *at kölük* или *kölük at*. А. Ф. Караманлыоглу считает, что *kölük* является лишь определением и означает «вьючный». Он кратко останавливается на критических замечаниях А. Бодроглегети в адрес Ф. Н. Узлука, не соглашаясь с его утверждением о неправильном прочтении Ф. Н. Узлуком стихов, помещенных на титульном листе рукописи. А. Ф. Караманлыоглу указывает на многочисленные ошибки и промахи самого А. Бодроглегети, допущенные им в чтении основного текста. Среди поправок, внесенных А. Ф. Караманлыоглу, наиболее существенной является нижеследующая. У Сейфа Сараи написано:

ایردامیندا ایردامین کور کوزلان ایر

А. Бодроглегети это полустигише читает так:

Erdämindä erdämin körgüzgän er

'Человек, показавший свое искусство в искусстве'.

А. Ф. Караманлыоглу же полагает, что в данном случае поэт прибегает к игре слов: *er dämindä* и *erdämin*, и поэтому полустигише следует прочитать.

Er dämindä erdämin körgüzgän er

'Человек, показавший свое искусство, когда это потребовалось'.

Думается, что предпочтение должно быть отдано последнему варианту прочтения.

Во введении А. Ф. Караманлыоглу ограничивается указанием лишь на некоторые ошибки А. Бодроглегети. Значительное число промахов венгерского тюрколога он фиксирует мимоходом в словарной части своего труда.

Относительно прочтения и транскрипции арабских и персидских слов, имеющих в рукописи, А. Ф. Караманлыоглу пишет, что при их транскрибировании он руководствовался современными нормами произношения. Анализируя сочетания этих слов с различными тюркоязыч-

² *Seyf-i Sarayı. Gülistan tercümesi. Hazerlıyan Doc. Dr. Ali Fehmi Karamanlıoğlu. Millî Egitim. Basimevi, İstanbul, 1978, 404 стр.*

ными аффиксами, А. Ф. Караманлыоглу стремился воспроизвести вероятное их произношение.

В разделе «Памятник и его язык» А. Ф. Караманлыоглу говорит о «Гулистане» и «Бустане» Саади и их переводах на тюркский язык, в частности о переводе «Гулистана» Сейфа Сараи на кыпчакский литературный язык мамлюкского Египта, о «Кодексе Куманикусе», отражавшем язык населения территории Дешти-Кыпчак, о культурных взаимоотношениях Золотой Орды и Хорезма с мамлюкским Египтом, об огунизации кыпчакского языка, о близости языка египетских кыпчаков с золотоордынско-хорезмским языком. Далее автор сопоставляет факты языка «Гулистана» Сейфа Сараи и золотоордынско-хорезмского литературного языка и на конкретных примерах показывает явные сходства и расхождения между ними. Сравнивая же язык «Гулистана» Сейфа Сараи с языком «Хосрау и Ширин» Кутба, А. Ф. Караманлыоглу приходит к заключению об их близости. Особое внимание он уделяет арабским и персидским элементам в языке Сейфа Сараи. По его подсчетам из трех тысяч слов, зафиксированных в «Гулистане» Сейфом Сараи, лишь одну тысячу составляют исконно тюркские слова, остальные две тысячи — иноязычные. Из последних более полутора тысяч арабских и около четырехсот персидских слов. В процентном отношении тюркские слова составляют 30—35%, арабские — более 50%, персидские — около 15—20%. На результат подсчета, безусловно, повлияли многочисленные арабские изречения и сложные сочетания типа *ähli häragu, canu fäga, älamäti cahl, äqubatel-azm* и т. д., а также немалое число арабских слов, параллельно употребляющихся как в единственном, так и во множественном числе, например: *mäskän—mäskin, mävcüd—mävcüdat, çänpät—çänap, hal—ähval, lätiifa—lätaif* и т. д. Количество арабских слов в подсчете возросло и за счет параллельного употребления различных форм однокоренных слов, таких, как *tariq, tariqa, taqiqat* и т. д. Нельзя забывать и о том, что речь идет о переводном произведении, и поэтому многие арабские и персидские слова, а также сложные сочетания персидского оригинала были сохранены переводчиком без изменения.

А. Ф. Караманлыоглу отмечает, что в литературных текстах того времени во избежание многократного повторения какого-либо слова его обычно заменяли синонимом, поэтому часто в одном и том же значении параллельно употреблялись различные слова, например: *it—kälb* 'собака', *közsüz—kör* 'слепой', *keräk—lazim* 'нужно', *köglü—latif* 'красивый', *cärig, ceri—läşkär* 'воин', *tün, kecä—läyl* 'ночь', *qonaq—musafir* 'гость', *qulaq sät* 'ухо' и т. д.

В стихах, написанных арабо-персидским размером *аруз*, такая замена была неизбежна. Это, в свою очередь, способствовало увеличению количества используемых иноязычных слов. Таковы языковые особенности художественного перевода «Гулистана» с персидского языка на литературный язык мамлюкского Египта XIV века.

В работе А. Ф. Караманлыоглу 177 страниц отведено транскрипции основного текста. Приложенные к рукописи «Гулистана» стихи современников поэта и его ответы на них, а также оригинальные стихи его самого в данное издание не вошли. Это транскрипционное издание «Гулистана» явилось результатом большой и весьма тщательной работы над текстом А. Ф. Караманлыоглу. В 215 примечаниях он подробно оговаривает вставки в основной текст, расхождения в прочтении и транскрипции того или иного слова с А. Б. Таймасом и А. Бодроглетети, возможные варианты прочтения. А. Ф. Караманлыоглу выделяет слова, логически выпадающие из контекста, высказывая предположение о воз-

возможности описки. Если перевод того или иного арабского слова представляется автору сомнительным, то он обращается к различным историческим и толковым словарям арабского языка и находит с их помощью более подходящее значение. Примечания автора, безусловно, полезны и должны быть приняты во внимание при дальнейшем изучении памятника.

Очень ценным в исследовании А. Ф. Караманлыоглу является приведенный им полный словарь памятника, охватывающий все его лексическое богатство, включая иноязычную лексику. Автором даются значения как основной формы слова, так и ее сочетаний с различными формообразующими и словообразующими аффиксами, а также с другими словами, с указанием страниц, на которых они встречаются в рукописи, например: *aç* 'голодный', *aç bol-* 'голодать', *aç qaryn* 'голодный', *aç köz* 'жадный' и т. д. Во всех без исключения случаях приводятся варианты каждого слова рукописи, например: при *körkâ baj*, *körklü*, *körkli* 'красивый', при *kötür-//kötär-* 'поднимать', при *öltür-//öidür-* 'убивать' и т. д. При необходимости значение слова раскрывается в самом контексте, например: при *köz* 'глазок', *ot söndürüp köz qoj* — 'потушив огонь, оставить глазок'.

Таким образом, словарь лексики памятника, набранный в два столбца петитом, следует признать весьма ценным вкладом Али Фехми Караманлыоглу в изучение истории тюркских языков.

Около десяти лет тому назад профессор Казанского университета Хатиб Усманов и Зейнаб Максудова подготовили к изданию машинописный текст арабописьменного оригинала «Гулистана» Сейфа Сараи. Однако выход в свет ташкентского и будапештского транскрипционных изданий этого памятника заставило составителей вновь просмотреть свою работу и внести в нее соответствующие изменения и поправки. Поэтому издание рукописи задержалось.

В 1980 году издательство Казанского университета издало арабописьменный оригинал «Гулистана» двумя выпусками в замечательном рукописном варианте, переписанном каллиграфом Р. М. Кадыровым с удивительным мастерством. Обычные для подобных списков ошибки и оплошности переписчика встречаются в этом издании крайне редко. Вот некоторые из них: на 3/5 в. *bin*; *بیر bir* — *بین* 3/6 пропущено *ne'mât kâ* (نعمة كآ); на 9/18 в. *یاراردا jārarda* — *تارازدا tārazda*, (в широко распространенной в средневековой формуле: *jarğu jārarda qyl jārar* 'при разборе спорных дел и вынесении решения он так точен, что, можно сказать, расщепляет волосок'); на 10/15 в. *موندان mundan* — *سوندان sundan* и т. д.

В транскрипционном издании А. Ф. Караманлыоглу строго выдержан принцип соответствия страниц издания и оригинала. В казанском же издании арабописьменного оригинала соответствие страниц помечено двумя вертикальными черточками, а цифровые показатели приведены в конце второй части, что значительно затрудняет работу исследователя. Если бы эти пометки давались тут же на полях, то это значительно облегчило бы работу с рукописью.

Весьма ценным является перечень разночтений того или иного слова, приведенный в конце второй части названного издания. В этом списке указано пятьдесят шесть случаев разночтений между казанским изданием, с одной стороны, и ташкентским и будапештским — с другой. Объективно упомянутый перечень позволяет исследователям самим вынести суждение о наиболее вероятном варианте. С нашей точки зрения, в ряде случаев предпочтение следует отдать казанскому из-

данию, в других — ташкентскому или будапештскому. Остановимся на некоторых разночтениях, имеющих существенное значение:

1. На 9 стр.³ Т. и Б.⁴ *ek'sāngān*, К. *ek'āngān*. Здесь условная форма со значением «если посеешь». Ср. *maslahat k'ōrsāngān* «если одобришь»; 2. На 12 стр. Т. и Б. *mā'ni* «значение», а К. *muğanni* «певец»; речь идет о соловьях, следовательно, правильнее *muğanni*; 3. На 301 стр. Т. и Б. *bōz* «полотно», а К. *jūz* «лицо»; речь идет о стирке белья, следовательно, правильнее *bōz*; 4. На 312 стр. Б. *haq eṣūki*, Т. и К. *haq eṣigi*; речь идет о мольбе, просьбе, следовательно, правильнее *eṣik* «порог»; 5. На 81 стр. Т. и Б. *uṣa*, К. ясно написано *oṣna*; 6. На 119 стр. Т. *erilmiş*, Б. *jazylymıṣ*, К. *tizilmiş*; речь идет о птицах, «выстроившихся» на крыше; 7. На 121 стр. Т. *baṣ*, Б. *taṣ*, К. *jaṣ bol-* «погибать»; речь идет о человеке, погрязшем в грехах, нарушающем божественные заповеди, следовательно, правильнее *jaṣ*; 8. На 134 стр. Т. и Б. *qatty jüzli*, К. *qaq jüzli*. Смысл не меняется ни в том, ни в другом варианте; 9. На 140 стр. Т. и К. *iladāt*, Б. *ibarāt*; речь идет о назидании оратора, о его речи, следовательно, правильнее *ibarāt*; 10. На 233 стр. Т. *ajva tozu* (*tūzi?*), Б. *ajva tozu*, К. *aju jūzi*; речь идет об изменении лица: *alma engāgingā ajva tozu oturap* «на ящолчко се подбородка села пыль, как у айвы». Пыль здесь в переносном значении означает резко подурневшее лицо; 11. На 248 стр. К. *qarṣy turup*, Б. *fārsin* (*farsyn?*); речь идет о подавлении в себе чувства страсти и вожделения, следовательно, правильнее *fārṣ* «ковер» в переносном значении; 12. На 262 стр. Т. *cas*, Б. и К. *xas*; речь идет о зрачке глаза, следовательно, правильнее *xas* «ранение»; 13. На 265 стр. Т. *ōz qālbimdān*, Б. и К. *ōz qābilāmdān*; речь идет о бытующей в собственном племени притче; 14. На 265 стр. Т. *uqqa otursa*, Б. и К. *oq otursa*. Правильнее *oqla otursa*; алиф в конце первого слова и в начале второго оказался общим; 15. На 307 стр. Т. *arslan jigiti*, Б. и К. *arslan bekin* «как лев»; речь идет о сражении. Кроме того, ясно написано *bekin* «подобный», «как»; 16. На 72 стр. Т. и Б. *bālki mallaryna*, К. *bālk'ū cāhalātlārinā*. Следует читать: *bālki cāhalātlaryna*, ибо речь идет о невежестве; 17. На 262 стр. Т. *tili atylanca*, Б. *tili itilānsā*, К. *til li* (лучше *tili*) *tilinçā*; речь идет о вознесенных хвалах богу птицами, каждой на своем языке и т. д. и т. п.

Приведя эти таблицы, составители казанского издания сделали полезное дело.

В конце второго выпуска казанского издания оригинала даны и приложенные к рукописи «Гулистан» газели современников поэта, его ответы на них и собственные его газели, рубаи, фарды, а также краткое послесловие.

К сожалению, составители по непонятным причинам не опубликовали весьма интересный титульный лист рукописи, содержащий ряд очень важных для исследования стихов, в том числе двестише самого поэта, газель, восхваляющую творчество поэта, двестише поэта Гулистана о приезде султана Ахмада на чужбину в Египет, двестише на персидском языке с переводом на турецкий и некоторые другие. Эту страницу можно было бы дать и в форме фото-факсимиле.

Тем не менее сделанное следует признать весьма полезным и важным, ибо турецкое факсимильное издание, как уже отмечалось выше, имеет много дефектов. Кроме того, оно мало доступно для широкого круга ученых. Тюркологи, изучающие язык этого средневекового тюркоязычного памятника, безусловно, будут очень признательны тем, кто подготовил и издал этот ценный труд.

³ Указаны страницы турецкого издания.

⁴ Т. — ташкентское, К. — казанское, Б. — будапештское издания.

Здесь уместно будет остановиться еще на одном весьма интересном письменном памятнике мамлюкского Египта — диване аль-Ашрафа Кансуха.

В бакинской газете «Әдәбијјат вә инчәсэнәт» от 25 ноября 1972 года, № 48 сообщалось, что доцент Гамбургского университета Барбара Флемминг выступила в Анкаре с докладом о вновь найденном «Диване» предпоследнего мамлюкского султана из Бурджидов аль-Ашрафа Кансуха аль-Гаури (1501—1517) — известного тюркоязычного поэта Египта. В этом «Диване», кроме собственных стихов аль-Гаури, собрано 29 стихотворений других поэтов, в том числе газель Хасан-оглы. Как известно, среди газелей, помещенных в приложении к «Гулистану», имеется также газель, принадлежащая Хасан-оглы, начинающаяся с бейта:

*Apardy könglimi bir hoş qāmār jüz can fāza dīlbār,
Nā dīlbār, dīlbār-i şahid, nā şahid, şahid-i sāvār.*

Б. Флемминг не уверена, что это стихотворение того же автора. Приведем ниже газель из дивана аль-Хаури полностью.

Hasan ogly

حسن اوغلى

Neca sän, gäl, häj yüzi ağym bänim	نیچہ سگ گہل ای یوزی آغیم بہنیم
Sän ertding odlara jağym bänim	سن ایرتدک اودلارہ یاغیم بہنیم.
And içärim sändän artyq sävmäjim	اندایچہریم سندن آرتیق سؤمہیم
Säning elä hoş geçär çağym bänim	سنگ ایله خوش کیچہر چاغیم بہنیم
Husn içrä sängä manänd olmaja	حسن ایچندہ سکا مانند اولمایہ
Asly jöçä göngli alçağym bänim	اصلی یوجہ گوکلی آلچاغیم بہنیم
Al älimi eräjim maqsudyma	ال الیمی ایرہیم مقصودیم
Kojma jüräkdä jana dağym bänim	قویما یورکدہ یانا داغیم بہنیم
Sän räqibä siringi faş äjlädin	سن رقیبہ سیریکى فاش ایلمدیک
Anyng elä oldy şaltağym bänim	آنک ایله اولدی شلتاغیم بہنیم
Kyşladym kapungda itläring elä	قشاددیم قاپوکدا ایتلہدیک ایله
Oldy kujun üzrä jajlağym bänim	اولدی قویون اوزرہ یاجلاغیم بہنیم
Bän ölicäk jolunga kömüng bāni	بن اولیجہک یولوکا کومک بنی
Baqa dursun jarä toprağym bänim	باقا دورسون یارہ توپراغیم بہنیم
Toprağymda bitä häsrätlä ağac	توپراغیمدا بیتہ حسرتلہ آغاج
Qyla zari cümlä japrağym bänim	قیلا زاری جملہ یاپراغیم بہنیم
Bu Hasan ogly säning bändäng durur	بو حسن اوغلی سنگ بندہک درور
Any räd etmä juzi ağym bänim.	آنی رد ایتمہ یوزی آغیم بہنیم.

На основании сопоставления всего лишь двух газелей, безусловно, трудно судить о принадлежности их одному поэту. Однако сравнение нескольких грамматических форм в газелях и слов типа *tān—bān*, как будто позволяет полагать, что эти газели написаны разными авторами, ибо язык последнего произведения несколько более «огузирован».

Следует отметить также, что транскрибированное везде нами *ng* может быть прочитано и как *n*.

Нашим гулистановедам следовало бы заинтересоваться этим фактом и диваном аль-Хаури, получить его фотокопию, провести соответствующее исследование и издать. Это значительно обогатило бы наши представления о литературе и литературном языке мамлюкского Египта.

РЕЦЕНЗИИ

«ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ АҢЛАТМАЛЫ СУЗЛЕГЕ»
ӨЧ ТОМДА, II ТОМ. К—С. КАЗАН, ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ,
1979, 726 стр.

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА»
В ТРЕХ ТОМАХ, II ТОМ. К—С. КАЗАНЬ, ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1979, 726 стр.

Второй том трехтомного издания «Толкового словаря татарского языка» — это итог многолетней работы сотрудников сектора языка Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР¹.

Задачей рецензируемого словаря является фиксация и обобщение лексического и фразеологического богатства татарского языка, раскрытие значений слов и их оттенков, грамматико-стилистическая характеристика слов, показ особенностей словоупотребления.

Во втором томе, как и в первом, использован материал целого ряда диалектологических, двуязычных, фразеологических, терминологических, орфографических и других словарей татарского языка, а также многочисленных словарей, выпущенных в разные годы центральными издательствами и в тюркоязычных республиках. Иллюстративный материал словаря взят из художественной, общественно-политической и научно-популярной литературы, учебников, периодической печати, разговорной речи и т. д.

Основу словаря составляют общепотребительная лексика и фразеология современного татарского литературного языка. Представлены также просторечная и отчасти жаргонная лексика, этнографизмы, широкоупотребительные неологизмы, историзмы, терминология, диалектная лексика и т. д.

Принципы составления словаря: его структура, отбор слов, установление и толкование их значений, подбор фразеологизмов, грамматическая и стилистическая характеристики слов, подача иллюстративного материала, следование нормам орфографии и фиксация ударения, принятые в первом томе толкового словаря, сохраняются и в рецензируемом втором томе.

Первый том охватывал первые десять букв татарского алфавита (А—Й), во вто-

рой том включены слова на последующие восемь букв, однако объем его в полтора раза больше, причем свыше половины этого объема приходится на слова, начинающиеся на буквы К и С. Большинство этих слов относится к исконно татарской части лексики. Примечательным в данном томе, на наш взгляд, является то, что в нем представлены слова, начинающиеся на буквы Л, М, Н, О, П, Р, не характерные для начала слов в тюркских языках. Поэтому сюда вошли прежде всего заимствования из различных языков — западных и восточных, а также большое количество звукоподражательных слов.

Во втором томе зафиксировано около тринадцати тысяч заглавных слов, две тысячи словосочетаний, более двух тысяч фразеологических выражений.

Богатство того или иного языка определяется не только количеством входящих в него слов, но и многообразием их лексических значений. Составители уделили много внимания и раскрытию семантического богатства слов и выражений.

Толкование слов осуществляется описательным путем. Материалы словаря указывают на широкое распространение в татарском языке полисемии. Множество слов имеет более двух десятков значений. Это такие слова, как *кутәру* 'поднять' — 21 значение, *калу* 'остаться' — 25, *карау* 'смотреть' — 22, *килу* 'приятн' — 20, *керү* 'зайти' — 19, *китү* 'уйти' — 21, *сугу* 'ударить' — 24 значения, и т. д. Особенно много значений и оттенков значений отмечено у глагола *салу* 'класть', 'лить' и т. д., количество их достигает 61.

Значения абсолютного большинства слов в словаре приведены в полном объеме. Весьма редки случаи, когда то или иное значение слова оказывается незафиксированным: *мәйдан* — диал. 'сабантуй'; *милек* 'двор, принадлежащий одной семье'; *кытай* — диал. 'бусы крупные'; *куратор* 'руководитель академической группы в вузе'; *остазлык* — в значении наставничества; *орган* 'часть тела'; *калак* — в значении 'ложка'; *каре* — военный термин и т. д.

¹ См. рецензию на первый том словаря в журнале «Советская тюркология», 1978, № 2, стр. 77—80.

В рецензируемый том вошло много слов, отсутствовавших в однотомном «Татарско-русском словаре» (М., 1966). Так, например, к букве О добавлено — 170, С — около 400, Н — 103, К — со слова *куш* и до конца — более 500 слов. В их число входят: слова общеупотребительной лексики: (*наданлану, нигездэн, нихэтле, ничэмэ-ничэ, нәсел-ыру, савымчы, савым, сафьян, сартулы, пещиләнү, оядаш, очсызлы, салынкылану, санамыш, сапламлы, семьячыл, сиезьеллык, сихри, сәнгатьчә, сөрүлек, сүсләнү, сүрүлек, курше-кулән, кырашу, көне-сәгәте, көтүчелек, купмедер* и т. д.);

займования из русского языка и через его посредство, широко употребительные в современной татарской речи (обоз, обком, олимпиа, окраина, омограф, омуль, отчет, отзовизм, охранка, офсет, папаха, самбо, собор, смотр, слива, симпозиум, синкретизм, скальпель, солидол, сходка, сетка, нефтепромысел, норд, оккупант, орудие, оперативка, онкологик, парнас, сбор, сестра, синтетика, сочинение, стан, стиль, строй, стоп-кран, набат и т. д.);

отдельные историзмы и архаизмы как исконные, так и заимствованные (*көсмән, недошмак, сарт, кылык, кырыктартмачы, насчы, нәбат, карамык, карылтай, карамыш, кас, карымта, каңгы, карулы, коргау, сур, саю* и т. д.);

слова, сравнительно недавно перешедшие из пласта неологизмов в общеупотребительную лексику, заимствованные и собственно-татарские (*нейлон, нейрохирура, обойчы, нитрон, орбиталь, офсет, секретер, селектор, озокерит, океанариум, орнаментчы, остазлык, семиотика, синхронизатор, стюардесса, структуралист, сәнгатьлелек* и т. д.);

диалектизмы, перенесенные в основном из «Диалектологического словаря татарского языка» (Казань, 1969).

В словаре широко представлена устаревшая лексика типа: *котанай, корык, каманча, кән, кәрбәз, кашакханә, кәһвә, көхәл, күнәк, күса, күчә, ләү, мум, намаеш, нарицә* и т. д. Приведены современные синонимы этих архаизмов и историзмов: *нар* — иск. — *ялыкы, мөшкәт* — иск. — *мускат, лыва* — иск. — *байрак* и т. д.

Составители словаря сочли необходимым зафиксировать и отдельные фонетические архаизмы: *нә* 'что', *кәлу* 'прийти', *куптин-куп* 'очень много', *көндиң-көн* 'изо дня в день' и т. д. уместность которых, на наш взгляд, спорна.

Зафиксированные в словаре историзмы представляют определенный интерес для исследователя истории татарского, русского и некоторых других народов. Так, слово *калта* толкуется как денежный мешочек (*акча ялчыгы*). Известно, что этимология имени Ивана Калиты может быть объяснена с помощью этого слова. Слово *катаргы* 'большая лодка' в форме *каторга* имеется и в греческом языке и обозначает особый тип большого ребного судна, гребцами на котором обычно были рабы или преступники. Это слово с XIV века стало

обозначать «тяжкую подневольную работу», «строжайшее наказание рабским трудом»². Эти слова очень близки по форме и значению. Подобных примеров из словаря можно привести немало.

Значения многих устаревших слов раскрываются через удачно подобранные пословицы и поговорки:

Коралай... Атың киеге — колан, кәжәнең киеге — коралай (стр. 156). *Кулавыз ... Кулавызсыз юлга кәргән юлдан язар* (стр. 187). *Кучкар... Һәр мөгезле кучкар түгел* (стр. 197). *Корык... Корал юктан корык та корал* (стр. 164). *Китән... Китән күлмәк киштәдә, киндер күлмәк киртәдә* (стр. 113). *Куравыч... Ишеккә йөгән орып, качыр булмас, куравычка тун кидереп; хатын булмас* (стр. 192). *Кулкубыз... Кулкубыз тартсаң — көй чыга, бүрәнә тартсаң — өй чыга* (стр. 187) и т. д.

Во втором томе словаря представлена и диалектная лексика из многочисленных говоров татарского языка. Составители отмечают, что в словарь «включаются часто встречающиеся в художественной литературе и способные обогатить литературный язык диалектизмы» (I том, стр. XI). К таким словам относятся: *кушаваз, кылдау, кобага, коен, кылкан, кым-кырач, кыргавыч, корак, кырлач, кыршу, кулагай, кәнди, кәшләү, кылтау, күлләвек, каулак, кавыз, каңса, кирәч, комаяк, курач, кураз, кыбыржу, кыйлык, кырач, кыдрачлану, ләжбәрәү, олау, ортын, ошак, ошакчы, онта, сураю, сыктану, пырдымсыз, пырдымсызлану, пәжү, пурак оны* и т. д.

Однако наряду с этим в словаре представлены и диалектизмы, зафиксированные только в речи персонажей литературного произведения или являющиеся узкодиалектным синонимическим вариантом литературного слова, и поэтому включение их в словарь вряд ли следует считать целесообразным. Это слово типа: *марсык, лашбык, күжә, күзелдерек, көленеч, көркеш, кушымык, кучты* и т. д.

Преобладающее большинство устаревших слов и диалектизмов сопровождается иллюстративным материалом, поэтому сфера и особенности их употребления, оттенки значений не вызывают сомнения, что доказывает правомерность включения их в словарь.

В томе нашли широкое отражение лексические единицы, обозначающие этнографические понятия (*кияз, кода, кодагы, кодачы, кыз, олы, мәһар, күрәндәк, күрәкчә, көпе, кәбен, путемар* и т. д.), понятия связанные с мифологией, язычеством, религией (*пот, күк, нух, мәчкәй* и т. д.), понятия, относящиеся к флоре и фауне (*кура, кызылтамыр, кылыч, үлән, кыркырай, кырыккурай, кырмавык, сазанак, кылкойрык, кыргавыл, кыр кәжәсе, кырлангыч, сайгак, саранча* и т. д.), эвфемизмы, объ-

² Лев Успенский. Почему не иначе? Этимологический словарь школьника. М., 1967, стр. 138.

ясняемые магией слова (*корыботак, пурый* и т. д.), жаргонизмы (*пәнжәки* и т. д.).

В словаре зафиксировано большое количество фразеологизмов. Например, к слову куз 'глаз', *күңәл* 'душа' дано более 200 фразеологизмов, к слову *колак* 'ухо' — 78, *кул* 'рука' — 85, *сүз* 'слово' — 57, *кара* 'черный' — 35, *койрык* 'хвост' — 31, *кесе* 'карман' — 24, *кире* 'обратно' — 23, *кеше* 'человек' — 20 и т. д. Обилие фразеологии в данном томе, вероятно, объясняется тем, что здесь много слов, выражающих части человеческого тела, представляющих наиболее древний пласт лексики татарского языка и являющихся основой многих фразеологических выражений.

Интересна фразеология к слову *кара* 'черный': *кара акыл, кара алтын, кара болыт кебек, кара болыт каплау, кара гайбәт, кара ипи, кара исемлек, кара исән, кара йөз, кара йөрәк, кара козгын, кара көз, кара көнгә калдыру, кара көнгә калу, кара көч, кара көю, кара күзлектән карау, кара күмергә калу, кара материк, кара реакция, кара сакал, кара такта, кара тир түеу, кара тиргә батып эшләу, кара язгу, кара эчле, кара яну, кара жәяү калу, карасына бату* и др.

Большинство представленных в словаре слов сопровождается фразеологическими единицами. Составители дали полную фразеологию к отдельным словам и словосочетаниям (составные термины). Лишь в редких случаях можно добавить те или иные фразеологизмы: *кунак* (*кунак жыю, кунак ашы*), *корбан* (*корбан ашы, котлет (котлет ясау), кочак (кочагы белән), көсмән (көсмән кагу), лапта (лапта сугу, лапта уйнау), мал (мал түгел), панель (панельгә чыгу), пар (пар чыга), пәке (пәкеле уйнау), сер (серләре сыеша), сөяк (сөйкемле сөяге булу), кала (кала алу)* и т. д.

Словарь раскрывает омонимическое богатство татарского языка, в основе которого лежит словообразовательные возможности языка и заимствования. Так, например, слово *кушу* имеет 3 омонима, *кызылбаш* — 3, *кыю* — 3, *кузләү* — 3, *күк* — 3, *килеш* — 4, *кул* — 3, *күрек* — 3, *ләм* — 3, *марка* — 3, *пар* — 3, *сабу* — 3, *сандал* — 3, *салу* — 3, *серкә* — 3, *койка* — 2 и т. д. Иногда омонимия возникает из полисемии: *кул* (3 слова), *кичу* (3 слова) и т. д. Материалы словаря показывают, что омонимия лексических единиц редко доходит до четырех элементов.

В татарском языке в 40-е годы получили широкое распространение аналитические формы глаголов по модели «русский инфинитив + вспомогательный глагол *итү*». Вероятно, этим объясняется большое их количество в изданном в 1966 году «Татарско-русском словаре». Довольно много было в словаре параллелизмов типа: *командировать иту — командировкага жибару, маршировать иту — маринадау, командовать иту — командалык иту* и т. д. В дальнейшем в процессе развития речевой и языковой культуры в 60-е годы эти формы

были отвергнуты. Случайной, видимо, следует считать фиксацию сочетания *лавировать иту*. Однако данная форма еще остается в просторечии, что объясняется существующими условиями двуязычия.

Во втором томе словаря широко представлено вариативное употребление лексических единиц различного происхождения. Одни из них являются заимствованиями из русского языка и отражают пути этого заимствования: либо через разговорную, либо через письменную речь. Поэтому стали возможны варианты типа: *кәшмир — кашмир, килки — килка, кәңфит — конфет, кәрэчин — керосин, кәтлит — котлет, кәнитил — канитель, карават — кровать, скрипка — скрипка, пинжак — пиджак, кәрзин — кәрзинкә — корзин, куас — квас, станса — станция, кызау — кузов, кәнсир — консерв, пичәт — печать, писер — писарь* и т. д. Вариативность возникла и в процессе исторических изменений слова: *карындаш — карендәш — кардыш, кыегаю — кыйгаю, кыйлаңу — кылану, менгеру — меңгезу — мендеру, киегеру — киегезу — кидеру, охшау — ошау, кәккүк — кәкүк, калтырча — калдырча, сәрхәнтәй — сырхантай, пыжу — пәжү, сахра — сәхрә, бажанак — печенеж, мрамор — мәрмәр* и т. д. И, наконец, вариативность явилась следствием изменений орфографических норм: *киреле-мырлы — кирле-мырлы; кайнана — каенана; кашыгай — кашыгай* и т. д.

Рассмотренные выше фонетические варианты можно было пополнить: *сәләм — сәләм, саурий — сауры — саврый* и т. д.

Существование в речи вариантов расширяет лексико-семантические и стилистические возможности языка. Однако, если учесть, что данный словарь является одновременно и нормативным, то широко представленная вариативность может привести к известным трудностям в выборе нужного варианта. Правда, составители, стремясь к определенной последовательности в фиксации таких вариантов, порой придерживаются передачи их через запятые (например, *кабриолет, кабриолетка; консерв, консерва; омуль, оمول; сәркатип, сәркатип; пәже, пәжи; мескенчәк, мескенчек; малай-шалай, малай-салай* и т. д.). При отдельных пассивных или диалектных вариантах имеются отсылки к активным или литературным вариантам. Но этот принцип не всегда выдерживается, например, при слове *кәңфитләну* должна была бы быть отсылка к твердому варианту этого слова — *конфетлану*, однако этого нет. То же можно сказать и о словах *кәзәки, кәнитил, кәссап, сәрхәнтәй*. Иногда варианты указываются лишь в основной форме, а в производных отмечается только один вариант, или наоборот: *сәләм — сәләм и сәләмләү; сурәт — сурәт и сурәтле, сурәтләмә; сәрхуши, сәрхушылык и сәрхушлану — сәрхушләну*.

Вариативное употребление слов свидетельствует о продолжающемся процессе совершенствования орфографических и ор-

фоэпических норм в татарском языке и в какой-то степени объясняется отсутствием полного орфографического словаря.

Словарь отражает изменения в лексическом богатстве татарского языка, происшедшие в советское время. Четко выделяется слой русских заимствований, утвердившихся в литературном языке: *копилка, копировка, косынка, молния, молодец, плен, пугарь, пожар, почерк, призы, прицеп, размер, сводка* и т. д. В словаре представлена и интернациональная лексика, заимствованная через русский язык (общая для языков народов СССР). Это — слова, носящие терминологический характер и относящиеся к области науки и техники, различным областям экономики и культуры. Этот общий лексический фонд имеет тенденцию к дальнейшему пополнению и росту.

Вероятно, социально-экономическими факторами и распространением двуязычия можно объяснить наличие в словаре таких чисто русских слов, как *пила, кольчуга, косяк, отличник, обзор, лесник, листик, костыль, крен*, наряду с которыми широко употребляются и их татарские параллели.

Заимствования через письменную форму языка в словаре отражены правильно; только иногда в отдельных русских и европейских заимствованиях встречаются спорные случаи: *краги* (вм. *крага*), *сардин* (вм. *сардина*), *маниок* (вм. *маниока*) и др. В литературном языке они употребляются и пишутся в соответствии с нормами языка, из которого произошло заимствование, в данном случае — русского.

В словаре богато представлены кальки лексических единиц русского языка. Калькирование слов в современных условиях находит все более широкое распространение в татарском языке: *кантчылык, канэзатландерлек, компротиссыз, комплектлаштыру, котылыгысызлык, лачынчалар, лаклаучы, лаеклылык, масштаблылык, маскировкалау, нурлангыч, нормальлаштыру, нивелирлау, очраклылык, охшашландыру, отгырыш, пролеткүлтчылык, регламентлаштыру, синтезлаштыру, сугышчанлык, стильлаштыру* и т. д.

Рецензируемый словарь вполне может выполнять функции и орфографического словаря, ибо его составители придерживаются в целом правильных орфографических принципов. Лишь иногда можно оспаривать написание некоторых слов: *самум* (вм. *сэмум*), *сэрви* (вм. *сэрби*), *сэлэм* (вм. *сэлам*), *сарпинка* (вм. *сэрпинка*) и т. д.

Установленный объем и принципы толкового словаря соблюдаются в определенных случаях вводить соответствующие ограничения и производить тщательный отбор слов с учетом норм современного литературного языка. В рецензируемом томе этот принцип, в основном, выдержан. Однако здесь встречаются и специальные термины с весьма ограниченной сферой употребления (*клеяма, лантоза, легиелатура, легиеламация, лютклезет, пальпация, поли-*

спаст, пианола, пьекса и т. д.), а также давно устаревшие, практически не употребляющиеся арабо-персидские заимствования, узкие диалектизмы и диалектные варианты (*кылачбазлык, кырлангыч, кагыба-тулла, кыйхытлык, калу, көже, күрпә, ләйм, ләкәләкә, ләфизпәрәстлек, ләякәт, ләфхәтән, мәнзүм, пал, пизел, мөдафәгә, кабызьят, каан, каанлык* и т. д.).

Составители словаря, готовя словник, естественно, широко использовали материал, имеющийся в татарской лексикографии. Однако, к сожалению, отдельные лексические единицы, зафиксированные, например, в «Татарско-русском словаре» (1966), вышли из поля зрения составителей толкового словаря, к ним относятся: *кавыклы, кадер-хөрмәт, каяргы, кайракчы, кинәнчелә, кичсез, кичәле-бүгенлә, койкалану, корытай, котлетлык, кузаклылар, кулайлану, куланылыш, куначлау, курортчы, кушбузга, кушканалы, кызулану, кыркулату* и т. д.

Толковый словарь призван фиксировать в основном общеупотребительную лексику, однако в данном томе встречаются окказионализмы. Частично это авторские или индивидуальные неологизмы, не получившие широкого распространения. Например, слова *кыйнашчы, күрәлү* включены в словарь только в связи с употреблением их поэтом Х. Такташом; слово *оешык* зафиксировано по языку произведений писателя Ш. Камала; слово *космолет, космоплан* — писателя А. Тимергалина; *кәкер-чөкер* — писателя А. Расиха; *станкалау* — без ссылок на источники и т. д.

Едва ли оправданно приведение в словаре в качестве самостоятельных лексических единиц слов *көшегез, күбәүме* и т. д., в которых формообразующие аффиксы *-егез* и *-ме* не образуют новых лексических единиц.

Пометы, относящиеся к сфере употребления, грамматической характеристике слова и т. д., в целом, правильны. Однако встречаются случаи ошибочного определения сферы употребления слов (например, *койты, кортка* и др.), отсутствия помет о сфере употребления некоторых лексем (*поскын, кузы, кулкүбүз, курпы, курсы, курыпса, курып* и др.).

Значение данного словаря выходит за рамки лексикографии. В каждом томе прослеживается живая история народа, отраженная в десятках тысяч слов и выражений. Словарь открывает новые возможности для проведения дальнейших исследований по различным областям татарского языкознания: семасиологии, словообразованию, морфологии, стилистике, синтаксису.

Научное и практическое значение словаря неоспоримо. Отмеченные отдельные неточности и упущения ни в коей мере не умаляют достоинств второго тома «Толкового словаря татарского языка», являющегося крупным достижением татарской и в целом тюркской лексикографии.

Ф. С. Сафицина

Н. А. БАСКАКОВ. РУССКИЕ ФАМИЛИИ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1979, 280 стр.

В происхождении имен и фамилий, входящих к названиям отдельных родов, княжеств, общин, находят отражение история всего народа, его культурных, экономических, духовных контактов и взаимоотношений с другими народами, народностями и племенами. Не случайно антропонимия всегда многопластна как по своей семантике, так и по этимологии. Исключительный научный интерес представляет русская антропонимия, в которой наряду с исконно русскими богато представлены и заимствованные имена и фамилии, в том числе тюркского происхождения. Тюркский пласт в русской антропонимии, тесно связанный с формированием отдельных русских патронимов, достаточно древен. В последние сто лет он не раз становился предметом исследования лингвистов, историков, этнографов и др. Е. П. Карнович, который может считаться одним из пионеров в исследовании данного вопроса, отмечал, что тюркский пласт в русских исторических фамилиях занимает особое место¹. Почти такого же мнения придерживались Н. И. Тупиков², Г. Соколов³, А. М. Селищев⁴ и многие другие исследователи.

В последние десятилетия тюркские имена, заимствованные в русский язык, изучались М. Фасмером, А. В. Суперанской, В. А. Паконовым⁵ и др. Особый интерес представляет книга «Ономастикон» академика С. Б. Веселовского⁶. В ней рассматривается история возникновения более ста русских фамилий тюркского происхождения и не только княжеских, но и крестьянских.

Рецензируемая монография крупного советского тюрколога Н. А. Баскакова является первым специальным исследованием, посвященным, по определению самого автора, «проблеме формирования русских ис-

торических фамилий восточного происхождения, связанных с переходом на русскую службу выходцев главным образом из Золотой Орды, а также из родовых и государственных объединений тюркоязычных народов, как более ранних по отношению к Золотой Орде, так и образовавшихся после ее распада на Казанское, Астраханское, Крымское и Сибирское ханства» (стр. 3).

В отличие от «Словаря тюркизмов в русском языке» Е. П. Шиповой⁷, фамилии в рецензируемой книге Н. А. Баскакова приводятся не в алфавитном порядке, а в хронологической последовательности.

Книга состоит из «Введения» (стр. 5—46) и основной части (стр. 47—258), посвященной историко-этимологическому анализу трехсот фамилий. Автор пишет, что исследуемые им «300 фамилий восточного происхождения выбраны из основного гербовника и даны в порядке их следования в источнике. Анализ их ограничен главным образом установлением этимологии того тюркского корня или корней, заимствованного из других восточных языков через тюркские языки, который лежит в основе данной анализируемой фамилии, и краткой характеристикой имеющейся родословной» (стр. 27).

Из сказанного, таким образом, следует, что в книге даны в основном те русские фамилии тюркского происхождения, которые были отмечены в двадцатипомном «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи» и в других официальных документах. Рассматривая происхождение отдельных фамилий, автор часто ссылается именно на эти официальные материалы, придающие достоверность трактовке Н. А. Баскаковым истории возникновения русских фамилий тюркского происхождения.

Наиболее важной частью рецензируемой книги, на наш взгляд, является представленная в ней классификация фамилий по четырем группам. Первую группу «составляют фамилии, которые имеют в своей основе тюркское слово и принадлежат роду, ведущему свое происхождение непосредственно от выходца либо из древних огузских и половецких родовых объединений, либо из Золотой Орды и более поздних татарских ханств...» (стр. 10). Вторую группу также составляют тюркские по своему происхождению фамилии, однако родоначальниками их являются представители западноевропейских родов (выходцы из Греции, Италии, Швеции, Германии, Англии, Франции и т. д.). К подобным фамилиям автор относит такие, как *Тютчев* и *Чиче-*

¹ См.: Е. П. Карнович. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1866.

² См.: Н. И. Тупиков. Заметки к истории древнерусских личных собственных имен. СПб., 1892; *его же*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

³ См.: Г. Соколов. Русские имена и прозвища в XVIII веке. Казань, 1891.

⁴ А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — «Ученые записки МГУ. Труды кафедры русского языка». Вып. 128. М., 1948.

⁵ См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973; А. В. Суперанская. Общая теория имени собственного. М., 1973; В. А. Паконов. Имя и общество. М., 1974.

⁶ См.: С. Б. Веселовский. Ономастикон, М., 1974.

⁷ Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

рин. Эти фамилии — тюркские по происхождению, хотя родословные их носителей и восходят к выходцам из Италии (стр. 11). Третью группу представляют фамилии, тюркские по своему корню, носители которых, однако, не тюркского происхождения (например, *Куракины*, *Булгаковы* и т. д.). К четвертой группе относятся «фамилии, имеющие своей основой русский корень, носители которых имеют тюркское происхождение» (стр. 12), (например, *Рас топчин*, *Строганов*, *Уваров* и т. д.).

Рецензируемая монография Н. А. Баскакова, несомненно, является ценным историко-этимологическим исследованием, представляющим огромный научный интерес как для изучения истории русской антропоники, так и для исследования тюркской антропоники вообще.

Широкая эрудиция в области тюркологии и русистики позволила Н. А. Баскакову дать исчерпывающую информацию об истории возникновения многих известных в России фамилий. Анализируя в различных аспектах ту или иную фамилию, автор исходит из общих закономерностей образования русских фамилий тюркского происхождения. В подавляющем большинстве случаев ему удалось установить, была ли данная фамилия заимствована из тюркской среды в первоизданном виде или же образовалась впоследствии, в результате принятия русского подданства тем или иным тюркским князем и вельможей и его ассимиляции в русской среде.

Благодаря четкой лингвистической классификации автору удалось дать весьма убедительную этимологию большинства русских имен и фамилий тюркского происхождения.

В отличие от всех прежних работ в данной области, включая и «Ономастикон» С. Б. Веселовского, в книге Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения» впервые в русистике и тюркологии дается столь полное и всестороннее толкование антропонимов. С такой труднейшей задачей мог справиться только ученый, прекрасно знающий не только структуру и историю тюркских и славянских языков, но и хорошо осведомленный в области истории русского и тюркских народов и их многовековых этнолингвистических контактов. Как убедительно показывает рецензируемое издание, именно таким ученым и является Н. А. Баскаков.

В своей книге Н. А. Баскаков не только лингвистически проанализировал отдельные имена и фамилии, но и подробно охарактеризовал историю их возникновения, проследив одновременно их эволюцию и семантическое развитие. Ныне такие фамилии, как *Булгаков*, *Дашков*, *Бутурлин*, *Куракин*, *Козлов*, *Тургенев*, *Татищев*, *Суворов*, *Тализин*, *Цуриков* и десятки других им подобных, воспринимаются как исконно русские. На основании всестороннего лингвистического и исторического анализа Н. А. Баскаков убеждает читателя в их тюркском происхождении.

Однако значение книги Н. А. Баскакова не исчерпывается сказанным. Изучение истории антропонимов позволяет восстановить историю формирования и расселения народов. Тот факт, что по именам жителей античных городов Северного Причерноморья Л. Згуста смог определить этнический состав населения этой территории, весьма показателен с данной точки зрения. В настоящее время в ГДР лейпцигская ономастическая группа под руководством Р. Фишера и Э. Эйхлера всесторонне исследует личные имена средневековой Германии с целью изучения истории славяно-германских этнолингвистических связей. Огромная работа в этой области проделана известным французским лингвистом Албером Доза. Благодаря зафиксированным в древних письменных источниках В. И. Абаевым и другими учеными собственным именам иранцам удалось реконструировать общие черты и особенности скифского языка. Аналогичную роль для истории русского народа и истории русского языка призвана сыграть и рецензируемая книга Н. А. Баскакова.

Вместе с тем, признавая несомненную значительность труда в целом, нельзя не указать на отдельные моменты, выпавшие, к сожалению, из поля зрения автора. Обращает внимание, например, расхождение между этимологизациями одних и тех же фамилий в рецензируемой книге и в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского, что никак не оговаривается и не объясняется Н. А. Баскаковым. Так, например, по Н. А. Баскакову, первые сведения о фамилии *Альмовых* относятся к 1623 году (стр. 127); о фамилии *Балашовых* — к 1741 году (стр. 110); о фамилии *Аракчеевых* — к 1667 году (стр. 115); о фамилии *Архаровых* — к 1617 году (стр. 128); о фамилии *Шалимовых* — к 1741 году (стр. 137); о *Мансуровых* — к 1513 году (стр. 59—60) и т. д. У С. Б. Веселовского указаны другие даты [*Альмовы* — первая половина XVI века, *Балашовы* — 1498 год, *Аракчеевы* — XV век (причем говорится, что родоначальник «Евстафий Аракчей, крещеный татарин, дьяк великого князя Василия Темного»); *Архаровы* — 1556 год, *Шалимовы* — третья четверть XV века, *Мансуровы* — 1495 год (см. стр. 13, 14, 23, 16, 360, 193)]. Примеры можно умножить.

Недостаточно убедительно, на наш взгляд, этимологизированы и отдельные антропонимы, такие, например, как *Аракчеев*, *Ахвердов*, *Бутурлин*, *Колтовский*, *Ишхан*, *Кочубей*, *Поливанов*, *Сабуров*, *Суворов*, *Цуриков*, *Шалимов*, *Шарапов* и некоторые другие.

Автор пишет, что «фамилия Аракчеев происходит от тюркского прозвища агадѣу 'пьяница, тот кто любит вино'» (стр. 115). Номинативное значение тюркских слов агадѣу, џахугѣу ~ џагадѣу 'винодел'. По всей вероятности, род Аракчеевых занимался виноделием. Сказанное тем более вероятно, что автор книги отмечает происхождение

Аракчсева «из древней благородной фамилии» (стр. 115).

Говоря о фамилии *Ахвердов*, Н. А. Баскаков замечает, что «происходит она от собственного имени *Ахверди* ~ *Аллаверди*, которое, в свою очередь, восходит к арабском *allah* 'бог' и тур. *verdi* 'дал'» (стр. 250).

Анлагуное *h* тюркских имен в русском языке передается либо через *г*, *х*, либо же в случаях, когда *h* стоит перед *a*, — вовсе не пишется и не произносится [ср. *Hāsān* — *Гасан* (*Хасан*), *Asan*; *Hābib* > *Хабиб* (*Габиб*): *Naqverdi* > *Хакверди* (*Ахверди*) и т. д.]. Поэтому первым компонентом фамилии *Ахвердов* является арабское *naqq* 'дар, вознаграждение'. Следовательно, *Ахверди* (*Naqqverdi*) означает «дар Истины» (*Аллаха*), а не *Аллахверди* (Богдан < Богом данный), как полагает Н. А. Баскаков.

Фамилию *Бутурлин* (стр. 250) автор возводит к тюркскому звукоподражательному *rutur* ~ *butur* 'шум, жужжание' и его глагольной форме *ruturda* ~ *ruturda* 'шуметь, жужжать', что маловероятно. Сказанное может быть отнесено и к фамилии *Колотовский* (стр. 90), ибо тюркское *qoltuq* 'подмышки' или *qoltuqla* 'брать под мышки' вряд ли могло адаптироваться в русском языке в «колот». Скорее всего данная фамилия восходит к русским словам «колоть» или «колотить» (?). Не убедительна и этимология слов *атабег* и *ишхан* (стр. 97—98). Дело в том, что фамилия *Атабек* как у азербайджанцев, так и у армян и грузин связана с должностью атабеков (XII—XIV вв.), а не с *ата* и *бек*, как полагает автор⁸, а *ишхан*, по-видимому, восходит не к персидскому *išān* 'они', а к древнеиранскому *xšāpa* 'царь, правитель, князь'⁹. Название севанской рыбы — *форели* «королевская» (ср. перс. *šahmaī*) также восходит к *ишхан* 'царь, король'. Этимология двух последних слов требует дополнительного уточнения.

⁸ Об этом см.: *Р. Ачарян*. Этимологический корневой словарь армянского языка (на арм. яз.). Т. I. Ереван, 1971, стр. 88; *В. Н. Габиашвили*. Грузия и тюркский мир в XI—XII вв. (на груз. яз.). В кн. — «Восточная филология». Т. III. Тбилиси, 1973, стр. 92—99; *З. М. Бунятов*. Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1978.

⁹ См.: *Р. Ачарян*. Указ. раб., т. II. Ереван, 1973, стр. 246.

Сказанное в известной мере относится и к фамилиям *Талызин*, *Сабуров*, *Суворов*, *Шалимов* и *Шарапов*. По мнению автора, фамилия *Талызин* «происходит» либо из двух тюркских слов *taq* 'одинокий, печетный, непарный' + *iyldyz* 'звезда' > *taq(j)yldyz* 'одинокая звезда, вечерняя звезда' или из того же сложного слова *taq iyldyz* + аффикс *-ly* > *taq(j)yldyz(ly)* 'имеющий, тамгой одну звезду', либо от одного слова, имеющего своей основой монгольский глагол *taudalza* ~ *tayalda* ~ *tayalduza* 'следовать, идти, пританцовывать, за кем-либо по пятам'» (стр. 63). Таким образом, автор не высказывает определенного мнения об этимологии фамилии *Талызин*, к тому же от *taq/taqa* + *(j)yldyz(ly)* в русском языке вряд ли можно получить форму *Талызин*, ибо сомнительно, чтобы этот антропоним мог быть разделен на два номинативных компонента.

Что касается антропонима *Шалимов*, то это, следует думать, еврейская форма арабского *Селим/Салим* (ср. *Шалем* ~ *Салим* 'мир, покой', *шук* ~ *сук* 'рынок' и т. д.), а не сочетание перс. *šah* 'шах' + араб. *alim* 'ученый, просвещенный', как пишет автор книги (стр. 137).

Этимологии антропонимов *Шарапов*, *Сабуров*, *Суворов*, с нашей точки зрения, также требуют дополнительного уточнения, ибо первый из них вряд ли происходит от основы *šagar* 'вино' или *šagaī* 'честь, слава', по-видимому, этимология, предложенная С. Б. Веселовским, более реальна (см. «Ономастикон», стр. 361). Арабское *sabr* и тюркское *šabir* в русском языке вряд ли могли адаптироваться в *sabur* > *sabur* + *ov* (*Сабуров*), как полагает Н. А. Баскаков. Более правдоподобно мнение С. Б. Веселовского о том, что *Сабуров* образован от *шабур/сабур* 'домотканина, сермяжина, зипун' (стр. 276). Видно, Сабуровы были либо портными, либо текстильщиками, откуда и их прозвище-фамилия.

Все сделанные нами замечания являются отдельными частностями, которые никоим образом не умаляют высоких достоинств рецензируемого труда, представляющего собой ценный вклад как в русистику, так и в тюркологию. Нет никаких сомнений, что данная работа Н. А. Баскакова станет настоящей книгой всех ученых, занимающихся исследовавшим антропоними, составлением толковых и этимологических словарей личных имен, а также специалистов в области исторической лексикологии.

Л. Г. Гулиева, В. Л. Гукасян

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА»

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, КАЗАНЬ, 1979, 175 стр.

Рецензируемая книга продолжает серию сборников, издававшихся по татарской диалектологии под названиями: «Материалы по диалектологии» (Казань, 1955) и «Материалы по татарской диалектологии» (Казань, 1962, 1974, 1976, 1978). В рецензируемом сборнике представлены статьи научных сотрудников сектора языка Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР. В данный сборник включены статьи, посвященные проблемам истории формирования отдельных татарских говоров, распространенных главным образом за пределами Татарской АССР. Исключением составляют статьи Ф. С. Баязитовой «К истории формирования говоров крещеных татар» и частично Л. Т. Махмутовой «Некоторые материалы по лексике мишарского диалекта татарского языка (тюркский пласт)».

На основе анализа большого лингвистического, историко-этнографического материала и архивных источников авторы статей делают выводы об этническом составе носителей рассматриваемых говоров и об условиях формирования последних.

Сборник подготовлен к печати под редакцией заведующей сектором языка института Л. Т. Махмутовой.

За последние годы татарская диалектология достигла значительных успехов. Вышедшие ранее диалектологические сборники получили положительную оценку в тюркологической литературе. Значительным достижением татарских диалектологов следует считать и составление первого тома «Диалектологического атласа татарского языка», издание «Диалектологического словаря татарского языка» (Казань, 1969).

Рецензируемый сборник начинается с краткого предисловия, в котором охарактеризованы основные задачи и тематика представленных в книге статей.

В содержательной и основанной на богатом историко-этнографическом и лингвистическом материале статье Д. Б. Рамазановой «К вопросу о формировании белебеевского подговора мензелинского говора среднего диалекта татарского языка» широко освещается отношение белебеевского подговора мензелинского говора к татарскому и башкирскому языкам. Как известно, татарские говоры, распространенные на территории Башкирской АССР, оставались недостаточно исследованными в лингвогеографическом плане. Поэтому как в вопросах взаимоотношений татарских говоров на территории Башкирской АССР, так и их формирования и этногенеза местного татарского населения не было достаточной ясности.

В статье Д. Б. Рамазановой на основе историко-этнографических и архивных ис-

точников, данных легенд, бытующих среди местного населения, и, главное, лингвистических фактов определяется язык местных татар юго-западной области Башкирии как белебеевский подговор мензелинского говора среднего диалекта.

Формирование татарских говоров юго-запада Башкирии, по мнению Д. Б. Рамазановой, происходило при участии различных этноязыковых компонентов. Особенно важную роль в этом процессе сыграли казанские татары, вошедшие в тесный контакт с местным населением.

Анализируя фонетические особенности белебеевского подговора, автор приходит к выводу об их близости к фонетической системе татарского литературного языка, хотя этот подговор и подвергся влиянию башкирского языка. По мнению Д. Б. Рамазановой, белебеевский подговор формировался в результате взаимовлияния башкирского и татарского языков; язык казанских татар, оказавший сильное влияние на окружающие говоры, и сам подвергся воздействию местного языка.

В статье «Говор златоустовских татар» Т. Х. Хайрутдинова на материале татарских говоров, распространенных в Салаватском, Мечетлинском, Кигинском, Дуванском и других районах Башкирской АССР, прослеживает их формирование и предлагает совокупно называть «говором златоустовских татар».

В работе много внимания уделяется истории заселения указанной территории, что до Т. Х. Хайрутдиновой в специальной литературе не освещалось.

Выводы автора опираются на данные архивных и исторических материалов, которые позволяют ей утверждать, что в формировании говора златоустовских татар основную роль сыграли носители среднего диалекта. Помимо носителей среднего диалекта, в формировании рассматриваемого говора принимали участие и носители мишарского (западного) диалекта. Одновременно говор златоустовских татар испытывал влияние и башкирских говоров.

Выводы Т. Х. Хайрутдиновой находят подтверждение в фонетических и грамматических особенностях этого говора.

Автор прослеживает некоторые фонетические и морфологические явления, отражающие взаимодействие разных диалектных систем (среднего и мишарского диалектов) татарского языка с окружающими башкирскими диалектами. Отличительные особенности говора златоустовских татар от других татарских говоров и от татарского литературного языка обусловлены этим взаимодействием. К сожалению, в статье Т. Х. Хайрутдиновой в основном отмечается наличие или отсутствие тех или иных явлений в том или ином говоре или

диалекте татарского и в других тюркских языках без достаточной последовательного и глубокого лингвистического (исторического) анализа этих фактов.

Статья З. Р. Садыковой «Формирование говоров оренбургских татар» посвящена истории формирования и классификации татарских говоров на территории Оренбургской области.

Несмотря на то, что эта территория заселялась татарами сравнительно позднее других регионов, расположенных за пределами Татарской АССР, она сложна для исследователя. Дело в том, что Оренбургский край татары заселяли постепенно, начиная со второй четверти XVIII века, и самое главное, носители говоров среднего и мишарского диалектов появились в этом регионе в разное время. В ряде случаев в одном и том же населенном пункте взаимодействуют говоры двух основных диалектов татарского языка — среднего и мишарского. На той же территории контактировали ятские и различных этносов: татар и башкир, кундровских татар (ногайцев) и татар и т. д. Все эти обстоятельства создают дополнительные трудности диалектного членения татарских говоров Оренбуржья, впрочем, успешно преодоленные автором.

З. Р. Салыкова также дает краткий обзор истории заселения края. Вторая часть статьи посвящена описанию фонетических особенностей татарских говоров Оренбургской области.

Отметив, что татарское население Оренбуржья состояло из различных сословий и этнических групп (тептярей, бобылей, ясашных татар башкир, служилых татар мишарей, ногайцев, нагайбаков и др.), З. Р. Садыкова приходит к выводу, что здесь бытуют два говора, относящихся к среднему и мишарскому диалектам татарского языка, которые автор предлагает назвать: «оренбургский говор среднего диалекта» и «говор оренбургских мишарей». Правомерность введения таких названий подтверждается, в частности, приведенным в статье фонетическим материалом, и тем, что в формировании оренбургского говора среднего диалекта принимали участие представители различных говоров среднего диалекта, в том числе мензелинского и заказанского. Как показывает фактический материал, приведенный в статье, рассматриваемый говор заметно отличается от собственно мензелинского и заказанского говоров, так как он подвергся воздействию соседних мишарских говоров и испытал частичное влияние башкирского и казахского языков.

Заслуживает внимания приведенный З. Р. Садыковой материал, подтверждающий участие ногайского компонента в формировании татарских говоров Оренбуржья. В силу того, что ногайцы среди татарского населения составляли меньшинство, их говоры утратили почти все свои специфические черты, однако некоторые сохранившиеся можно квалифицировать как ногайские субстратные.

К сожалению, ряд населенных пунктов, где проживали в свое время ногайцы, остался вне поля зрения З. Р. Садыковой. Поэтому приведенный в статье материал недостаточно, на наш взгляд, полон. Полагаем, что автор в дальнейшем посвятит специальную работу татарско-ногайским языковым связям.

Положительной оценки заслуживает стремление З. Р. Садыковой учесть и внелингвистические факторы. Так, например, различную степень влияния среднего диалекта на мишарские говоры Оренбуржья она объясняет: 1) временем переселения; 2) количественным соотношением мишарей и носителей среднего диалекта; 3) территориальным расположением; 4) характером контактов. Со всем этим нельзя не согласиться.

Автором учитываются и культурно-экономические связи татар с соседними казахами. Как отмечает З. Р. Садыкова, «казахский язык оказал некоторое влияние на говор татар данного региона в области морфологии и лексики». Это обстоятельство позволило автору выделить его в самостоятельный урало-сакарский подгрупп оренбургского говора среднего диалекта. Автор статьи ограничивается, однако, лишь приведенными фактами, не объясняя причины отсутствия влияния казахского языка в области фонетики.

В статье Ф. С. Баязитовой «К истории формирования говоров крещеных татар» рассматривается формирование различных говоров (заказанских, чистопольских и др.) кряшен. Формирование говоров исследуется автором в тесной связи с историей и этнографией крещеных татар.

Крещеные татары представляют собой этническую группу, развивающуюся в некоторой изоляции от основной массы татарского народа. Поэтому языковой материал говоров крещеных татар представляет большой интерес для исторической диалектологии, в частности, и для истории татарского языка в целом.

Как известно, архаические особенности хорошо сохраняются в условиях изоляции говоров и диалектов.

Говоры отдельных групп крещеных татар описывались рядом авторов (Н. Б. Бургановой, Г. К. Якуповой, Ф. Ю. Юсуповым, Л. Ш. Арслановым). Однако полной классификации говоров крещеных татар на территории Татарской АССР и за ее пределами до сих пор не было. Рецензируемая статья Ф. С. Баязитовой восполняет этот пробел татарской диалектологии: автором проведена группировка говоров и подговоров на основе фонетических, морфологических и лексических показателей. Ф. С. Баязитова выделяет следующие говоры: 1) говор заказанских кряшен; 2) говор чистопольских кряшен; 3) говор кряшен Нижнего Прикамья; 4) говор подберезинских кряшен; 5) говор нагайбаков.

К сожалению, ограниченность объема статьи не позволила автору остановиться на последних двух говорах. Хотя бы краткая

информация о них расширила бы наше представление о говорах крещеных татар, тем более, что материалы о них, в частности, о говоре подберезинских крящен, опубликованы давно, автором же собран свежий материал.

Заказанский говор крящен подразделяется на несколько самостоятельных подговоров, характеризующихся специфическими для каждого из них особенностями.

По мнению Ф. С. Баязитовой и других исследователей, заказанская группа говоров является наиболее древней. Поэтому в ней законсервировались архаичные особенности, характерные для отдельных тюркских (в частности, для ногайского и чувашского) и финноугорских языков (удмуртского, марийского), которые проявляются в основном в фонетике и морфологии. Так, например, в заказанском говоре крещеных татар (по Ф. С. Баязитовой — мешинский подговор), живущих у реки Меши, и в говоре с. Ташкирман наблюдается употребление чистого открытого гласного *a* дуазского (ногайского) типа и широкого гласного *э* (близкого к ногайскому *e*), а также аффрикат *tç*, *дж* и т. д., сближающих эти говоры с ногайским языком.

Аналогичные особенности обнаруживаются и в области морфологии, например: наличие личных местоимений *маңа* 'мне', *саңа* 'тебе', употребление частицы *че* для выражения удивления или утверждения и т. д., также сближающие заказанский говор крещеных татар с ногайским языком. Роль ногайского компонента в формировании заказанских говоров татарского языка признают историки, археологи и этнографы.

В кукморском подговоре заказанского говора, в отличие от других, обнаружены общие с удмуртским языком особенности. Так, по данным Ф. С. Баязитовой, в говоре с. Ошторма-Юмья звук *a* произносится неогубленно, звуки *k*, *g* являются заднеязычными, в именах собственных ударение падает на последний звук (Бал'а, Тан'а, Одок и др.). Подобные явления характерны для удмуртского языка. Эти особенности, думается, должны рассматриваться как удмуртское субстратное явление.

Говор чистопольских крященых татар отличается от других говоров наличием особенностей, присущих мишарскому диалекту татарского языка.

Ф. С. Баязитова делит говор крещеных татар Нижнего Прикамья на елабужский, бакалинский, челнинский, зайинский подговоры.

Наряду с особенностями, общими с другими говорами крещеных татар, в говоре крещеных татар Нижнего Прикамья отмечаются следы воздействия мензелинского говора татарского языка, прежде всего на бакалинский подговор.

В говорах отдельных селений крещеных татар Бакалинского района Башкирской

АССР, а также Мензелинского района ТАССР наблюдаются некоторые фонетические и морфологические явления, обусловленные чувашским, марийским и мишарским субстратами.

Завершает сборник статья Л. Т. Махмутовой «Некоторые материалы по лексике мишарского диалекта (тюркский пласт)», отличающаяся своим высоким научным уровнем. Автор в своих выводах опирается на материалы нескольких системно-семантических групп лексики мишарского диалекта татарского языка и данные других тюркских языков. В статье анализируются термины родства и свойства, названия частей тела и внутренних органов человека и животных, продуктов питания, злаков, овощей, фруктов, ягод, наименования, относящиеся к земледельческому хозяйству, и другие лексико-семантические группы слов.

Лексико-семантический анализ мишарского диалекта татарского языка по тематическим группам позволил автору статье привлечь большой сравнительный материал из других тюркских языков и точнее установить древний тюркский пласт мишарской лексики, определив отношение мишарского диалекта татарского языка к другим тюркским языкам.

В статье рассматривается лишь небольшая часть лексики (только имена существительные) мишарского диалекта. Но и этого достаточно, чтобы убедить читателя в том, что «тюркский пласт мишарской лексики сохранил значительное число древних кыпчакских и несколько меньше огузских слов и их значений».

Как указывает автор, «изучение лексического богатства мишарского диалекта подтверждает правильность выводов, касающихся вопросов истории формирования мишарского диалекта и его носителей — мишарей — одной из наиболее многочисленных и интересных этнографических групп татарского народа».

К сказанному можно добавить, что материалы и выводы, сделанные в статье, имеют непосредственное отношение к истории лексики не только кыпчакских, но и всех тюркских языков.

К сожалению, в сборник не вошла материалы по островным говорам Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского края и др.

Следует отметить высокий научно-теоретический уровень редакции сборника, осуществленной Л. Т. Махмутовой.

К сборнику приложены «Принятые сокращения» и «Отсылочная библиография». Содержание сборника свидетельствует о том, что татарскими диалектологами накоплен добротный качественный материал, который, несомненно, будет использован при создании исторической диалектологии татарского языка.

Л. Ш. Арсланов, Р. Г. Салихов

ХАБИЧЕВ М. А. ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

ЧЕРКЕССК, КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА, 1980, 152 стр.

С древнейших времен Кавказ, метко называемый «горой языков», удивлял людей своей уникальной многоязычностью. Эта многоязычность сохранилась до наших дней. В настоящее время на территории Кавказа представлен целый ряд древнеписьменных, младописьменных и бесписьменных языков, принадлежащих различным языковым семьям: индоевропейской (русский, украинский, армянский, осетинский, курдский, татский, талышский, греческий), тюркской (азербайджанский, кумыкский, карачаево-балкарский, ногайский), иберийско-кавказской (грузинский, абхазский, адыгейский, кабардинский, мегрельский, сванский, чеченский, ингушский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский, табасаранский и т. д.).

Одни из кавказских языков являются основными на территории советских социалистических республик Кавказа (азербайджанский, армянский, грузинский), другие имеют сравнительно ограниченные ареалы (кумыкский, карачаево-балкарский, осетинский, абхазский, кабардинский, чеченский, аварский, лезгинский). Для языков второй группы уже в первые годы Советской власти была создана письменность, и все они имеют вполне сформировавшуюся национальную литературную традицию. Развитие этих языков происходит в весьма благоприятных условиях при положительном воздействии как внутренних, так и внешних факторов. На Кавказе встречаются также некоторые бесписьменные языки, функционирующие в узком кругу их носителей, которые, как правило, двуязычны. С другими народами они общаются при помощи языков, принадлежащих к указанным выше двум группам. Именно поэтому, несмотря на пестроту лингвистической карты, малые народности Кавказа не испытывают каких-либо трудностей в общении с различными национальностями этого региона.

Интересно отметить, что степень изученности языков Кавказа не одинакова, хотя преобладающее их большинство изучено специалистами, а полученные результаты опубликованы. В то же время существуют многочисленные диалекты и говоры некоторых языков и даже целые языки, все еще не ставшие объектом научного исследования. До сих пор изучение различных языков Кавказа проводилось, как правило, изолированно. Факты того или иного языка рассматривались в его собственных пределах, либо же сравнивались с фактами других языков в целях установления генетического родства с определенной языковой группой. А такой существенный и важный процесс, как историческое взаимодействие языков Кавказа, принадлежащих

к различным семьям, сильно сказавшееся на основе каждого из них, почти полностью игнорировался.

Народы Кавказа, на протяжении многих веков жившие по соседству, всегда находились в тесных контактах и для общения друг с другом пользовались более распространенным языком. В связи со значительной ролью экстралингвистических факторов, сопутствовавших историческому процессу развития языков Кавказа, в каждом из них происходили существенные изменения, связаны со взаимовлиянием. Таким образом, возник вопрос о необходимости комплексного изучения этих языков, и в этом направлении учеными уже кое-что сделано.

Рецензируемая книга М. А. Хабичева «Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа» олицетворяет собой новое направление в многогранной исследовательской деятельности ученого, видного специалиста по грамматике карачаево-балкарского языка. Будучи итогом более чем двадцатилетней работы автора, она, несомненно, привлечет внимание как тюркологов, так и прежде всего исследователей абхазо-адыгских, мегрельского, сванского, а также осетинского языков.

В предисловии к книге М. А. Хабичев, имея в виду опубликованные работы по тюркским, иберийско-кавказским и осетинскому языкам и их связям, отмечает, что все они «... страдают одним общим недостатком — отсутствием анализа данного языкового материала на основе карачаево-балкарского языка» (стр. 8). Автор говорит о значении карачаево-балкарского языкового инвентаря для углубленного изучения других тюркских языков: «Окруженный в течение многих веков неродственными языками, карачаево-балкарский язык сохранил ряд признаков, присущих древнетюркским языкам» (там же).

Карачаево-балкарский языковой инвентарь представляет большой интерес также для изучения иберийско-кавказских и осетинского языков, носители которых находились в исторических контактах с карачаево-балкарцами на Западном Кавказе. Карачаево-балкарский язык отличается рядом специфических особенностей, возникших в результате его изолированного развития от остального тюркоязычного мира. В то же время многие карачаево-балкарские слова проникали в абхазо-адыгские, мегрельский, осетинский и сванский языки (стр. 9). Для специалистов по иберийско-кавказским языкам небезынтересно следующее утверждение М. А. Хабичева: «... В научных исследованиях господствует неверная точка зрения, будто большинство тюркизмов в осетинском, абхазо-адыгских,

мегрельском и сванском языках не результат влияния древнекарачаево-балкарского, а наследие турецкого, татарского, полочецкого и других языков. Мы не отрицаем определенного влияния турецкого, крымско-татарского, ногайского, полочецкого и т. д. языков на лексику языков Западного Кавказа. Однако изучение заимствований приводит к бесспорному выводу о том, что подавляющая часть тюркизмов языков Западного Кавказа по значению, звучанию, составу, грамматическим признакам и употреблению восходит к карачаево-балкарскому языку. Поэтому нечего строить догадки о возможном заимствовании слова из какого-то другого языка. Карацаевцы в подобных случаях говорят: „Хотя охотник и видит самого медведя, но почему-то ищет его след“ (стр. 9).

Работа М. А. Хабичева базируется на богатом, тщательно проверенном, и, следовательно, достоверном языковом материале, анализ которого представлен в двух частях книги: «Карацаево-балкаризмы в абхазо-адыгских, мегрельском, осетинском и сванском языках» (стр. 10—127) и «Заимствования из иберийско-кавказских и осетинского языков» (стр. 127—144).

В начале первой части приводятся краткие сведения об исторических причинах образования заметного пласта карацаево-балкарских слов в абхазо-адыгских, мегрельском, осетинском и сванском языках. Указываются также звуковые особенности карацаево-балкарского языка, отличающие его от других тюркских языков. По наблюдениям автора, заимствованные карацаево-балкарские слова, подчиняясь внутренним закономерностям абхазо-адыгских, мегрельского, осетинского и сванского языков, подверглись в них частичным изменениям. М. А. Хабичев систематизирует основные типы звуковых изменений карацаево-балкаризмов в абхазском, абазинском, адыгском, кабардино-черкесском, осетинском, сванском и мегрельском языках.

Автором приводится основной лексический материал, классифицированный по лексико-семантическим группам: названия родства, частей тела, природных явлений, растительного мира, диких и домашних животных, различных блюд, продуктов, вино-водочных изделий, медицинские термины, мифологические названия, обряды, обычаи, отвлеченные существительные, названия материальной культуры, различных качеств и цветов, количеств, действий, местоименные и междометные слова, этнические названия, заимствования с карацаево-

балкарскими аффиксами *-чы, -лы, -сыз, -лыкъ*, сложные слова с карацаево-балкарскими частями. Таким образом, в книге полностью охватывается сфера влияния карацаево-балкарского источника на другие языки Западного Кавказа.

В каждой лексико-семантической группе языковой материал автором систематизирован в виде словарных статей с начальным карацаево-балкарским словом в порядке карацаево-балкарского алфавита, после чего приводятся соответствующие лексические эквиваленты на языках Западного Кавказа.

В работе имеется вспомогательный раздел «Слова, вошедшие в соседние языки из других тюркских языков» (стр. 123—127), где автор делает попытку восстановить некоторые лексические элементы кумыкского, турецкого и прочих тюркских языков в абхазо-адыгских, мегрельском, осетинском и сванском языках.

Вторая часть исследования посвящена осетинизмам в карацаево-балкарском языке, адыго-абхазским заимствованиям, заимствованиям из сванского языка, мегрелизмам, словам, заимствованным из грузинского языка. Осетинизмы и адыго-абхазские заимствования, согласно авторской лексико-семантической группировке, объединяются в соответствующих подразделах. Последующие разделы, посвященные заимствованиям из карацаево-балкарского языка, невелики по объему, что нельзя ставить в упрек автору, поскольку из карацаево-балкарского языка в сванский, мегрельский, грузинский языки вошло довольно мало лексических элементов.

В работе нашли отражение лексические материалы тюркских, иберийско-кавказских и осетинского языков не только Западного Кавказа, но и языков тех же семей других ареалов. Книга может быть полезна этимологам кавказских языков.

Несмотря на безусловные достоинства исследования, следет отметить и некоторые упущения автора. В раздел «Общекавказские слова» попали слова, хотя и употребляющиеся почти во всех языках Кавказа, однако представляющие собой заимствования, например: *anas* 'двадцать копеек' происходит от персидского *абаси*, в свою очередь, восходящего к арабскому антропониму *Абас*. Представляется слишком малым тираж книги (всего 500 экз.).

Книга М. А. Хабичева «Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа», несомненно, будет с интересом прочитана как тюркологами, так и специалистами по иберийско-кавказским языкам.

А. А. Ахундов, Ш. М. Саидиев

Р. БЕРДИБАЕВ. ҚАЗАҚ ТАРИХИ РОМАНЫ

«ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1979, 240 стр.

Жанр романа является одним из самых молодых в казахской литературе. И, несмотря на это, он представлен уже целым рядом значительных произведений. Весьма плодотворно развивается и казахский исторический роман, восходящий к богатейшим фольклорным традициям. Формированию жанра исторического романа и проблемам его дальнейшего развития в казахской литературе и посвящена рецензируемая книга Р. Бердибаева.

Автор исследования отмечает, что в современной отечественной литературе исторический роман занимает почетное место. Это объясняется стремлением писателей глубоко проникнуть в исторические процессы, художественно раскрыть их значение в судьбах народа.

Первая часть книги Р. Бердибаева посвящена подробному исследованию произведения Мухтара Ауэзова «Абай жолы» («Путь Абая»), положившего начало жанру казахского исторического романа.

Любовь писателя к родному народу, прекрасное знание его истории, быта, культуры, а также классической литературы Востока подали М. Ауэзову идею романа об Абае Кунанбаеве. В процессе подготовительной работы к этой эпопее им были написаны повести «Қараш-Қараш», «Қилы заман», многочисленные рассказы, трагедия «Абай».

Колоссальный труд вложил М. Ауэзов в сбор и публикацию материалов биографии Абая и его рода. Писатель тщательно изучил исторические особенности эпохи, в которую жил Абай. Он глубоко проник в процесс становления и развития мировоззрения Абая как выдающейся творческой личности, проследил его влияние на всю последующую казахскую литературу и культуру в целом. М. Ауэзов показал убедительными художественными средствами также роль демократической русской литературы в творческой судьбе Абая, в первую очередь таких классиков, как Пушкин, Лермонтов, Крылов, Белинский, Чернышевский, Толстой, Салтыков-Щедрин.

Р. Бердибаев убедительно прослеживает пути совершенствования художественного мастерства М. Ауэзова в процессе работы над романом «Путь Абая», в котором нашли яркое воплощение принципы литературного метода социалистического реализма.

Автор монографии пишет об особенностях прозы М. Ауэзова, сочетающей лиризм в описании природы с глубоким психологизмом в раскрытии характеров героев. Особо говорится о новаторстве писателя в области развития казахского литературного языка.

Путем сравнения первых и последующих изданий романа Р. Бердибаев вводит читателя в творческую лабораторию писате-

ля, показывает его кропотливую работу над стилем и словом, его стремление добиться максимальной выразительности.

Вторая часть рецензируемой книги, названная «Грани жанра», посвящена обзору казахских исторических романов, созданных уже после «Пути Абая».

Р. Бердибаев справедливо отмечает, что одной из ведущих тенденций современного этапа развития казахской литературы является стремление к глубокому раскрытию, критическому осмыслению роли выдающихся личностей и крупных событий минувшего в истории народа. Эта особенность характерна, например, для романа И. Есенберлина «Алмаз кылыш» («Булатный меч»), ставшего заметным явлением в современной казахской литературе. Р. Бердибаев считает главным достоинством этого произведения широкий показ жизни казахов в XV веке, эпохе, еще недостаточно исследованной даже специалистами-историками. В этой же главе анализируются также два других исторических романа И. Есенберлина «Қаһар» («Ярость») и «Жанталас» («Отчаянная борьба»).

В главе «Глазами современника» говорится о романах А. Алмжанова «Қараван идет к солнцу», «Стрела Махамбета», «Голец», повести «Подарок из Отрара». Наряду с достоинствами романов автор указывает и их недостатки, в особенности критикуя язык персонажей, не всегда точный и выразительный.

Р. Бердибаев отмечает, что в жанре казахского исторического романа за короткое время уже сложились определенные традиции, нашедшие свое яркое воплощение в целом ряде талантливых произведений, в частности, посвященных таким выдающимся деятелям национальной культуры, как Чокан Валиханов, Султанмахмұт Торайғыров, Ахансери Қорамсаулы, Базар Утемисұлы. Роман писателя старшего поколения Сабита Муканова «Аққан жұлдыз» («Метеор») (о Ч. Валиханове) расценивается автором монографии как значительное достижение казахской литературы, правдиво отобразившее социальную и культурную жизнь казахов после вхождения Казахстана в состав России.

В других разделах главы «Продолжение традиций» рассматриваются общие особенности романов Д. Абилева «Ақын арманы» («Мечта поэта»), молодого прозаика С. Жунисова «Ақан сері».

В монографии подчеркивается, что, хотя казахский роман уже характеризуется определенными сложившимися традициями, произведения отдельных писателей несут отпечаток их творческой индивидуальности. Если некоторые из них полностью озадачены требованиями, предъявляемыми к стилю современной прозы, то другие продолжают тяготеть к устной народной литературе, творчески используя ее опыт и

приемы. В этом отношении большой интерес представляет роман А. Токмагамбетова «Жыр Күмбезі» («Венец песни»), насыщенный историческими реалиями, этнографическим материалом, красочно повествующий о казахских народных певцах и поэтах долины Сырдарьи.

В четвертой главе книги проанализированы и прослежены новые черты, появившиеся в казахском историческом романе на примерах произведений А. Какилбаева «Аңыздың ақыры» («Конец легенды»), Д. Досжанова «Жібек жолы» («Шелковый путь»).

О широком развитии жанра исторической прозы в казахской литературе свидетельствует появление в последние годы, наряду с романами, драматических произведе-

ний, повестей, перечень которых приводится автором в конце книги.

В заключение автор характеризует сегодняшнее состояние исторического романа и место, которое он занимает в современной казахской литературе.

Вероятно, не все критики согласятся с Р. Бердибаевым в оценке отдельных произведений жанра исторического романа. Автора могут упрекнуть также в некоторых повторах, в различной степени внимания к отдельным произведениям и т. д.

Несомненным достоинством рецензируемой монографии является то, что в ней, впервые в литературоведении, дана широкая обобщенная картина становления и развития жанра исторического романа в казахской советской литературе.

К. Мусаев

H. SCHEINHARDT. TYPEN TÜRKISCHER ORTSNAMEN

HEIDELBERG. «CARL WINTER, UNIVERSITÄTSVERLAG», 1979, 376 стр.

В последние годы появился целый ряд фундаментальных исследований по проблемам тюркской ономастики, созданных на материале отдельных тюркских языков.

От обычного сбора и описания имен ученые перешли к их углубленному этимологическому анализу с привлечением данных всего тюрко-монгольского и даже тунгусо-маньчжурского ареала, внося, таким образом, существенный вклад в алтаистику в целом. Исследование топонимов, распространенных на территориях с тюркоязычным населением, способствовало освещению развития языковых контактов, уточнению путей миграций отдельных этнических групп. Отсутствие памятников с обширной фиксацией тюркского топонимикона, какими располагает, например, английская ономастика, где имеются записи географических имен, начиная со 150 года нашей эры¹, естественно делает необходимым углубленный сравнительно-сопоставительный анализ на широком тюрко-монгольском языковом фоне.

Накопленный опыт работы с именами позволяет приступить к решению и таких общелингвистических проблем, как ономастическая типология, сопоставление апеллятивного и топонимического словарей, апеллятив и топоним, коннотирование, соотношение в топонимиконе имен с откры-

той и закрытой семантическими структурами, терминология, углубленный словообразовательный анализ, специфика глагольных форм, звукоподражание, грамматическое оформление тюркского имени и т. п.²

Такой глубокий общетеоретический подход к анализу топонимического материала характеризует и рецензируемую монографию, которая является пятнадцатым выпуском серии «Доклады по ономастике», издаваемой Гейдельбергским университетом (Beiträge zur Namenforschung, neue Folge, in Verbindung mit Ernst Dickenmann und Jürgen Untermann herausgegeben von Rudolf Schützeichel, Beiheft 15). Книга появилась, по словам автора (стр. V—VI), как результат обработки фактического материала, собранного им в 1969/70—1975/76 учебных годах. Сбор данных, начатый Х. Шайнхардтом первоначально под рубрикой «Названия населенных пунктов в Хорасане», затем был им расширен за счет материала азербайджанского языка, а со временем доведен до общетюркской типологии фонологического и морфологического характера. Для этого автору пришлось изучить и систематизировать большое число сборников, газеттеров, словарей, монографий тюркологов разных стран — от Балкан до Сибири. Дополнительная трудность, успешно преодоленная Х. Шайн-

¹ K. Cameron. English Place-Names. — «London and Beccles». London, 1961, стр. 20.

² А. В. Супранская. Общая теория имени собственного. М., 1973.

хардтом, заключалась в существовании различных традиций транскрибирования тюркских и русских звуков.

Книга Х. Шайнхардта делится на три части: введение (стр. 1—98), раздел «Типология тюркских названий мест» (стр. 99—214) и «Приложение» (стр. 215—376). Во введении автором излагаются теоретические основы исследования, характеризуются интралингвистические и функциональные различия апеллятивов и имен, рассматриваются логико-функциональный аспект изучения имен, их семантическая значимость с лингво-функциональных позиций. Далее автор кратко описывает разные ономастические методы исследований. Х. Шайнхардт останавливается также на задачах типологии, месте ономастической науки среди других отраслей знания, ее методах, понятиях («тип — класс», «топонимастика, топонимика — топонимия»), предлагает аббревиатуры.

Для советского читателя монография интересна во многих отношениях: во-первых, в ней впервые связаны воедино исследования, проводящиеся по тюркокой ономастике в СССР, странах Европы, а также в Турции и Иране, показаны совпадающие моменты и различия в интерпретации фактов; во-вторых, обширность изученного региона позволила Х. Шайнхардту действительно впервые составить типологию тюркских названий мест; в-третьих, многие лингвистические явления, отмечающиеся в топонимии тюркских народов СССР, получили обоснованное подтверждение или были отклонены. В этом плане интересен помещенный во введении краткий, но конкретный обзор источников — 827 названий, причем очень полно представлены работы советских ученых.

Некоторые высказывания автора носят общеметодологический характер. Так, следуя за ходом рассуждений М. Сала и Ф. Солмсена, Х. Шайнхардт соглашается с ними в том, что подобно тому как чужие топонимы не могут проникнуть целиком в языковую систему, а только приспосабливаются к ней оставаясь на ее периферии, так и топонимы родного языка вытесняются из их исходной прямой связи и общности с ядром системы (в какой-то степени благодаря собственной динамике системы) на периферию этой системы. Со временем нечто подобное происходит как с чужими, так и с исконными именами. По убеждению Х. Шайнхардта, сказанное касается в первую очередь индогерманских языков; тюркские же топонимы в подавляющем большинстве концентрируются внутри или, по крайней мере, вблизи ядра тюркской языковой системы. Далее автор совершенно справедливо замечает: «„Диакритическая функция“ тюркских названий населенных пунктов проявляет себя в первую очередь не в отходе смыслоносительной звуковой оболочки от общего развития языка, приводящем тем самым к ее постепенному искажению. По крайней мере, в тюркских языках сильной тенденцией к ассимиляции

чужих имен не противостоит противоположная сила, способная превратить тюркские имена собственные в непонятные звуковые образы и отодвинуть их на периферию языковой системы» (стр. 17). Последнее замечание особенно важно, ибо в общих работах по лингвистике часто повторяется положение о собственных именах как «лексически неполноценных» словесных знаках, которые не коннотируют, лишены понятности и т. п. Собственные имена — понятие весьма широкое, включающее классы, по многим параметрам отличающиеся друг от друга. Количество топонимов с открытой семантической структурой в языках неодинаково. Так, в английском языке явно преобладают единицы с закрытой семантикой, в тюркских — большинство имен содержит и квалификативные характеристики, и определенную информацию о денотате.

Вторая часть книги посвящена фонологической и морфологической типологии тюркских названий населенных пунктов. Автор концентрирует внимание на особенностях вокализма и консонантизма, на ударении в исследуемых типах топонимов. Далее следуют два экскурса: а) о релевантности языковой географии для фонологической типологии названий населенных пунктов; б) о древних звуковых формах изучаемых топонимов. В морфологической типологии описываются и сводятся в наглядные схемы как простые (более 11), так и сложные суффиксы, участвующие в образовании имен.

Нам представляются правомерными также и некоторые уточнения, внесенные Х. Шайнхардтом в топонимические исследования. Так, интересным оказывается суждение автора о географическом названии *карасук*. Со ссылкой на статью В. Н. Поповой³ Х. Шайнхардт пишет: «Трудно понять, почему автор в своей дальнейшей аргументации не касается морфологической проблемы этого гидронима, а говорит только о „старой тюркской форме *suq*“ (?) как фонетическом варианте от *sub*, *suu*, *sur* „вода“. Если не учитывать наличия подобных форм в тувинском и кумандинском языках (*su* наряду с *suu*, *suq*, то имеются три возможности в казахской топонимии для толкования этих особенностей: а) Древнетюркский словарь (стр. 515 и след.): у Махмуда Кашгарского производное слово *suviq* (*suviq* встречается в значении „жидкий, водный“). Если предположить семантический переход к водным единицам, здесь было бы дано наиболее подходящее объяснение для казахского географического термина. В данном случае речь также может идти о производном слове от *suw* „вода“ с уменьшительным аффиксом *+oq*, что дало бы нам значение „маленькая вода, водичка“; б) чтобы принять указание „холодная во-

³ В. Н. Попова. О некоторых гидронимах Павлодарской области. — В сб.: «Языки и топонимия Сибири». Томск, 1966, стр. 21.

да", следовало бы иметь ввиду гапологию (при этом прежде всего возникла бы синтаксическая проблема: эта форма qaqa —su — suuıq 'грунтовая вода — холодная' в тюркских языках так же маловероятна, как и в немецком), или скорее всего предположить выпадение +su 'вода' после +suuıq 'холодный'. Скорее всего, в данном случае исходили бы из полной формы *qaqa —suuıqsu 'грунтовая холодная вода' или чего-то подобного; в) самой неубедительной возможностью было бы исходить, как и В. Н. Попова, из древнетюркской однократно засвидетельствованной формы suy 'вода'. Вероятно, эта форма географического термина, каким бы путем она ни образовалась, сохранилась только в географическом термине qaqaısuıq, чтобы утвердиться в языке в стяженном виде kaqa-sıq ~ kaqasuk, встречающемся и в русской географической терминологии, наряду с чаще отмечающимся географическим термином kaqasu 'озеро или река, питаемая грунтовыми водами'. Русские названия реки и города *Карасук* на юго-западе Новосибирской области представляют собой именно стяженные формы' (стр. 112).

Говоря о приобретении некоторыми тюркскими суффиксами топонимобразующих функций, Х. Шайнхардт высказывает сомнение по поводу выводов Е. К. Койчубаева об особенностях +Lo (G) в казахском языке⁴: 1) по мнению Е. К. Койчубаева, определение suıı 'прекрасный' по типологическим соображениям (!) не подходит к казахским топонимам Suluqarğaşıqı, Sulu-köl, Sulupistä, Sulutau, Sulutöbä, Sulutor и Suluşoqı. Исходя из другого казахского гидронима — Suliköl 'многоводное озеро', Е. К. Койчубаев считает, что в этом определяющем слове suıı+ сохранился более древний лабиально-гармонический вариант +lu современного казахского +li. В этом случае речь идет не о suıı 'прекрасный', а о suıı > suıı 'богатый водой'. На наш взгляд, это предположение не подходит для избранного топонима с определяемым suıı+; 2) Е. К. Койчубаев хотел бы связать +ti (ti/ti) с древнетюркским тау ~ ту (?) 'гора'. Речь идет о некоторых дублетах, приведенных и в «Кратком толковом словаре топонимов Казахстана» (Almatı и Almalı, Bugutı и Bugulı, Oläntı и Oländı и т. п.), в которых +ti/ti появляется нерегулярно и по казахским законам диссимиляции не может замещать +li. Х. Шайнхардт полагает, что это не тюркское тау 'гора', а монгольский элемент +tu/tü, связь его с +dı [согласно «Древнетюркской грамматике» А. Габен (параграф 382) общеалтайский формант в древнетюркском языке] может быть предположена благодаря внешнему сходству и широкому совпадению грамматической функ-

ции, однако эта связь не подтверждается в виду отсутствия этимологических взаимоотношений (стр. 149—150).

Интересна позиция автора в отношении суффикса +тап. Свои рассуждения Х. Шайнхардт начинает с обзора существующих в тюркологии мнений о данном форманте. Более полно им прослеживаются наблюдения Б. Аталая, сделанные в 1940 году. Б. Аталая приводит пятнадцать различных морфологических и лексических аспектов этого суффикса, включая антропонимы и топонимы. Однако остается неясным, выполняет ли все указанные функции только один этимологически единый суффикс +тап/—тап. Его sporadическое появление, многозначность и тот факт, что в древнетюркском языке он не встречается, требуют прояснить его происхождение. И. Кафесоглу в 1958 году сгруппировал существовавшие мнения по этому поводу в шесть групп, среди которых, как полагает Х. Шайнхардт серьезного внимания заслуживают только точки зрения А. Вамбери (+тап как коллективный суффикс) и Ж. Дени (увеличительный). Мнение И. Кафесоглу о том, что +тап связан с biç ~ miç 'тысяча' при анализе примеров антропонимов и топонимов оканчивается несостоятельным. Даже указание на название Mankışlag (=Mañqışlaq ~ Mañğışlaq из Miñqışlaq), существующее на восточном берегу Каспийского моря, ни о чем не говорит, ибо это, по-видимому, лишь случайное совпадение. О. Притцак считает возможным отделить деноминальный суффикс +тап, служащий для образования коллективных существительных и собственных имен, и deverбальный суффикс —тап, который, по его мнению, встречается в древнескыпачском названии Киева (=Mān—Kāgmān). Г. Дёрфер указал на то, что огузское слово kirmap 'колчан' еще у Фирдоуси передано формой qırbān. Qırmap составлено из тюркского qır 'пояс' и +тап/—тап; в персидском примере 1020 года имеется случайное указание на старую восточноогузскую форму этого суффикса *+bāp/—bāp. Можно было бы полагать, что персидская передача —bāp для тюркского +тап в qırmap (как замечает сам Г. Дёрфер) базируется скорее всего на народно-этимологическом уподоблении персидского суффикса +bāp, служащего для образования Nomina agentis и Nomina instrumenti. Другие наблюдения делает Дж. Клосон: суффикс —та:п/—те:п, который появляется в деноминальной версии +та:п/—те:п и поэтому имеет неясную функцию, встречается у Махмуда Кашгарского с долгим гласным. С точки зрения Х. Шайнхардта, дальнейший анализ Дж. Клосона неубедителен: «...Морфологически это могло быть сложное образование из —та:те: и —п, но он не похож на преимущественно непереходный или пассивный по характеру». Далее Х. Шайнхардт подробно излагает точку зрения советских ученых (А. П. Дульзона, О. Т. Молчановой)

⁴ Е. К. Койчубаев. Казахские географические названия с формантами -ты и -сы. — В сб.: «Топонимика Востока». М., 1969, стр. 140—145.

по этому вопросу и приходит к выводу, что проблема до конца не решена (стр. 180).

Значительную часть книги занимает третий (вспомогательный) раздел, включающий: 1) развернутый (стр. 201—214), со схемами и формулами, конспект синтаксической и лексико-семантической типологии тюркских наименований населенных пунктов; 2) примечания (стр. 215—253, 373 номера), куда относятся и все постраничные сноски, в которых трактуются точки зрения различных ученых по тому или иному кругу проблем, рассмотренных автором в основных частях монографии; 3) полную библиографию по тюркской топонимике (стр. 255—376), состоящую из следующих подразделов: а) вводных замечаний о пользовании библиографией; б) алфавитного списка библиографий научных учреждений и стран (стр. 258—262); в) алфавитного и частично аннотированного списка использованной литературы, включая данные о собраниях сочинений, журналах, сериях, словарях (стр. 263—368; 827 номеров); г) списка сокращений грамматических и топонимических терминов, идиоматических выражений и сокращений библиографического характера (стр. 364—367); д) списка вспомогательных графических знаков, использованных в тексте монографии (стр. 368); е) списка сокращений языков и диалектов (стр. 369—370); ж) алфавитного списка транскрипционных знаков из важнейших языков (тюркских, арабских, русского, западноевропейских), сведенных в одну обозримую (и удобную для

пользования) таблицу, которой может воспользоваться лингвист, не владеющий какими-либо из указанных языков.

Следует, на наш взгляд, остановиться на конспекте дальнейших частей типологии тюркских названий мест. Синтаксическая типология объединяет изучение номинальных связей (изафет), собственную динамику компонентов, (номинально-) предикативные топонимы, (вербально-) предикативные топонимы. Каждая из указанных групп имеет свои подгруппы, объединяемые общими формулами типа $TN^1 [BW^1 + Suif. + Gw^1]$ $TN^2 [= BW^1 + Suif.] \rightarrow TN^3 [BW^3 (= BW^1 + Suff.) + GW^3 + (s)^0]$, где TN — топоним, BW — определитель, GW — основное слово и т. п. Интересным общает быть и раздел «Этиологическая типология названий населенных пунктов», где предусмотрены подразделы, посвященные описанию, чистому описанию, ассоциативному описанию, релятивному описанию, указанию на владельца и т. п.

Книга Х. Шайнхардта, рукопись которой просмотрена Г. Дёрфером, — это монографическое описание типологии названий населенных пунктов с учетом и других классов географических имен тюркских языков. Таким образом, впервые в зарубежной тюркологии проведено исследование топонимов с таким широким и глубоким анализом обширной советской литературы по тюркской ономастике.

О. Т. Молчанова, Т. Н. Фомина

Х Р О Н И К А

СЕДЬМОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

9—10 марта 1981 года в Москве состоялось седьмое пленарное заседание Советского комитета тюркологов.

Заседание открыл заместитель председателя Комитета Э. Р. Тенишев (Москва). Отметив, что при естественном разделении научных тюркологических кадров по академиям союзных республик на современном этапе особенную актуальность приобретает кооперирование усилий тюркологов, объединение их сил на новой основе, Э. Р. Тенишев призвал собравшихся высказаться о проблеме повышения эффективности координации тюркологических исследований.

Затем Э. Р. Тенишев выступил с отчетным докладом о работе Советского комитета тюркологов за 1980 год. Он информировал присутствующих о наиболее значительных тюркологических изданиях, вышедших в свет в отчетном 1980 году.

Рядом важных исследований обогатилась история тюркских языков. Это прежде всего «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.» А. Н. Конова (Л., 1980), в которой содержится не только лингвистический, но и филологический анализ этих памятников. Публикация древнеуйгурского текста¹ появилась после длительного перерыва, тем более досадного, что в отечественных книгохранилищах имеется несколько тысяч единиц хранения на древнеуйгурском языке.

Вышел в свет третий том «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортяна (М., 1980). Этот том, содержащий общетюркские основы на буквы «В», «Б», «Д», является посмертным изданием труда Э. В. Севортяна. Сектором тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР, продолжающим работу над этим фундаментальным исследованием, намечено выпустить еще четыре тома Словаря, посвященных общетюркским и межтюркским основам на остальные согласные буквы.

Вышел сборник «Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение» (М., 1980 — статьи по тюркологии Н. А. Ба-

скакова, Э. А. Груниной, Х. Г. Короглы, М. А. Салахетдиновой, И. В. Стеблевой).

В социологическом аспекте тюркские языки исследованы в сборнике «Язык и общество» (Саратов, 1978 — статьи Т. М. Гарипова, К. З. Закирьянова, Н. Г. Самсонова).

Языковеды Туркменской ССР опубликовали ряд работ по экспериментальной фонетике, грамматике и синтаксису², лексикологии и лексикографии туркменского языка³, а также по вопросам культуры речи⁴. Выпущен в свет каталог тюркоязычных рукописей, хранящихся в Академии наук Туркменской ССР (составитель — Г. Назаров, Ашхабад, 1980).

Разработаны основы карачаево-балкарской орфографии⁵.

Успешно велась лексикографическая работа языковедами Башкирской АССР⁶, которые составили также обширный библиографический указатель по башкирскому языкознанию⁷. Фольклористы выпустили том «Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки» (Уфа, 1980).

Чувашский язык исследован в его отношениях к алтайским языкам⁸. Изучены некоторые вопросы морфологии татарского языка⁹.

Языковеды Узбекской ССР издали «Исследования по лексике и грамматике тюркских языков» (Ташкент, 1980). В плане исторического развития изучались наклонения глагола в узбекском языке¹⁰, а также узбекская пунктуация¹¹. Исследовалась стилистика узбекского языка и вопросы культуры речи¹². В лингвогеографическом аспекте изучена лексика каракалпакского языка¹³. Выпущены учебные пособия по введению в языкознание и по общему языкознанию, издан словарь общественно-политической лексики¹⁴.

В Киргизской ССР опубликована большая «Грамматика киргизского литературного языка. Фонетика и морфология»¹⁵, фразеологический, а также отраслевой словарь¹⁶, монография об образных глаголах

киргизского языка. Выпущен второй том текстов героического эпоса «Манас», пятый том «Киргизской Советской Энциклопедии». Во Фрунзе издана монография К. Конкобаева «Топонимия Южной Киргизии» (1980) и сборник «Ономастика Средней Азии. 2» (1980).

Публикация сборника «Ономастика Востока» (М., 1980) и ряда авторефератов кандидатских диссертаций¹⁷ также свидетельствует о неослабевающем интересе тюркологов к ономастической проблематике.

В тюркоязычных республиках продолжалось сопоставительное изучение отдельных тюркских языков и русского языка¹⁸.

Проведено исследование функционирования системы фонем в агглютинативных языках¹⁹. На материале каракалпакского, узбекского и казахского языков изучались функции тюркских частиц²⁰.

Взаимовлияние разнотемных языков Кавказа явилось предметом монографического исследования²¹.

В 1980 году защищен целый ряд кандидатских диссертаций²² и две докторских диссертации (А. К. Алекперовым, Р. М. Бирюкович)²³.

Э. Р. Тенишев рассказал о конференциях и симпозиумах, проведенных в 1980 году. В центре внимания Советского комитета тюркологов в отчетный период были мероприятия, связанные с организацией и проведением III Всесоюзной тюркологической конференции (III ВТК) в Ташкенте²⁴.

9—11 апреля 1980 года в Казани была проведена научная конференция по татарскому языкознанию, посвященная 110-летию со дня рождения В. И. Ленина и 60-летию Татарской АССР²⁵.

13 июня 1980 года в Абакане при участии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории состоялась областная научная конференция, посвященная пятидесятилетию Хакасской автономной области. На конференции работала секция по хакасской филологии, где был прочитан ряд докладов по хакасскому языкознанию, фольклористике и литературоведению.

3—5 сентября 1980 года в Абакане Академией наук СССР, Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», Институтом языкознания Академии наук СССР и Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории был проведен симпозиум на тему «Проблемы функционального и внутривидового развития литературных языков в связи с их применением в сферах массовой коммуникации».

Коснувшись выполнения плана работ Советского комитета тюркологов за 1980 год, Э. Р. Тенишев предложил составителям «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ СССР) рассказать о ходе работы в прениях.

Работа над составлением «Лингвистического атласа Европы» (ЛАЕ), сказал докладчик, велась в соответствии с планом. В настоящее время составлены две понятийно-лексические карты (лексемы «дуб», «кузнечик»). К 1982 году намечено составить четыре такие карты («ручей», «река», «пруд», «озеро»). 21—26 апреля 1981 года предполагается провести рабочее совещание составителей ЛАЕ в Италии.

В 1980 году продолжалась работа над II и III томами «Корпуса древнетюркских памятников» — «Рунические памятники Монголии» и «Корпус тюркских рунических памятников Алтая». Были обследованы, в частности, Кош-Агачский, Онгудайский и Усть-Канский районы, выполнены фотокопии и эстампажи одиннадцати надписей, в их числе — пяти надписей, ранее неизвестных. Обработка полевых материалов позволила уточнить известные надписи по их составу.

Для «Корпуса эпиграфических памятников Поволжья» подготавливается фотоматериал, уточняется расшифровка текстов эстампажей.

Закончено составление «Корпуса северокавказских рунических памятников», содержащего палеографический анализ надписей, фотографии, прорисовки, транскрипцию и перевод.

Началась работа по транскрипции и переводу текстов для «Корпуса армянописьменных памятников кыпчакского языка».

Секцией литературоведения и фольклористики Комитета совместно с Институтом востоковедения Академии наук Грузинской ССР подготовлено к печати факсимиле рукописи XIX века эпоса «Кёроглу». Публикация планируется Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука». Вопросы, связанные с участием секции в перспективном планировании тюркологических исследований по литературоведению и фольклористике, обсуждались на специальном совещании Координационной комиссии Академии наук СССР при Институте востоковедения Академии наук СССР²⁶.

Рассказав об участии Комитета в перспективном планировании тюркологических исследований по языкознанию в академических центрах союзных республик, Э. Р. Тенишев призвал ученых учебных заведений к совместной работе в этой области.

Комитет обеспечивает участие тюркологов Москвы и союзных республик в совместной работе с проблемной комиссией по теории и истории литературных языков при Институте языкознания Академии наук СССР. В настоящее время объединяемый проблемной комиссией коллектив авторов работает над восстановлением функциональной парадигмы языков различных систем, в том числе и древних периодов. Такая работа осуществляется применительно к древнеуйгурскому языку — сделан опыт восстановления народного языка Турфана X—XIII вв.; о результатах реконструкции

было доложено на заседании проблемной комиссии Э. Р. Тенишевым.

Разработка проекта унифицированной схемы описания тюркоязычных рукописей в хранилищах Советского Союза на данном этапе тормозится отсутствием информации о состоянии текстологической работы в союзных республиках. В этих целях крайне необходимо провести совещание по вопросам каталогизации тюркоязычных и других восточных рукописей, от организации которого отказался Институт Ближнего и Среднего Востока Академии наук Азербайджанской ССР. Вопрос о переносе совещания на 1983 год и о проведении его в Уфе в настоящее время обсуждается. В Уфе составляется «Руководство для сбора и изучения тюркоязычных и монголоязычных археографических памятников», подготавливается проведение рабочего совещания по полевой археографии и текстологии (сентябрь 1981 года).

В заключение Э. Р. Тенишев обратился с традиционным призывом к ученым союзных и автономных республик страны присылать Комитету информацию о ведущихся и завершенных тюркологических исследованиях, а также о публикациях. Докладчик напомнил при этом о принятой ранее рекомендации республиканским академическим центрам присылать Комитету копии годовых отчетов. Была отмечена инициатива отдельных учреждений, отдельных вузовских кафедр и отдельных лиц, систематически информирующих Советский комитет тюркологов о ведущейся научной и научно-организационной работе²⁷.

Далее по докладу ученого секретаря Комитета Г. Ф. Благовой был утвержден план работы Советского комитета тюркологов на 1981 год (печатается ниже).

Коллективный доклад «Теоретические проблемы и вопросы по тюркскому языкознанию» специальной комиссии в составе Н. А. Баскакова, Н. З. Гаджиевой, П. И. Кузнецова и С. А. Соколова, созданной на VI Пленарном заседании Советского комитета тюркологов для разработки рекомендаций по тематике докторских и кандидатских диссертаций, прочитал Н. А. Баскаков (Москва)²⁸.

В результате обсуждения доклада были высказаны пожелания: посвятить отдельную кандидатскую диссертацию вопросам унификации транскрипции тюркских языков, написанную на большом теоретическом фоне; в тюркологические исследования, в том числе — в диссертационные, следует активно внедрять методы общего языкознания; необходимо пересмотреть при этом некоторые европоцентристские лингвистические понятия и представления и т. д. (Р. Бердибаев, Алма-Ата; В. Г. Гузев, Ленинград); осуществлять тюркологический контроль над работами по общему языкознанию и контрастивной лингвистике в которых используется материал тюркских языков (Г. П. Мельников, Москва).

С докладом «О состоянии работы по составлению учебников по языкознанию для

вузов, готовящих специалистов-тюркологов» выступил Г. Х. Ахатов (Уфа). Он сообщил, что тюркские языки изучаются в сорока восьми вузах Советского Союза; в учебные планы тюркоязычных отделений входят следующие лингвистические курсы: 1) введение в языкознание, 2) общее языкознание, 3) введение в тюркологию, 4) старотюркский (древнетюркский) язык, 5) практический курс родного языка, 6) современный родной язык, 7) историческая грамматика родного языка, 8) история родного литературного языка, 9) диалектология родного языка, 10) сравнительная грамматика тюркских языков, 11) сопоставительная грамматика родного и русского языков. Отметив, что эти курсы на материале разных тюркских языков разработаны далеко не в одинаковой степени, Г. Х. Ахатов привел подробный перечень существующих учебников и учебных пособий по перечисленным дисциплинам.

Разработка новых, более совершенных учебных пособий, пригодных для преподавания общих тюркологических дисциплин тюркоязычным студентам различных вузов страны, по мнению докладчика, может быть обеспечена в том случае, если на местах будут созданы авторские коллективы из числа наиболее опытных и высококвалифицированных преподавателей высшей школы, с привлечением крупных специалистов из академических центров. Желательно, чтобы такие учебники писались как на родном, так и на русском языке.

Выступавшие по докладу подчеркнули важность выработки примерного учебного плана по специальности «родной язык» с участием Министерства высшего и среднего специального образования СССР. При этом для улучшения качества подготовки специалистов по национальной филологии целесообразно вести преподавание общелингвистических дисциплин по единым программам, утвержденным Минвузом СССР (И. А. Андреев, Чебоксары).

Низкий уровень профессиональной подготовки специалистов по тюркским языкам во многом объясняется отсутствием учебников и учебно-методических пособий. Советский комитет тюркологов мог бы поручить определенному кругу компетентных лиц создание учебников и учебно-методических пособий по указанным дисциплинам (И. Х. Ахатов, Нальчик).

Было высказано пожелание, чтобы Научно-методический совет Минвуза СССР рекомендовал книгу Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», изданной в Баку (1979) в качестве учебного пособия для филологических факультетов вузов тюркоязычных республик. Весьма целесообразно также перевести книгу на тюркские языки (А. Ахундов, Баку).

Д. Г. Тумашева (Казань) проинформировала собравшихся, что секция общего языкознания Научно-методического совета Минвуза СССР по высшему филологическому образованию приняла решение про-

вести обсуждение вопросов, связанных с учебными программами, в одной из тюркоязычных республик. При Казанском государственном университете уже действует факультет повышения квалификации для преподавателей тюркских языков и литературы вузов автономных республик и областей РСФСР. Целесообразно воспользоваться этим факультетом для переподготовки преподавателей тюркских языков и литератур из вузов всех тюркоязычных республик страны.

Выступавшие говорили о больших трудностях, встающих перед преподавателями, например, при разработке курсов по истории родного литературного языка. Не хватает, в частности, специалистов, знающих арабское письмо (Э. Р. Тенишев).

С. К. Кенесбаев (Алма-Ата) высказал пожелание, чтобы тюркологи объединили усилия для создания универсального учебного пособия «Введение в тюркское языкознание», пригодного для всех тюркоязычных республик.

А. С. Аманжолов (Алма-Ата) в докладе «О программах общелингвистических дисциплин для казахских отделений филологических факультетов» сказал, что программа курса «Введение в языкознание» для казахских отделений составлена впервые, при этом использованы новые типовые программы для университетов (автор — Ю. С. Маслов) и пединститутов (авторы — В. И. Кодухов, А. В. Бондарко). В соответствии с учебными планами для университетов и пединститутов курс «Введение в языкознание» рассчитан на сорок часов лекционных, тридцать часов практических занятий.

Программа курса «Общее языкознание» для казахских отделений университетов составлена также впервые²⁹, с учетом новой типовой программы для университетов (автор — В. И. Кодухов). Курс «Общее языкознание» завершает лингвистическую подготовку студентов-филологов. В действующем учебном плане для университетов ему отведено шестьдесят часов лекционных, десять часов семинарских занятий, для пединститутов — всего тридцать четыре часа лекционных и десять часов практических занятий. Таким образом, объем курса «Общее языкознание» в пединститутах по сравнению с 1972—1976 годами сокращен, что нельзя признать целесообразным.

Преподавание общелингвистических дисциплин на казахских отделениях филологических факультетов имеет особенности, связанные с возможностями, во-первых, всестороннего научного осмысления фактов родного (казахского) языка и, во-вторых, типологического сопоставления родного языка с русским, с другими тюркскими языками и, отчасти, с изучаемыми иностранными.

По мнению докладчика, назрела необходимость ввести на отделении казахского языка и литературы филологического факультета Казахского университета до-

полнительную специализацию «Общее языкознание». Введение специализации по общелингвистическим дисциплинам даст возможность систематически готовить кадры высококвалифицированных лингвистов, позволит значительно поднять теоретический уровень филологического, тюркологического образования.

О предварительных итогах и перспективах изучения урумских говоров Северного Приазовья доложил А. Н. Гаркавец (Киев)³⁰.

Л. А. Покровская (Ленинград) предложила приступить к составлению такого фундаментального труда, как «Основы тюркского языкознания». Изучение современных бесписьменных языков ставит проблему языкового влияния. Влияние русского языка сказывается в конечном итоге и на синтаксисе тюркских языков.

Э. Р. Тенишев сообщил собравшимся, что на 1983—1985 годы сектором тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР запланировано составление «Основ тюркского языкознания» в сотрудничестве с венгерскими учеными.

Е. И. Убрятова (Новосибирск) рассказала о тюркологических исследованиях, проводимых сектором языков народов Сибири отдела филологии Института истории, философии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР. В числе них — исследование звуковых систем языков народов Сибири и сопредельных регионов³¹. Она остановилась также на вопросах разработки Дialeктологического атласа тюркских языков СССР — IV. Тюркские языки Сибири³². Выполнение сибирской части ДАТЯ СССР. Следует отметить, что по некоторым языкам других регионов материалы все еще представлены частично. Атлас состоит из 165 карт по фонетике, 21 карты по лексике, 16 сводных карт и 63 сводных таблиц по морфологии. Предстоит также подготовка ДАТЯ СССР к изданию, что связано с большими трудностями.

В коллектив ДАТЯ СССР-IV входят почти все диалектологи сибирских научно-исследовательских учреждений и пединститутов. В работе над ДАТЯ СССР-IV большое участие приняли преподаватели иностранных языков кафедр Томского и Новокузнецкого пединститутов, Кемеровского университета. В связи с подготовкой ДАТЯ СССР-IV издано несколько сборников статей³³. Е. И. Убрятова сообщила о том, что решено в том же составе вести работу над составлением Дialeктологического атласа тюркских языков Сибири с тем, чтобы возможно полнее отразить диалектные особенности этих языков.

Е. И. Убрятова отметила большую помощь в работе над ДАТЯ СССР, оказанную Советским комитетом тюркологов. А. Н. Кононов привлек к консультированию по вопросам картографирования профессора М. А. Бородину, с помощью которой были проведены в Ленинграде два семинара (1977, 1978) по подготовке участни-

ков ДАТЯ СССР к его непосредственному составлению, то есть к картографированию.

Журнал «Советская тюркология» активно помогает коллективу составителей ДАТЯ СССР систематическим освещением на своих страницах хода работы над атласом, а также публикацией статей членов коллектива его составителей. Щедрую и разнообразную помощь оказывает Институт языкознания Академии наук Казахской ССР.

В заключение Е. И. Убрятова назвала ряд работ по якутскому и хакасскому языкознанию, отчасти и по фольклористике, изданных в Сибири³⁴.

Научный консультант составителей ДАТЯ СССР по картографированию М. А. Бородин (Ленинград) констатировала, что сбор материала для ДАТЯ СССР и его нанесение на карты (или составление таблиц) в целом завершены. Осталось добрать материал по отдельным пунктам, доделать некоторые карты с тем, чтобы вплотную начать подготовку пробного тома ДАТЯ СССР к изданию. Готова в основном фонетическая часть. Видимо, именно фонетикой и следует ограничиться: атлас, тем более пробный, может быть фонетическим, ибо совершенно не обязательно издавать пробный атлас сразу по всем языковым уровням. Осуществить издание такого, крайне нужного всем тюркологам тома можно в сравнительно короткий срок.

Для издания ДАТЯ СССР на должном уровне необходимо выполнить еще следующее:

а) написать вводную статью к пробному тому ДАТЯ СССР;

б) для завершения составления карт и таблиц, проверки уже обработанных материалов и составления легенд к каждой карте провести рабочее совещание основных составителей ДАТЯ СССР;

в) провести уточнения в карте-основе, составленной и утвержденной ГУГК СССР в начале работы над атласом. Для этого осенью 1982 года целесообразно пригласить в Новосибирск из Ленинграда опытного инженера-картографа Б. Н. Рубцова, действительного члена Географического общества АН СССР;

г) необходимо заблаговременно определить картфабрику, где будет печататься ДАТЯ СССР, конкретизировав тираж издания и его финансирование. Для ДАТЯ СССР достаточно, думается, тираж 300—500 экземпляров.

Н. Н. Широбокова (Новосибирск) отметила, что в таблицы и карты ДАТЯ СССР предстоит ввести представленные с опозданием материал по туркменскому и каракалпакскому языкам. Она сообщила также, что, начиная с 1981 года, работа над ДАТЯ СССР в Сибирском отделении Академии наук СССР не финансируется.

Э. Р. Тенишев предложил кооперироваться академиям наук союзных республик в целях издания пробного тома ДАТЯ СССР.

Б. О. Орузбаева (Фрунзе) остановилась

на технической стороне издания ДАТЯ СССР.

Руководитель ДАТЯ СССР М. Ш. Ширалиев (Баку) выразил надежду, что на IX Региональной конференции по тюркской диалектологии (Уфа, сентябрь 1982 г.) можно будет утвердить ДАТЯ СССР к печати и окончательно решить вопросы, связанные с финансированием этого издания.

Э. И. Фазылов (Ташкент) рассказал об итогах III Всесоюзной тюркологической конференции³⁵. Президиум Академии наук Узбекской ССР принял решение в ближайшее время опубликовать трехтомный сборник докладов конференции.

А. Т. Кайдаров (Алма-Ата) отметил координирующую роль Советского комитета тюркологов. В целях совершенствования координации ведущих в стране тюркологических исследований желательно, чтобы каждый научно-исследовательский или научно-педагогический центр располагал штатной (или внештатной) должностью ответственного за книгообмен и осуществление научной информации; желательно также, чтобы лицо, исполняющее такие обязанности, поддерживало непосредственный деловой контакт с Советским комитетом тюркологов и редакцией журнала «Советская тюркология». Он высказался за коренное улучшение дела издания учебников и учебных пособий.

Б. А. Серебренников (Москва) указал, что несмотря на постановления ВАК поток малоинформативных, мелкопроблемных диссертационных работ не прекратился. Тюркологические диссертационные темы отличаются однообразием и монотонностью (скажем, описание одной и той же грамматической категории по различным тюркским языкам). В изучении диалектов отсутствует какая-либо планоность; к тому же здесь используется неправильная методика сопоставления диалекта с литературным языком, в результате — читатель получает не описание фонетической и грамматической системы диалекта, а сумму некоторых отрывочных сведений о диалекте. Б. А. Серебренников указал также на необходимость более квалифицированного издания тюркоязычных памятников средневековья. Вопрос об издании учебников по тюркскому языкознанию на русском и тюркских языках требует усиления полиграфической базы, которая в настоящее время бедна и несовершенна.

М. З. Закиев (Казань) отметив, что значение Советского комитета тюркологов — управлять основными процессами тюркологии в стране, положительно оценил тот факт, что в плане нашла отражение научно-организационная деятельность Комитета (по его мнению, в план должна включаться также подготовка и проведение очередного пленарного заседания Комитета). Он указал, однако, на отсутствие в плане таких важных ныне осуществляемых исследований, как работы по проблемам двуязычия и языкового взаимодействия. Вместе с тем, по его мнению, в отчет и

план работ Комитета не должны включаться конкретные исследования, проводимые отдельными научными учреждениями.

Не отвергая необходимости создания единых учебников по общезыковедческим и общетюркологическим дисциплинам для всех вузов тюркоязычных республик, М. Э. Закнев высказался за то, чтобы в вузах любой из союзных или автономных областей имелся бы свой вариант такого учебника на национальном языке.

В. А. Никонов (Москва) говорил о применении математических методов в тюркологии.

Б. Ч. Чарыаров (Ашхабад) выступил с докладом «Туркменское языкознание. Итоги и проблемы»³⁶.

Главный редактор серии «Эпос народов СССР» *А. А. Петросян* (Москва) выступила с докладом «Публикация эпоса тюркоязычных народов во всесоюзной академической серии „Эпос народов СССР“»³⁷.

Х. Г. Короглы (Москва) в докладе «Практика публикаций текстов эпических сказаний тюркоязычных народов СССР» отметил, что в республиках свод фольклора публикуется обычно без учета хронологической очередности создания памятников. Научная публикация фольклора должна быть оснащена текстологическим анализом и, желательно, переводом на русский язык. Назрела необходимость провести совещание по вопросам тюркской текстологии.

Доклад ученого секретаря серии «Эпос народов СССР» *А. С. Мирбадалевой* (Москва) был посвящен проблеме критической оценки текстов эпоса тюркоязычных народов при публикации в академическом издании³⁸.

Н. В. Кидайш-Покровская (Москва) выступила с докладом «О принципах перевода текстов эпоса тюркоязычных народов»³⁹.

В коллективном докладе *С. Г. Клышторного* (Ленинград) и *Д. В. Васильева* (Москва) сообщалось, что в результате систематических полевых археографических работ авторов доклада, проводимых в соответствии с планом СКТ и НИР Института востоковедения Академии наук СССР, выполнены факсимильные копии 140 памятников тюркской руники бассейна Енисея, около 50 памятников Монголии, около 30 — Алтая. Разработана схема научного описания памятников и определены критерии и принципы сводного издания их региональных групп.

Первый выпуск, который составили енисейские памятники, сдан в производство. Завершается подготовка к изданию монгольской региональной группы памятников, начаты полевые исследования в Горном Алтае. Все работы осуществляются в сотрудничестве с местными НИИ истории, языка и литературы и координируются Советским комитетом тюркологов.

К трудностям, которые возникают при подготовке сводных изданий тюркских рунических памятников, относится сложность их полиграфического исполнения. Работа тормозится также из-за недостаточной ак-

тивности тюркологов в публикации вновь найденных памятников. Последовательность проведения дальнейших работ по различным азиатским регионам тюркской руники будет определяться теми возможностями, которые выявятся в ходе контактов с местными научными организациями.

Э. Р. Тенишев отметил значительность работы по туркменской диалектологии, а также важность инструментального исследования фонетики туркменского языка, изучения этого языка в социально-лингвистическом аспекте. Для тюркской фольклористики имеет большое значение публикация тюркоязычных памятников в серии «Эпос народов СССР», а также недавнее издание героического эпоса «Манас» во Фрунзе. *Э. Р. Тенишев* критиковал популярные издания, в которых допускаются «исправления» (особенно часто — языковые) в фольклорных памятниках. Благодаря составлению корпуса тюркоязычной руники уточняются прежние издания. Кодификация рунических памятников имеет культурно-историческое значение.

А. М. Шербак (Ленинград) остановился на проблеме истории тюркского этноса в прикаспийских степях. В настоящее время в прикаспийских степях (в районе Новочеркасска, в Маяцком городище, на Северном Кавказе, а также около Элисты и в ряде других районов) обнаружены рунические надписи. Советский комитет тюркологов должен взять под свою опеку изучение руники прикаспийских степей и позаботиться об издании их корпуса.

М. А. Хабичев (Карачаевск) высказался за публикацию рунических надписей прикаспийских степей коллективом тюркологов-рунологов. Рунические памятники Карачаево-Черкесии имеют свою специфику, и их тоже надлежит издать, а дешифровку этих памятников проводить коллективными усилиями. Необходимо также включить в план издания Советского комитета тюркологов «Исторический словарь тюркских памятников XI—XV веков», составленный *Э. Н. Наджимом*.

А. С. Аманжолов сказал, что при издании Корпуса тюркской руники нужно учитывать все выявленные закономерности тюркской рунической графики, тщательно лингвистически анализировать надписи. В настоящее время, сообщил выступающий, общество охраны памятников культуры Казахской ССР развертывает работу по дальнейшему выявлению и изучению древнетюркских рунических надписей Семиречья и Восточного Казахстана.

М. К. Нурмухамедов (Ташкент) предложил издать общий каталог тюркоязычного эпоса, организовав эту работу по республикам. Переводы тюркоязычного эпоса на русский язык целесообразно осуществлять силами ученых республики в содружестве с московскими фольклористами.

С. Н. Иванов (Ленинград) одобрил в целом сделанное Институтом мировой литературы им. Горького Академии наук

СССР в области перевода и издания эпоса тюркоязычных народов. Он возразил против прозаической передачи «рассыпанного» стихотворного текста, считая, что это приводит к полной утрате его поэтической природы. Так называемый «филологический перевод», не отражает главного — художественной структуры произведения. Утверждение принципа безусловной переводимости любого, даже самого изощренного с точки зрения художественной формы, текста — одно из принципиальных достижений советской школы художественного перевода. Перевод поэтического памятника литературы должен быть художественным истолкованием его текста, то есть его содержания в непрерывном единстве с его эстетико-художественными особенностями. И это — истинное творчество, в отличие от унылого буквалистского наизывания слов в так называемом «филологическом переводе».

Р. Бердибаев (Алма-Ата) считает своевременной постановку вопроса об историзме эпических сказаний тюркоязычных народов, особенно эпоса кыпчакских народов. До сих пор не изжита односторонняя концепция, отождествляющая героя эпоса с конкретным историческим лицом. Предубеждение, поддерживаемое этой концепцией, препятствует изданию таких, например, казахских эпических сказаний, как «Шора батыр», «Ер Санин», «Карасай-Казы», «Едиге батыр», которые до настоящего времени остаются в архивах. В аналогичном положении находятся некоторые эпические сказания и у других народов.

А. А. Тыбыкова (Горно-Алтайск) призвала к более интенсивному изучению богатого фольклора алтайцев.

Б. Х. Кармышева (Москва) проинформировала собравшихся о работе, проведенной в 1980 году сектором Средней Азии и Казахстана Института этнографии Академии наук СССР. С участием сотрудников республиканских академий наук в 1980 году изданы сборники «Этнические процессы у национальных групп Средней Азии», «Костюм народов Средней Азии Историко-этнографические очерки».

Э. Р. Тенишев, касаясь важной проблемы составления атласов, упомянул о готовящемся этно-лингвистическом атласе Монголии. Усилила этнографов и диалектологов целесообразно кооперировать в целях создания этно-лингвистического атласа Средней Азии и Казахстана.

С. Ш. Гаджиева (Махачкала) сообщила, что Дагестанский филиал Академии наук СССР подготовил трехтомный историко-этнографический атлас Дагестана. Первый том («Одежда») слан в производство, два других тома («Поселение и жилище» и «Хозяйство») — готовятся к печати.

И. Г. Добродомов (Москва) подчеркнул необходимость исследования памятников тюркской деловой письменности XVI—XVII веков, часть которых имеется в старинных русских переводах. Для истории тюркских языков и народов, в частности тюркско-

алайских контактов в степях Северного Причерноморья, большое значение имеет изучение тюркской топонимии за пределами нынешних тюркоязычных регионов.

С. Н. Муратов (Ленинград) рассказал об истории изучения языка урумов Украины. Он сообщил, что в результате трех поездок к урумам им собран материал, положенный в основу работы «Язык урумов Украины» (завершена в 1980 г.). Введение, фонетический очерк, фольклорные тексты и записи разговорного языка с переводами составляют 20 а. л., урумско-русский словарь 15 а. л., продолжается работа над очерком морфологии.

Заместитель главного редактора журнала «Советская тюркология» *И. С. Сеидов* (Баку), указав, что журнал вступает в двенадцатый год своего существования, кратко охарактеризовал его деятельность.

Журнал «Советская тюркология» внес своей положительный вклад в дело развития координации научно-исследовательской тюркологической работы, взаимной информации тюркологов. Он отразил на своих страницах наиболее важные и интересные научные результаты, достигнутые в области тюркологии за последние годы. Судя по данным подписки, журнал читают в тридцати пяти странах мира. Примечательной особенностью авторского состава журнала является то, что в него входит много представителей тюркоязычных народов Советского Союза. Это, несомненно, огромное достижение редакции. Однако для этого ей приходится преодолевать большие трудности, связанные с редактированием и подготовкой к печати публикуемых текстов. Тем не менее редакция делает все возможное, чтобы спасти для публикации все заслуживающие того по содержанию материалы. Редакция придает важное значение оперативной публикации статей, особенно хроникальных, информационных, юбилейных и т. д., связанных с определенными датами. Нельзя не отметить и того, что издание журнала «Советская тюркология» усилило внимание и интерес к тюркологической науке в стране, побудило многих молодых филологов посвятить себя этой области знания.

Вместе с тем, сказал *И. С. Сеидов*, приходится с сожалением констатировать, что значительная часть интересных разработок не находит своевременного отражения на страницах журнала: еще не вошла в привычку, не стала само собой разумеющейся практика присылки в журнал авторами итоговых статей по исследуемой проблематике при завершении плановых монографий или определенного цикла работ. Тюркологи-литературоведы и фольклористы, несмотря на неоднократные напоминания, все еще редко пишут статьи для нашего филологического журнала.

И. С. Сеидов пользуется случаем, чтобы еще раз сказать о том, что портфель отдела критики и библиографии журнала все еще беден, рецензии поступают недостаточно часто и регулярно; многие важные и инте-

ресные тюркологические исследования почему-то не рецензируются. Одну из причин такого положения он видит в известной пассивности руководства академических институтов и соответствующих кафедр вузов.

И. С. Сендов указал также на важность пропаганды журнала «Советская тюркология» среди новых читателей в тюркоязычных союзных и автономных республиках, краях и областях. В заключение он подчеркнул, что тюркологи, к сожалению, далеко не полностью используют те исключительно благоприятные возможности, которые предоставляет им издание специального тюркологического органа, каким является журнал «Советская тюркология».

А. А. Ковшова (Москва) сказала о важности повышения уровня культуры лингвистического мышления специалистов, при-

менения единообразной транскрипции. Ему был поднят также вопрос о задержке публикации коллективного труда «Диалекты тюркских языков» из-за повышенной сложности набора и несводимости транскрипций, используемых авторами.

VII Пленарное заседание Советского комитета тюркологов приняло резолюцию (текст резолюции печатается ниже).

В заключительном слове Э. Р. Тенишев отметил, что на VII Пленарном заседании выступило около тридцати человек. В докладах и выступлениях затронуты важные вопросы как теоретического, так и прикладного характера, высказаны интересные предложения по совершенствованию координации и кооперирования научно-исследовательской работы в тюркологических центрах страны, повышению уровня взаимной информации.

Г. Ф. Благова

¹ «Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-Цзана». Транскрипция, перевод, примечания, комментарии и указатели Л. Ю. Тугушевой. М., 1980. Из других публикаций средневековых тюркских памятников можно указать: *Сайф эс-Сараи*. Гулстан бит-тюрки. Ч. I—II. К изданию подготовили Х. Усманов, З. Максудова. Казань, 1980. См. также: Л. В. Дмитриева. Описание тюркских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3. М., 1980.

² А. Моллаев. Акустическая характеристика ударных и безударных гласных в двусложных словах туркменского языка (К вопросу о ритмической организации речевого потока). Ашхабад, 1980; С. Куренов, А. Нурмухаммедов. Фрикативные и сонорные согласные в туркменском языке. (Экспериментально-фонетическое исследование). Ашхабад, 1980; А. Боржаков, Б. Ходжаев. Форма выражения желания и долженствования в глаголах тюркских языков юго-западной группы. Ашхабад, 1980 (на туркменском языке); Н. Нартыев. Хэзирки заман туркмен дилинде гошма сөзлемиң гурлушы. I. Гириш ве дүзмели гошма сөзлем. Ашгабат, 1980.

³ М. Пенджиев. Земледельческая лексика туркменского языка. Ашхабад, 1980; С. Атанязов. Толковый словарь географических названий Туркменистана. Ашхабад, 1980 (на туркменском языке); «Диалект лексикасы». Ашгабат, 1980; О. С. Оразна. Туркменская лексика в произведениях русских писателей Туркменистана. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1980 (далее ссылки на авторефераты кандидатских и докторских диссертаций даются в сокращенной форме: АКД, АДЦ).

⁴ «Актуальные вопросы культуры речи». Ашхабад, 1980 (на туркменском языке); «Очерки по культуре туркменской речи». Ашхабад, 1980.

⁵ Ж. М. Гузеев. Основы карачаево-балкарской орфографии. Нальчик, 1980.

⁶ «Словарь топонимов Башкирской АССР». Уфа, 1980; «Русско-башкирский,

башкирско-русский словарь юридических терминов». Уфа, 1980.

⁷ «Башкирское языкознание. Указатель литературы». Уфа, 1980.

⁸ М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. I. Чебоксары, 1980; Т. Н. Васильева. Глаголы движения в современном чувашском языке. АКД. Уфа, 1980.

⁹ Ф. А. Ганиев. Вопросы морфологии татарского языка. Казань, 1980.

¹⁰ Ш. Шукуров. Узбек тилида феъл майлар тараккиети. Тошкент, 1980.

¹¹ Ҳ. Ғозиев. Узбек пунктуациясининг тарихий тараккиети. Тошкент, 1980.

¹² «Узбек тили стилистикаси ва нутқ маданияти масалалари». Самарканд, 1979.

¹³ У. Доспанов. Диалектная лексика каракалпакского языка. Нукус, 1980; *его же*. Диалектная лексика каракалпакского языка в лингвогеографическом аспекте. АДЦ. Ташкент, 1980.

¹⁴ Ҳ. Бердиёров, Т. Хўжаев, Б. Пулдошев. Тилшуносликка кириш. I қисм. Самарканд, 1980; *они же*. Умумий тилшунослик. Самарканд, 1979; Н. А. Баскаков, А. С. Содиков, А. А. Абдуазизов. Умумий тилшунослик. Тошкент, 1979. См. также: «Ҳозирги ўзбек адабий тилидан курс ишлари тематикаси». Самарканд, 1980; М. Х. Каравова. Французча-русча-ўзбекча ижтимоий-сиёсий луғат. Тошкент, 1980.

¹⁵ «Қыргыз адабий тилинин грамматикасы. I бўлум. Фонетика жана морфология». Фрунзе, 1980.

¹⁶ А. Алдашев. Русско-киргизский терминологический словарь по животноводству и ветеринарии. Фрунзе, 1980.

¹⁷ В. У. Махпиров. Собственные имена в памятнике XI в. «Дивану луғат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского. АКД. Алма-Ата, 1980; Б. Х. Мусукаева. Топонимы Баксанского и Чегемского ущелий Кабардино-Балкарской АССР. АКД. Алма-Ата, 1980.

¹⁸ Р. А. Юсуфов. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань, 1980; М. Б. Финкельштейн.

Именные словосочетания в русском языке и их узбекские соответствия. Ташкент, 1980.

¹⁹ В. И. Золотов. Фонология и морфология агглютинативных языков. Новосибирск, 1980.

²⁰ К. Амиралиев. Семантико-грамматические функции частиц тюркских языков. АКД. Алма-Ата, 1980.

²¹ М. А. Хабичев. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980. См. также: И. Е. Гальченко. Северокавказские регионализмы в лексике современного русского языка. АДД. М., 1980.

²² См. в их числе: З. А. Хисамиева. Язык дастанов Кадыр-Гали бека. АКД. Уфа, 1980; Б. Юлдашев. Язык и стиль произведений Саида Ахмада. АКД. Ташкент, 1979; Р. А. Рустамов. Междометия в современном турецком литературном языке. АКД. Тбилиси, 1980; Ю. В. Шека. Особенности синтаксиса турецкой разговорной речи (простое предложение). АКД. М., 1980.

²³ А. К. Алекперов. Лексическая семантика простых глаголов в современном азербайджанском языке. АДД. Баку, 1980; Р. М. Бирюкович. Строй чулымско-тюркского языка. АДД. М., 1980.

²⁴ См.: «Языкознание. Тезисы докладов и сообщений (III ВТК). Ташкент, 10—12 сентября 1980 г.». Ташкент, 1980; «Литературоведение и история. Тезисы докладов и сообщений (III ВТК). Ташкент, 10—12 сентября 1980 г.». Ташкент, 1980.

Подробнее о III ВТК см.: «Советская тюркология», 1981, № 1, стр. 92—103.

²⁵ См.: «Советская тюркология», 1980, № 2, стр. 83—86.

²⁶ По сведениям, сообщенным Е. И. Маштаковой советские литературоведы-тюркологи опубликовали следующие труды: Эвлия Челяли. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979; Э. Б. Джавелидзе. У истоков турецкой литературы. Джелаледдин Руми (Вопросы мировоззрения). Тбилиси, 1979; В. В. Куделин. Поэзия Юнуса Эмре. К вопросу о гуманизме в литературе средних веков. М., 1980; антология: «Из истории турецкой поэзии». Составитель И. В. Боролина. М., 1979 и «Из турецкой поэзии XX века». Составитель Т. Д. Меликов. М., 1979; сб. «Пушкин в странах зарубежного Востока». М., 1979; Т. Д. Меликов. Турецкая поэзия 60—70 годов XX века. Основные тенденции и направления. М., 1980.

²⁷ Отчеты прислали: Институт языкознания им. Насими АН Азерб. ССР, Институт языкознания АН Казахской ССР, Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина АН Узбекской ССР, Институт языка и литературы АН Туркменской ССР, Институт истории, языка и литературы Башк. филиала АН СССР, Институт языка, литературы и

истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, Институт истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР, отдел филологии Института истории, филологии и филологии Сибирского отделения АН СССР, филологический университет Кемеровского государственного университета, кафедра узбекского языка и литературы Самаркандского государственного университета и др.

²⁸ Доклад печатается в настоящем номере журнала.

²⁹ Проект программы данного курса для казахских отделений пединститутов (автор — Т. Р. Кордабаев) был издан в 1974 году.

³⁰ Доклад печатается в настоящем номере журнала.

³¹ К настоящему времени по фонетике тюркских языков выпущены в свет еще два сборника: «Фонетика сибирских языков». Новосибирск, 1979; «Исследования звуковых систем сибирских языков». Новосибирск, 1979.

³² Далее приводится в сокращении: ДАТЯ СССР—IV.

³³ «История и диалектология языков Сибири». Сборник статей. Новосибирск, 1979; «Сибирский диалектологический сборник (на материале языков коренных народов Сибири)». Новосибирск, 1980; «Народы и языки Сибири». Новосибирск, 1980; «Язык бачатских телеутов». Кемерово, 1976; «Языки народов Сибири». Кемерово, 1977; «Языки народов Сибири». Кемерово, 1978; «Языки народов Сибири». Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Кемерово, 1979.

³⁴ Сб. «Исследования по якутской грамматике и диалектологии». Якутск, 1979; С. А. Иванов. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск, 1980; Н. Н. Ефремов. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1981; С. А. Кундузаков. Сопоставительная фонетика русского и хакасского языка. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1980; А. Стоянов. Тофаларские народные песни. Материалы фольклорных экспедиций 1975—1976 годов. Иркутск, 1980; «Мифы и легенды Алтая». Горно-Алтайск, 1978; М. А. Унгуицкая. Тувинские таптыхи. Кызыл, 1980.

³⁵ См.: «Советская тюркология», 1981, № 1; М. А. Ахунова, М. К. Кошчанов, Э. И. Фазылов. III Всесоюзная тюркологическая конференция. — «Общественные науки в Узбекистане», 1980, № 12.

³⁶ Доклад публикуется в настоящем номере журнала.

³⁷ Доклад публикуется в настоящем номере журнала.

³⁸ Доклад публикуется в настоящем номере журнала.

³⁹ Доклад публикуется в настоящем номере журнала.

**ПЛАН РАБОТЫ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ,
ПРОВОДИМОЙ СОВМЕСТНО С НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ
УЧРЕЖДЕНИЯМИ АКАДЕМИЙ НАУК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, НА 1981 ГОД**

1. Подготовка IX региональной конференции по диалектологии тюркских языков (Уфа, 1982).
Исполнитель: Башкирский государственный университет (Г. Х. Ахатов).
Срок: 1982 г.
2. Редактирование карт пробного «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ СССР), написание вводной статьи к пробному тому (5—6 а. л.), составление смет для картфабрики.
Исполнители: сектор языков народов Сибири отдела филологии ИИФФ Сибирского отделения АН СССР (Е. И. Убрятова, Н. Н. Широбокова, Т. А. Андреева), научный консультант по лингвистическому картографированию М. А. Бородина, действительный член Географического общества АН СССР инженер-картограф Б. Н. Рубцов.
Сроки: 1981—1983 гг.
3. Подготовка и проведение рабочего совещания по техническим вопросам картографирования ДАТЯ СССР.
Исполнитель: сектор языков народов Сибири отдела филологии ИИФФ СО АН СССР (Е. И. Убрятова, Н. Н. Широбокова, Т. А. Андреева).
Срок: апрель 1981 г.
4. Участие в разработке и составлении «Лингвистического атласа Европы» (тюркоязычные районы Европейской части СССР).
Исполнители: Э. Р. Тенишев, диалектологи Татарской АССР, Карачаево-Черкесской АО, Молдавской ССР, Башкирской АССР.
Сроки: 1978—1987 гг.
5. Подготовка материалов ко второму тому «Корпуса древнетюркских памятников» — «Рунические памятники Монголии».
Исполнители: тюрко-монгольский кабинет ЛО ИВ АН СССР (С. Г. Кляшторный), отдел письменных памятников народов Востока ИВ АН СССР (Д. Д. Васильев).
Сроки: 1979—1985 гг.
6. Подготовка «Корпуса эпиграфических памятников Поволжья» (объем — 30 а. л.).
Исполнитель: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (Ф. С. Хахимзянов).
Сроки: 1978—1982 гг.
7. Подготовка «Корпуса армянописьменных памятников кыпчакского языка XVI в.» (в двух частях, общий объем — 40 а. л.).
Исполнитель: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (И. А. Абдуллин).
Сроки: 1980—1985 гг.
8. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по языкознанию в академических центрах союзных республик.
Исполнитель: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.
Сроки: 1981—1983 гг.
9. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по литературоведению и фольклористике в академических центрах союзных республик.
Исполнитель: секция литературоведения и фольклористики СКТ (Х. Г. Короглы).
Сроки: 1981—1986 гг.
10. Участие в совместной работе проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания АН СССР (руководитель М. М. Гухман) в делах активизации исследований по истории тюркских литературных языков.
Исполнитель: Э. Р. Тенишев.
Сроки: 1981—1986 гг.
11. Унификация схемы-описания тюркоязычных рукописей в хранилищах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Ашхабада, Баку, Тбилиси, Еревана, Казани, Уфы.
Исполнители: отдел восточных рукописей при Археографической комиссии, ЛО Института языкознания АН СССР (С. Н. Муратов), ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (И. А. Абдуллин).
Сроки: 1980—1985 гг.
12. Подготовка и проведение совещания по вопросам каталогизации тюркоязычных, арабоязычных, ираноязычных и монголоязычных рукописей.
Исполнитель: Институт истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (З. Г. Ураксин, И. Г. Галаутдинов).
Срок: 1983 г.

13. Учет публикаций тюркоязычных рукописей и текстологических исследований. Исполнитель: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.
Сроки: 1981—1986 гг.
14. Участие в проводимой Археографической комиссией координационной работе по полевым исследованиям, связанным с сбором тюркоязычных и монгольских рукописей. Исполнитель: Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (И. Г. Галаятдинов).
Сроки: 1981—1983 гг.
15. Участие в проведении конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Е. Д. Поливанова. Исполнители: Институт востоковедения АН СССР, Институт языкознания АН СССР (Ф. Д. Ашнин, Г. Ф. Благова).
Срок: февраль 1981 г.
16. Подготовка обсуждения учебных программ пособий по курсам «Введение в языкознание» и «Общее языкознание» для вузов тюркоязычных республик. Исполнитель: Чувашский государственный университет (И. А. Андреев).
Срок: 1982 г.
17. Проведение VII Пленарного заседания Советского комитета тюркологов. Исполнитель: Бюро Советского комитета тюркологов (Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова).
Срок: 9—10 марта 1981 г.
18. Подготовка очередного VIII Пленарного заседания Советского комитета тюркологов. Исполнитель: Бюро Советского комитета тюркологов (Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова).
Срок: март 1982 г.
19. Подготовка IV Всесоюзной тюркологической конференции. Исполнители: Институт языка и литературы АН Туркменской ССР.
Срок: 1984 год.

РЕЗОЛЮЦИЯ

VII ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

Москва, 10 марта 1981 года

Тюркологи страны, одобряя исторические решения XXVI съезда КПСС, выразили готовность и впредь активно трудиться в области народного просвещения, науки и культуры.

1980 год, завершающий год десятой пятилетки, был плодотворным для советских тюркологов. Итоги предшествующего четырехлетия были подведены на III Всесоюзной тюркологической конференции (сентябрь 1980 г., Ташкент)¹.

Критически оценивая достигнутое и нацеливая тюркологов на дальнейшее совершенствование координации и кооперирования их усилий в области как научно-исследовательской, так и научно-педагогической деятельности, VII Пленарное заседание Советского комитета тюркологов рекомендует:

1. В целях улучшения качества подготовки специалистов по национальной филологии просить минвузы и минпросы союзных республик предусмотреть в перспективных планах издание учебно-методической литературы по специальности «Тюркские языки и литературы» для университетов и педвузов тюркоязычных республик, привести учебные программы по таким дисциплинам, как «Общее языкознание», «Введение в тюркское языкознание», «Родной язык», в соответствии с новейшими достижениями общего и тюркского языкознания (соответственно — литературоведения, фольклористики).

Просить секцию общего языкознания Научно-методического совета по высшему филологическому образованию при Минвузе СССР чаще рассматривать вопросы подготовки специалистов по тюркским языкам и литературе.

2. В связи с подготовкой к изданию карт «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ СССР) (1981—1982 годы) рекомендовать руководству Атласа

¹ См. «Советская тюркология», 1981, № 1.

разработать меры, обеспечивающие издание ДАТЯ СССР в одиннадцатой пятилетке (финансирование, выбор картфабрики, издательские лимиты, тираж и др.), и доложить о них на VIII Пленарном заседании Советского комитета тюркологов.

Просить Сибирское отделение Академии наук СССР:

1) продлить тему ДАТЯ СССР для сектора языков народов Сибири отдела филологии ИИФФ на 1981—1983 годы (Н. Н. Широкова, Т. А. Андреева), имея в виду необходимость составления вводной статьи к атласу, редактирование карт, составление сметы для картфабрики;

2) принять на себя расходы по командированию: а) Н. Н. Широковой в Ленинград (1981) для утверждения новой карты-основы атласа ГУГКом СССР и для консультаций по вопросам составления сметы для картфабрики; б) научного консультанта по картографированию ДАТЯ СССР М. А. Бородиной в Новосибирск (осень 1982 г. — весна 1983 г.) для решения технических вопросов, связанных с подготовкой ДАТЯ СССР к печати; в) инженера-картографа, действительного члена Географического общества Академии наук СССР Б. Н. Рубцова в Новосибирск (осень 1982 г. — весна 1983 г.) для сотрудничества с картфабрикой при сдаче атласа в набор.

3. Просить руководство Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР взять на себя функции координирующего органа и к VIII Пленарному заседанию Советского комитета тюркологов совместно с отделами фольклора республиканских академических институтов представить предварительный план мероприятий, включающий в себя работу по каталогизации изданных и неопубликованных вариантов тюркского эпоса и выработку единых методических требований к текстологической работе.

Провести совещание по текстологии на базе головного академического центра — Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

4. Просить Академию наук Украинской ССР, Ленинградское отделение Института языкознания Академии наук СССР и ректорат Донецкого государственного университета поддержать материально и организационно исследования бесписьменных урумских говоров Северного Приазовья, ведущиеся учеными этих учреждений, в частности ускорить публикацию подготовленных работ по этой тематике.

5. Одобрить проделанную работу по подготовке Корпуса рунических надписей Енисея (работа завершена, сдана в Ленинградское отделение издательства «Наука») и Корпуса рунических надписей Монголии (сбор материала продолжается).

6. Бюро СКТ рассмотреть вопрос о разворачивании координации работ по проблемам ранних и средневековых тюркоязычных этносов в Восточной Европе, фиксации и издании языковых памятников, предложив заинтересованным организациям представить комплексный план мероприятий.

7. Бюро СКТ изучить вопрос о возможности для одного из республиканских научных учреждений (сектора или кафедры) взять на себя функции головной организации в деле координации лингвистических исследований с применением математических методов (Чимкентский педагогический институт, проф. К. Б. Бектаев).

8. Просить Главную редакцию издательства «Наука» положительно решить вопрос об издании «Исторического словаря тюркских памятников XI—XV веков», составленного Э. Н. Наджипом.

9. Ввести на ежегодных пленарных заседаниях Советского комитета тюркологов практику критических обзоров тюркологических публикаций — книг и статей, издаваемых в Советском Союзе, поручая ее поочередно разным специалистам в области отдельных дисциплин тюркского языкознания, литературоведения и фольклористики.

Просить редакцию журнала «Советская тюркология» публиковать эти обзоры на страницах журнала в соответствующей рубрике.

10. В целях дальнейшего совершенствования координации тюркологических исследований просить руководство академических тюркологических центров союзных республик и научно-исследовательских институтов языка, литературы и истории автономных республик, краев, областей принять меры по организации книгообмена, обеспечения ежегодного представления информации о научной жизни своего Института для Советского комитета тюркологов и журнала «Советская тюркология».

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Б. А. Серебрянников* (Москва), *Р. М. Бирюкович* (Саратов). Некоторые особенности исторического развития перфекта в различных языках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Ш. К. Марданов* (Ташкент). О семантических сдвигах русских лексических заимствований в узбекском литературном языке 13

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- А. А. Петросян* (Москва). Публикация памятников эпической поэзии тюркоязычных народов в академической серии «Эпос народов СССР» 17
- А. С. Мирбадалева* (Москва). Некоторые вопросы критической оценки текстов эпоса тюркоязычных народов 21
- Н. В. Кидайш-Покровская* (Москва). Перевод тюркоязычного эпоса в академической серии 25

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Н. А. Баскаков, Н. З. Гаджиева, П. И. Кузнецов, С. А. Соколов* (Москва). Теоретические проблемы и вопросы по тюркскому языкознанию, рекомендуемые для докторских и кандидатских диссертаций 32

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Б. Чарьяров* (Ашхабад). Туркменское языкознание. Итоги и проблемы 38
- А. Н. Гаркавец* (Киев). О происхождении и классификации урумских говоров Северного Приазовья 46
- Ф. Хисамитдинова* (Уфа). О сочетаниях lt, mt, nt, rt в тюркских языках 59
- А. Г. Гулиев* (Баку). Структурно-этимологический анализ первообразных темпоральных наречий в тюркских языках 66
- Э. Н. Наджип* (Москва). Еще раз о «Гулистане» Сейфа Сарая 75

РЕЦЕНЗИИ

- Ф. С. Сафиуллина* (Казань). «Татар теленең анлатмалы сүзлеге» 81
- Л. Г. Гулиева, В. Л. Гукасян* (Баку). *Н. А. Баскаков*. Русские фамилии тюркского происхождения 85
- Л. Ш. Арсланов, Р. Г. Салихов* (Елабуга). «Исследования по исторической диалектологии татарского языка» 88
- А. А. Ахундов, Ш. М. Саадиев* (Баку). *Хабичев М. А.* Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа 91
- К. Мусаев* (Москва). *Р. Бердубаев*. Қазақ тарихи романы 93
- О. Т. Молчанова, Т. Н. Фомина* (Ярославль). *H. Scheinhardt*. Typen türkischer Ortsnamen 94

ХРОНИКА

- Г. Ф. Благова* (Москва). Седьмое пленарное заседание Советского комитета тюркологов 98

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- B. A. Serebrennikov* (Moscow), *R. M. Biryukovich* (Saratov). Some peculiarities of historical development of perfect in different languages 3

LANGUAGES IN CONTACT

- Sh. K. Mardanov* (Tashkent). On semantic shifting of the Russian lexical borrowings in the Uzbek literary language 13

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

- A. A. Petrosyan* (Moscow). Publication of written records of turkic epic poetry in Academic series «Epos of the peoples of the USSR» 17
A. S. Mirbadaleva (Moscow). Some problems of estimation of texts of turkic epos 21
N. V. Kidaish-Pokrovskaya (Moscow). Translation of turkic epos in Academic series 25

DISCUSSIONS

- N. A. Baskakov, N. Z. Gadzhieva, P. I. Kuznetsov, S. A. Sokolov* (Moscow). Theoretical problems and themes on turkic linguistics recommended as theses for Doctor's and candidate's degree 32

REPORTS, SURVEYS

- B. Chariyarov* (Ashkhabad). The Turkmen linguistics: results and problems 38
A. N. Garkavets (Kiev). On the origin and classification of urum subdialects of the North Priazovye 46
F. Khisanuidinova (Ufa). On combinations of lt, mt, nt, rt in the Turkic languages 59
A. G. Guliyev (Baku). Structural and etymological analysis of primary temporal adverbs in the Turkic languages 66
E. N. Nadzhip (Moscow). Once again about «Gulistan» by Seif Sarai 75

REVIEWS

- F. S. Sajiullina* (Kazan). «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге» 81
L. G. Guliyeva, V. L. Gukasyan (Baku). Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения 85
L. Sh. Arslanov, R. G. Salikhov (Yelabuga). «Исследования по исторической диалектологии татарского языка» 88
A. A. Akhundov, Sh. M. Saadiyev (Baku). Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа 91
K. Musayev (Moscow). Р. Бердибаев. Қазақ тарихи романы 93
O. T. Molchanova, T. N. Fomina (Yaroslavl). H. Scheinhardt. Typen türkischer Ortsnamen 94

CHRONICLE

- G. F. Blagova* (Moscow). The 7-th plenary session of the Soviet Committee of turkologists 98

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 22/V-1981 г. Подписано к печати 28/IX-1981 г. ФГ 33208. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 9,4. Заказ 3567. Тираж 2856. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

1 руб.

Индекс
70927

56-55